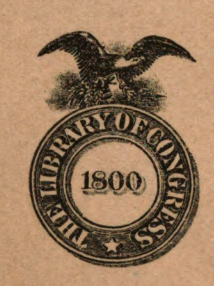
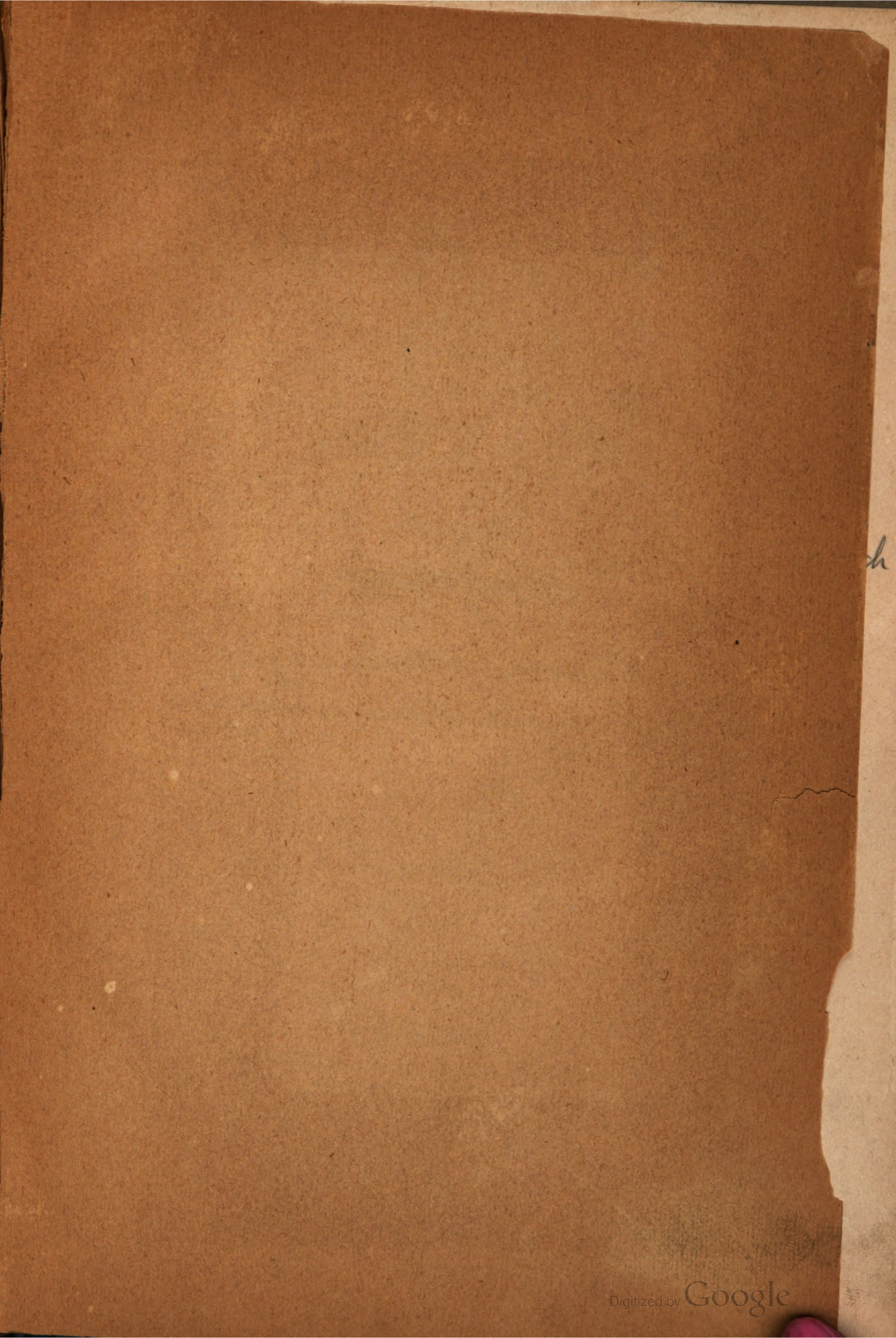

KF
16816
NEDL TRANSFER
HN 4RBU Q

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СТАНИСЛАВЪ ЗНОЕМСКІЙ

ЯНЪ ГУСЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Duvernua, Aleksandr Lvovich

АЛЕКСАНДРА ДЮВЕРНУА.

1. О борьбѣ академическихъ націй въ Пражскомъ Университетѣ (1348 – 1409).
2. Пражскій эпизодъ изъ полемики между реалистами и номиналистами.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

Изданіе Императорскаго Московскаго Университета.

СТАНИСЛАВЪ ЗНОЕМСКІЙ И ЯНЪ ГУСЪ.

(Двѣ главы объ исторіи пражскаго университета).

I.

Время учрежденія пражскаго университета и политическія событія, его учрежденію современныя, согласнымъ сужденіемъ патріотической исторіографіи Богеміи, признаны за эпоху цвѣтенія славянской части ея населенія. Въ третьей четверти XIV столѣтія, въ лучшіе годы царствованія короля чешскаго и императора римскаго Карла IV, Славяне Богеміи переживали свое лучшее время. За его предѣломъ, исторіографія славянской Богеміи съ утомленіемъ слѣдитъ за борьбою націи съ противодѣйствующими силами церковнаго авторитета, всегда находившаго дѣятельную помощь въ „свѣтской рукѣ“ государей. Какъ бы ни были высоки заслуги націи, вызвавшей на столь продолжительную, непрерывную борьбу за религіозную идею, и церковь и государство, какъ бы ни были дороги для нея самой тѣ мгновенія этой борьбы, въ которыхъ ея правомощные противники вынуждены были прислушиваться къ истинѣ, ею обороняемой; все же, при всей патріотической внимательности къ лучшимъ сторонамъ этого тяжелаго времени исторіографъ, доводящій эту борьбу до того или другаго ея термина, не избѣжитъ приговора надъ событіями, приспѣвшими къ долговѣчному изнеможенію народа.

Такъ рѣзко провела патріотическая исторіографія Богеміи черту, отдѣляющую время Карла IV отъ времени его

сыновей Вячеслава IV и Сигизмунда I. Въ годы Карла IV Прага служила средоточіемъ всей Средней Европы во всѣхъ высшихъ отправленіяхъ умственной, экономической и политической ея жизни. Учрежденіе университета, быстрое возрастаніе матеріальнаго благосостоянія и развитіе роскоши, расширеніе территоріальнаго объема страны служатъ вѣрными отраженіями того значенія, которое получила Прага, какъ королевская резиденція императора Карла IV. Но этимъ своимъ преуспѣяніемъ императорская резиденція была обязана не усиліямъ своего кореннаго населенія, а свободнымъ соревнованіямъ всей образованной Европы *). Пріобрѣтая во благо своей династіи, браками, наслѣдіями, договорами и покупками область за областью въ Силезіи, Баваріи, Саксоніи, Карлъ IV былъ на пути къ возсозданію Римской Имперіи на государственной почвѣ Богеміи. „Еслибы намѣреніе Карла пришло въ исполненіе, Германія стала бы монархіей, подобною Франціи, но сіе самое, конечно, повлекло бы за собою разложеніе славянской народности Богеміи“ **). Итакъ, въ своемъ счастіи нашли бы Славяне Богеміи послѣдніе дни своей національной самобытности: они, по ученію патріотической исторіографіи, потерялись бы въ соревнующей имъ дѣятельности, нѣмецкой національности; къ этому они были близки, въ лучшіе дни своей исторіи, кои переживали во времена императора Карла IV. Отъ времени Карла IV Богемія сохраняетъ и доселѣ, какъ извѣстно, не мало памятниковъ, свидѣтельствующихъ объ усиленной дѣятельности промыш-

*) Современный Карлу IV пражскій моралистъ имѣлъ обширный и разнообразный выборъ красокъ для изображенія пороковъ современнаго человѣчества. Такъ Матвѣй изъ Янова въ „Joannis Hus historia et monumenta, Norimbergae. 1558. t. I, p. 425 a: „Licet enim quodlilet populus et regnum moderni seculi fere omnibus criminibus est repletus, nihilominus tamen est videre miro modo quodlibet regnum magis in uno vitio mortali laborare, ut Francigenae in superbia, Flandri et Australes in luxuria, Almanni et Teutonici in avaritia, Bohemi et Poloni in gula.“

**) Fr. Palacky, Geschichte von Böhmen II, 2, p. 385.

ленности, искусства и науки. Они хранятъ долгую память по краткой эпохѣ ихъ процвѣтанія (1346—1378). Украшая Прагу мостами, монументальными зданіями, Богемію—замками, дорогами, возвеличивая достоинство короны Святаго Вячеслава новыми областями, Карлъ IV вызывалъ симъ самымъ страну на едва выносимое напряженіе силъ. Отголосковъ жалобы на несоразмѣрность этихъ усилій съ возрастомъ страны и народа, несшаго на себѣ всю тяжесть смѣлыхъ предпріятій, нельзя, конечно, искать у придворныхъ поэтовъ и хронистовъ (у Петрарки, Мариньолы или у Пулкавы), тѣмъ менѣе въ автобіографіи самого Карла IV, или въ актахъ современнаго законодательства, носившихъ на себѣ ясную печать личной воли Карла IV, а потому едва переживавшихъ годъ своего изданія. *) Насильственное развитіе, къ которому была вызвана экономическая и политическая жизнь Богеміи волею императора Карла IV весьма рано вызвало націю, къ чести ея здравомыслія и самосознательности, къ протесту, хотя покуда и пассивному, но важному по послѣдствіямъ, спѣшившимъ за нимъ на разстояніи двухъ десятилѣтій. Всего яснѣе созналъ и высказалъ протестъ кореннаго населенія страны на несоразмѣрность политики ея государя съ ея благомъ и интересами, рыцарь Ѳома, владѣвшій въ Штитномъ, принадлежавшій, слѣдовательно, къ привилегированному сословію и съ благодарностью воспользовавшійся всѣми источниками образованія, введеніе которыхъ было заслугою Карла IV. Рыцарь Ѳома, одинъ изъ

---

*) Majestas Carolina писана около 1350 г., упразднена пражскимъ сеймомъ въ 1355 г. Palacky ibidem, pp. 290, 335. У современныхъ писателей встрѣчаемъ также мало довѣрія къ кесарскому праву. Такъ рыцарь Ѳома отдаетъ преимущество праву церковному предъ кесарскимъ; ибо „оно само не стыдится слѣдовать праву церковному.“ „Есть, однако, кое-что въ кесарскомъ правѣ, чего церковное не предписываетъ, но самымъ молчаніемъ своимъ какъ бы понуждаетъ къ тому же, какъ напр., къ смертной казни воровъ, и многіе подобные случаи. Но что церковное право запрещаетъ, того дѣлать не слѣдуетъ, хотя бы кесарское право и прямо то предписывало. Knižky šestery, p. 145.

старѣйшихъ питомцевъ пражскаго университета, въ томъ своемъ сочиненіи, которое знаменательно совпадаетъ по времени своего происхожденія съ послѣднимъ тяжкимъ для народа актомъ купли Бранденбурга въ 1374 *), въ „knižkach šesterych o obecnych vécech křestanskych", оконченныхъ въ 1376 г. **), такъ сѣтуетъ на внутреннюю и внѣшнюю политику своего государя: „Мыта берутся иногда справедливо, а иногда и неправедно. Справедливымъ мытомъ называется то мыто, которое государь установилъ взимать ради удовлетворенія какой-либо дѣйствительной потребности для поправки дорогъ, для ихъ обезпеченія въ выгоду проѣзжихъ купцовъ, для постройки мостовъ. Разъ эти потребности удовлетворены, должна бы прекратиться съ ними и уплата мыта. Но кто беретъ мыто съ духовенства, съ свободныхъ паношей и владыкъ ***, тотъ беретъ неправедное мыто. Дурной обычай не имѣетъ оправданія; да и не обычаемъ его называть слѣдуетъ, а нарушеніемъ права. Знайте господа! если вы будете попускать порабощеніе свободнаго сословія владыкъ и духовенства, то месть васъ настигнетъ въ то время, когда и вы сами будете порабощены. Ибо тѣ лишь должны платить мыто, кто взыскиваетъ съ народа купеческую лихву. ****)..... Берню же называется здѣсь въ Чехіи общая помощь, подаваемая народомъ королю. Господа сначала допустили бернь съ добрымъ намѣреніемъ для общаго блага, и дозволить ее они по справедливости должны были въ виду дѣйствительной потребности короля. Но видя безпорядокъ во взиманіи бер-

*) Palacky ibid. p. 383.

**) См. предисловіе Эрбена къ изд. этого сочиненія въ 500-лѣтній юбилей Пражскаго университета. 1850, стр. XVIII.

***) Значеніе слова „владыка во второй половинѣ XIV ст. легко опредѣляется тѣмъ, что имъ передается въ современномъ чешскомъ переводѣ Maj. Car. лат. слово nobilis: non licet alicui baroni vel nobili suis vel alterius hominibus oculos eruere: nesluši žádnemu panu ani wládyce, by swým neb cizím lidem oči wymietal. Majestas Car. § LXXXV. Arch. č III, p. 154.

****) Th. zest. o obecných věcech p. 155.

ни, не могу я сказать, чтобы дѣло обходилось безъ грѣха великаго, какъ въ отношеніи короля, такъ и къ господамъ и къ собирателямъ берни, и къ владыкамъ. Мнѣ страшно за короля, что ее онъ собираетъ такъ часто, и все изъ желанія собирать земли окрестныя болѣе въ благо своихъ дѣтей, чѣмъ къ благу общественному. А легко ли одной странѣ накупить такое множество иныхъ странъ? Паны же, съ своей стороны, грѣшатъ тѣмъ въ берни, что льстятъ королю, боясь разгнѣвать его правдою. Но, какъ я сказалъ, льстя королю, они попускаютъ общественное зло. Не безъ вины здѣсь и владыки, съ своихъ людей взимающіе по поводу королевской берни, болѣе, чѣмъ сами вносятъ королю, и взимая ее притомъ безъ всякой милости какъ съ хорошихъ, такъ и съ дурныхъ владѣній. Собиратели берни, въ свою очередь, грѣшатъ тѣмъ, что при правильномъ взиманіи своего оброка, притѣснительно взимаютъ деньги за квитанцію *); какъ напримѣръ, въ бернь для Бранденбурга (1374 г.) **) пятый или даже иногда четвертый грошъ шелъ въ оброкъ и за квитанцію, а кромѣ того платилось писцамъ особенно ***). Такъ я писалъ о собирателяхъ берни, пока не зналъ вполнѣ ихъ злодѣяній; но въ эту послѣднюю бернь (т. е. Бранденбургскую 1374 г.) я узналъ о нихъ то, что мнѣ до сихъ поръ еще неудавалось знать. Они подѣлали себѣ фальшивыя книги, по коимъ взимали свой оброкъ въ большей противъ установленнаго мѣрѣ, угрожая простымъ людямъ авторитетомъ книгъ: „Смотри, читай самъ! Что скажешь ты противъ этихъ книгъ!“ Отчетъ же во взиманіи берни они отдавали по законнымъ книгамъ, гдѣ ихъ оброкъ бывалъ показанъ въ установлен-

*) „Zamazné.“

**) Съ сихъ словъ слѣдуетъ, очевидно, прибавка позднѣйшей редакціи 1376 г., когда Ѳома уже въ послѣдній разъ обработывалъ это сочиненіе, начатое имъ уже давно.

***) Весьма старательно маскируетъ финансовыя затрудненія въ бранденбургскомъ дѣлѣ панегиристъ Карла Бенешъ Вейтмильскій въ Scr. rerum bohem. II, 419 (s. A. 1373).

ной мѣрѣ. *) О послѣдствіяхъ такихъ экономическихъ насилій рыцарь Ѳома говоритъ еще лучше, еще опредѣленнѣе: „А сколько господъ и владыкъ понесли ущербъ въ своихъ доходахъ отъ того времени какъ былъ отчеканенъ добрый чешскій грошъ во времена короля Вячеслава втораго. **) Во времена Вячеслава II-го 64 гроша стоили гривну серебра, какъ дошло до меня. Во времена нашихъ отцовъ (2-е, 3-десятилѣтіе XIV в.) въ тотъ же чеканъ чешскаго гроша ввели мѣди настолько, что серебряная гривна стоила уже 72 гроша. Затѣмъ недавно все въ тотъ же чеканъ и въ ту же мѣру прибавили мѣди еще болѣе, такъ что гривна цѣнилась уже въ восемьдесятъ грошей. И, наконецъ, при Ротлебѣ примѣшали настолько мѣди, что и за полторы копы едва даютъ гривну серебра. Ясно, что и господа, и владыки всей страны потерпѣли великій ущербъ въ доходахъ! За удовлетвореніе всякой потребности мы платимъ дороже, ибо купцы хорошо знаютъ, что чешскій грошъ содержитъ въ себѣ болѣе прежняго мѣди. А что за безпорядокъ господствуетъ въ мелкой монетѣ (въ галлерахъ), о томъ хорошо знаетъ всякій, кто часто бываетъ въ Прагѣ.“ Дороговизна, очевидно, возбуждала всеобщія жалобы,—и панегиристы Карла истощали свою изобрѣтательность, придумывая самыя невѣроятныя объясненія ея, съ исключительною цѣлью скрыть того, кто былъ ея единственнымъ виновникомъ. Такъ Бенешъ Вейтмильскій объясняетъ ее римскими празднествами 1350 г., которые привлекли благочестивыхъ людей со всего конца міра въ Римъ. Тамъ возникла, будто, эта ненавистная дороговизна и оттуда была развезена по всему міру: „Sed unum compellor scri-

*) Th. ze st. ibid. pp. 156—157. Въ этомъ сочиненіи находимъ во многихъ мѣстахъ жалобы и на взятки, называвшіяся въ то время „kolace“, pp. 146, 159, 160.

**) Съ 1300 г. пошелъ счетъ копами (=60) грошей. Копою грошей въ 1300 г. измѣрялась цѣнность фунта серебра. Но съ 1307 г. уже считалась цѣнность фунта серебра въ 64 гроша. Порча монеты времени короля Іоанна возрастала при сынѣ его Карлѣ IV, пока наконецъ цѣнность фунта серебра не возрасла до 90 грошей. Palacky II, 2, p. 392.

bere“, говоритъ Бенешъ, „quia in rei veritate sic se habet quod hi, qui colligunt hospites et artifices, mechanici, *non solum Boemi*, sed et aliarum terrarum de hujusmodi peregrinatione reversi, inceperunt facere caristiam omnium victualium et necessariorum, et sic ab eo tempore venit in consuetudinem, quod omnia humanis usibus necessaria sunt in caro foro *ubique locorum*.“ *) Ясно, что р. Ѳома противопоставляетъ благо народное тому чисто своекорыстному побужденію, которое заставляло Карла IV такъ часто прибѣгать къ берни. Его жажда пріобрѣтенія высказалась всего рѣзче въ юности, когда онъ, завися вполнѣ и во всемъ отъ отца, позавидовалъ своему младшему брату Іоанну, владѣвшему Тиролемъ. Не имѣя средствъ къ осуществленію плановъ, внушаемыхъ ему чувствомъ зависти, онъ становится хитрымъ изобрѣтателемъ видѣній, свыше дарующихъ ему пожеланное имъ достояніе брата. Такъ еще въ 1334 г. (на 18-мъ году отъ рожденія) ему, покоящемуся однажды ночью въ сообществѣ своей свиты, при свѣтѣ многихъ свѣтильниковъ явился нечистый духъ (spiritus immundus), который невидимой рукой привелъ въ движеніе стоявшіе въ комнатѣ сосуды: сосуды передвигались и звучали при взаимномъ соприкосновеніи. Вскорѣ затѣмъ является къ нему изъ Тироля, отъ лица тамошнихъ пенатовъ (ex parte spirituum, qui Krzetky **) dicuntur), капеланъ его брата Іоанна, графа Тирольскаго, по имени Матвѣй, съ увѣщаніемъ идти въ Тироль и управлять имъ вмѣсто младшаго брата. Эти тирольскіе пенаты, по извѣстію Матвѣя, и были той невидимою силой, которая привела въ такой безпорядокъ его комнату (въ ознаменованіе предстоящаго пути въ Тироль). ***) Юношескія мечты не сбылись. Но гораздо позже, когда императоръ Лудовикъ баварскій лишилъ Іоанна его обла-

*) Scr. rerum bohem. II, p. 355.

**) Имя этихъ домашнихъ геніевъ трудно подѣлить между Славянами и Нѣмцами. Ср. Graff althochd. Sprachschatz t. VI, col. 557: *scrata* въ см. *malus genius*. Grimm Gram. I, p. 88, 341 adn. въ см. *faunus*, *larva*, *monstrum*.

***) Benessius de Veitmil in Scr. r. boh. t. II, pp. 269, 309.

сти Тироля, Карлъ не былъ согласенъ на вознагражденіе его Лужицей. *). Когда Карлъ возросъ, пенаты многихъ и многихъ странъ пожелали его верховнаго покровительства, но чешскіе krzetky устами р. Ѳомы жаловались на обиды!

Тому раздумью, на которое наведенъ былъ начитанный, умный рыцарь Ѳома въ сельскомъ уединеніи и въ зрѣлую пору своего вѣка, большинство не слѣдовало. И въ годъ того же правленія, одновременно съ жалобами на экономическія насилія, дозрѣли и нравственныя раны общества до громкихъ сѣтованій со стороны тѣхъ, кто, не испытывая судорожныхъ сокращеній въ жизни того общества, могъ яснѣе другихъ сознавать ихъ болѣзненное значеніе.

Кромѣ протеста, во всякомъ случаѣ имѣющаго значеніе исключительное уже по одному тому, что онъ вышелъ изъ устъ образованнаго человѣка независимаго положенія въ свѣтѣ, правленіе Карла IV своими дурными сторонами не преминуло отразиться на бытѣ низшаго сословія, несшаго на себѣ всѣ экономическія тяжести. Начиная съ его времени появляются признаки существеннаго ухужденія (deterioratio) въ бытѣ сельскаго сословія. Патріотическая исторіографія, естественнымъ образомъ, отсрочиваетъ этотъ грустный актъ до времени, по возможности, позднѣйшаго. Актъ закрѣпощенія сельскаго сословія состоялся въ правленіи Ягеллонида Владислава II-го, въ 1487 г., на сеймовомъ засѣданіи этого года 14 марта **). Но можно ли измѣрять и оцѣнивать подобныя явленія одними актами законодательства? Начатки и причины ихъ весьма часто приходится находить не въ однихъ событіяхъ, ближайшихъ къ нимъ по времени. Палацкій въ указанномъ мѣстѣ всю вину закрѣпощенія слагаетъ на эпоху гусситскихъ войнъ: они вербовали свои шайки изъ сельскаго сословія, бѣднявшаго вслѣдствіе запущенія полевыхъ работъ. Возвращаясь съ войны сельчане находили свою землю и домъ разоренными, и, увеличивая собою классъ безпутнаго пролетаріата,

*) Scr. rer. boh. II, p. 333.

**) Palacky, Dějiny; V, 1, pp. 264—271.

сами вызвали противъ себя тѣ суровыя мѣры укрощенія, которыя нашли себѣ законодательное признаніе въ сеймовомъ засѣданіи 14 марта 1487 г. Законодательными мѣрами невозможно образовать цѣлаго сословія. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ помянутаго сейма въ сочиненіи знаменитаго юриста Корнелія изъ Вшегердъ, котораго первая обработка относится къ 1495 г., мы встрѣчаемъ цѣлое сословіе *chlapstwí* опредѣленное вполнѣ въ отношеніи подсудности *). Если мы начнемъ отъ этого хронологическаго числа отсчитывать десятилѣтія, то намъ придется ихъ счесть до 12, и въ 1375 году мы найдемъ уже весьма ясные слѣды той детеріораціи въ бытѣ сельскаго сословія, о которой идетъ рѣчь. Рыцарь Ѳома **), разсматривая отношенія сельскаго класса къ землевладѣльцамъ и подразумѣвая тѣ именно отношенія, въ которыхъ находится эмфитевтъ къ эмфитевціярію, вполнѣ одобряетъ взысканіе такъ-называемаго vzdajného, т.-е. денегъ, уплачиваемыхъ переселяющимся поселяниномъ при сдачѣ эмфитевтическаго участка его владѣтелю, находя для подобнаго взысканія то основаніе, что во время своего вещнаго владѣнія сдаваемымъ участкомъ эмфитевтъ могъ, своей виной, убавить цѣнности его. Но онъ не одобряетъ взысканія такъ-называемаго zchodného. ***) Тонкое чутье къ личной свободѣ указало Штитному, что въ этой подати содержится зародышъ ея нарушенія. Современники недостаточно оправдывали этотъ обычай тѣмъ что владѣтелю приходилось прилагать трудъ къ тому, чтобы переселить новаго эмфитевта изъ какого-нибудь другаго мѣста ****). Но въ томъ же мѣстѣ р. Ѳома строго осуждаетъ землевладѣтелей за ту *криоду передъ Богомъ*, когда, безъ всякой вины со стороны поселянина, а лишь потому, что онъ богатъ или бездѣтенъ, въ видахъ наслѣдованія

*) Knihy dewatery o praviech a súdiech i o dskách země česke; p. 96.

**) O. c. p. 159.

***) Zchodné nerozumějí, by kudy bylo brati správno. Ibidem.

****) Ibid. p. 349 Erben: Rkp. mus. I, №11, § 67: zchodné proto *móž pán s právem* vzieti *podlé určeného obyčeje* od toho člověka, ježto od neho jde: že práci má, když wyhošťuje zase od jinud člověka.

владѣтель не отпускаетъ его съ участка, или стѣсняетъ его переходъ условіемъ взятки (kolače). Возможность подобныхъ притѣсненій можетъ быть объяснена тѣмъ, что исковое право эмфитевтовъ было крайне ограчинено. Мы затрудняемся указать на актъ, болѣе близкій къ разсматриваемой эпохѣ, но за многія десятилѣтія до сейма 1487 г., мы встрѣчаемъ „robotěžní lidé" беззащитными, на милость отдаваемыми, рабами *). Издревле, вѣроятно, прежде другихъ, подверглись ухудженію эмфитевтическія владѣнія духовныхъ лицъ, хотя нормальное состояніе ихъ, per analogiam, должно бы было быть наилучшимъ **). Въ нихъ именно, эмфитевты платили меньшія подати владѣтелямъ и, вслѣдствіе этого, увеличивали цѣнность владѣнія улучшеніемъ качества и поверхности земли (amelioratio). При этихъ условіяхъ, уровень благосостоянія эмфитевта духовныхъ земель возвышался, и на немъ они могли твердо держаться за свои права на вещное владѣніе, на наслѣдованіе, на иски. Утрата этихъ правъ предполагаетъ пониженіе ихъ благосостоянія, обнищаніе. Эмфитевты, именно, духовныхъ владѣній пражскаго округа дошли до такой степи детеріораціи въ правленіе Карла IV, что могли возникать самыя противорѣчивые толки и пренія о ихъ состояніи и правахъ между ученѣйшими юристами пражскаго университета того времени. Мы разумѣемъ „Tractatus magistri Cunssonis contra magistrum Albertum Ranconis de Ericino de devolutionibus non recipiendis a rusticis ecclesiae vel dominorum", ***), относящійся къ 1383 г. Это сочиненіе содержитъ въ себѣ донесеніе архіепископу Пражскому Іоанну о прѣніи докладчика Кунеша (Конрада) Теребовльскаго ****, кустоса и каноника пражскаго, съ ма-

---

**) Такъ напр. въ актѣ отъ 1434 г. въ Архивѣ Чешскомъ; I, p. 344

**) Institutionen von Puchta 1857. § 245; II, p. 723.

***) Fontes rerum austriacarum I, 6, 2, pp. 48—50.

****) Какъ профессоръ декретовъ Кунешъ упоминается въ матрикѣ юридическаго университета: a Cunssone de Trzibowel decretorum doctore Remboldus de Novimagio, clericus coloniensis dioec. gradu baccalariatus in decretis est insignitus. Mon. hist. univ. prag. II, 1, p. 27.

гистромъ Альбертомъ. Изъ него приводитъ Палацкій *) только то мѣсто, изъ котораго можно заключить о крайнихъ терминахъ контраверсы. Магистръ теологіи и докторъ декретовъ Альбертъ утверждалъ, *quod rustici sunt ribaldi* **), *solum nudum usum habentes*; магистръ теологіи и докторъ декретовъ Кунешъ возражалъ: *quod rustici sunt liberi et non servi*. Послѣдній, будучи докладчикомъ, приводитъ только одно изреченіе своего противника, безъ тѣхъ доказательствъ, которыми тотъ, предположительно, подтверждалъ его; свое же возраженіе, какъ видимъ по полному тексту Геффлерова изданія, онъ обосновалъ *преимущественно* тѣми положеніями римскаго права, которыя болѣе могутъ служить для теоретическаго опредѣленія эмфитевзиса, чѣмъ для его исторической характеристики въ данное время и при данныхъ условіяхъ. Такъ эта контраверса осталась бы неразрѣшимою по тѣмъ мѣстамъ, которыя приводятся Палацкимъ. Полное изданіе текста Геффлера въ „Fontes“, какъ оно ни мало удовлетворяетъ самымъ первымъ требованіямъ филологіи, помимо всѣхъ его недостатковъ, помогаетъ, однако, примиренію этой безъ того безплодной контраверсы. Конрадъ (Кунешъ) не оставляетъ никакаго сомнѣнія въ томъ, противъ чего направлено его рвеніе, и на чемъ основывались абузивныя стремленія его противника Альберта: Sub praetextu *pravae consuetudinis* bona pauperum sibi usurpare praesumunt; pro extirpanda *paganica consuetudine*; reperimus *consuetudinem*, quod rusticorum, censitarum et subditorum censualium bona mobilia et immobilia non ad consanguineos vel heredes, sed ad mensam nostram veniebant; licet autem alias consuetudinis non sit levis auctoritas, nos tamen hujusmodi *consuetudinem* reprobamus; quod *consuetudo* in contrarium est mala et corruptela; quod dicta *consuetudo* praescribi non potest. Изъ приведенныхъ мѣстъ ясно, что у землевладѣтелей былъ обычай ограничивать право наслѣдства въ сельскомъ сословіи (jus

*) Geschichte v. Böhmen II, 2, p. 31, adn. 38.

**) „Videntur (alicubi) ii inteligi, quos Galli *Vagabonds* dicunt“. Ducange.

devolutionis); и такое ограниченіе можетъ быть основано только на общемъ ослабленіи правомощности всего сословія.

При здравомъ пониманіи выгодъ, являлся протестъ противъ подобнаго рода злоупотребленій, и онъ находилъ, по всему вѣроятію, полное сочувствіе при дворѣ Карла IV, лучше другихъ понимавшаго неразрывную связь выгодъ землевладѣтеля съ выгодами эмфитевта. Это видно уже изъ того, что, судя по нѣкоторымъ предписаніямъ его „Majestas Carolina", королевскія владѣнія выгодными условіями поселенія и податной системы были постоянной приманкой для сельчанъ, охотно для нихъ оставлявшихъ свои прежніе участки. Были жалобы, которыя уважилъ Карлъ IV въ §§ 77 и 78 своей „Majestas" *). Предусматривая возможный ущербъ частнаго хозяйства землевладѣтелей, онъ ограничилъ безотчетный переходъ днемъ Sancti Martini **), притомъ обезпечивая за эмфитевтомъ jus vendendi и пр. Могли быть счастливыя исключенія и въ духовныхъ владѣніяхъ, особенно такихъ, которыя успѣли скопить болѣе предметовъ улучшенія и потому не шли путемъ ухужденія, судя по слѣдующему мѣсту трактата Кунеша: „Clerici jam dudum *ad cor reversi de die in diem minus et minus illi pravae consuetudini* innituntur, ymo omnes civitates regni Boemiae *ex pia dispositione principis* ***) illam sanctam catholicam et canonicam legem tenent de successionibus liberorum masculorum et feminarum et etiam consanguineorum ascendentium et descendentium ****).

---

*) Archiv česky, III, pp. 148—150.

**) „Si vero alio tempore infra annum, tunc prius datis fidejussoribus idoneis domino suo, per quos in termino dicti festi sti Martini de censu, vel alias de labore seu cultura terrarum debitis, possit eidem domino integraliter responderi".

***) „Licet nostra regalis auctoritas legibus sit soluta: tamen quia *pii principis* est" etc. Maj. Car. § 77 in.

****) Servus, въ противоположность hereditarius, встрѣчаемъ въ смыслѣ обратномъ здѣсь приведенному мѣсту у мистика-моралиста Матвѣя изъ Янова, который такъ примѣняетъ эти современныя ему, при-

Духовенство страны, въ вѣдѣніи котораго находилось все дѣло народнаго образованія, несмотря на все покровительство клерикально-настроеннаго императора, во всѣхъ своихъ назначеніяхъ было затрудняемо насильственнымъ, изъ Рима странѣ навязаннымъ соревнованіемъ братьевъ ордена предикаторовъ (minorum religionum, mendicantium, Доминиканцевъ). Съ значеніемъ ихъ и дѣятельностью въ странѣ знакомятъ насъ проповѣди и сочиненія вѣнскаго проповѣдника, впослѣдствіи священника литомѣрицкой епархіи и, наконецъ, пражскаго каноника Конрада Вальдгаузера. Главный источникъ, посвящающій во многія тайны этой борьбы, представляетъ „apologia Konradi in Waldhausen" *), которою онъ оборонялся отъ навѣтовъ ордена. Братья предикаторы почувствовали осязательный ущербъ въ своемъ матеріальномъ благосостояніи съ тѣхъ поръ, какъ Пражане, внимая проповѣдямъ Конрада, стали воздерживаться отъ посѣщенія ихъ монастырей и отъ тѣхъ дѣлъ милосердія и благочестія, на которыя прежде вызывало ихъ притворное не во Христѣ нищенство богатыхъ Мендикантовъ. Изъ ихъ среды выходили и профессоры недавно возникшаго университета. Магистръ Альбертъ, первый профессоръ богословія въ Прагѣ, принадлежалъ ихъ ордену, и будучи по происхожденію Чехомъ и пражскимъ магистромъ первой промоціи 1349 г., умѣлъ снискать своему ордену расположеніе людей свободомысленныхъ и мало доступныхъ подобнымъ вліяніямъ. Рыцарь Ѳома въ слѣдующихъ выраженіяхъ посвящаетъ

вычныя отношенія соціальныя къ иронической характеристикѣ клерикальной касты: Et faciet omnes habere characterem in manu sua aut in fronte Bestiae: ne quis possit emere aut vendére, nisi qui habeat characterem Bestiae, id est, sigillum, vel potestatem regum, principum, dominorum, aut numerum nominis ejus, id est, nomen regni vel principatus continentem: qui more gentilium dominantur in populo Dei, non tanquam servi dei sed haereditarii". Ioannis Hus monumenta. Noribergae. 1558, t. I, p. CCCCXXIV в.

*) Полный ея текстъ читается у Гёфлера въ Fontes rerum austriacarum 1, VI, 2; pp. 17—39.

ему свои „шесть книгъ христіанскаго ученія", покорно повергая ихъ его правовѣрной цензурѣ: „грознаго разума и изумительной памяти магистру Альберту, который, *первый изо всѣхъ Чеховъ*, достигъ магистерскаго званія въ Св. Писаніи" и пр. И затѣмъ, подъ конецъ своего ученическаго посвященія, онъ проситъ его приложить къ его посильному труду руку исправленія въ слѣдующихъ словахъ: „И хорошо бы было, чтобы и *твой родной языкъ* тобою попользовался и сохранилъ бы по тебѣ память на все то время, пока эти мои книги не изчезнутъ изъ памяти людской" *). Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1364 г. Конрадъ, осыпаемый клеветами предикаторовъ, желалъ воспользоваться тогдашнимъ пріѣздомъ эрцгерцога Австріи Рудольфа для того, чтобы предъ лицемъ своего государя оправдаться отъ нихъ, предикаторы нашли къ нему дорогу и убѣдили его къ молчанію. Конрадъ самъ передаетъ эту интригу въ слѣдующихъ словахъ: „И когда я въ великомъ собраніи всего городскаго населенія Праги **), проповѣдуя въ тотъ самый день, когда прибылъ въ Прагу *магистръ Альбертъ* съ герцогомъ Австріи (*magister Albertus cum* dno duce Austriae), обѣщалъ публично провозгласить тѣ обвинительные пункты, для устраненія соблазна въ средѣ довѣрчивыхъ, которыхъ и теперь не много, которые и вовсе изчезнутъ передъ сіяніемъ правды, тогда нищенствующіе предикаторы хлопотами и ходатайствомъ вымогли съ меня, что, уступая вліятельнымъ просьбамъ сильныхъ, я отложилъ дѣло собственной защиты" ***). Конрадъ, отбивая у предикаторовъ ихъ многочисленныхъ прихожанъ, былъ не менѣе опасенъ для нихъ и въ ихъ просвѣтительной миссіи. Ихъ намѣренное воздержаніе отъ свободной проповѣди и ученія онъ объясняетъ тѣми же корыстными побужденіями,

---

*) Ed. Erben; p. XIX.

**) „Quod per annum continuum praedicassem juxta S. Galli ecclesiam in foro coram omni populo, quia in ecclesia licet magna locum habere non potui", говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей апологіи Конрадъ. Fontes I, IV, 2, p. 22.

***) Ibid., p. 24.

которыя заставляли ихъ облекаться въ одежду нищенствующихъ. Въ ряду обвинительныхъ пунктовъ на него читается слѣдующій: „Онъ однажды въ проповѣди сказалъ слѣдующее: знайте, что нѣтъ въ этомъ городѣ ни одного учителя, который бы исповѣдывалъ истину. Въ *монашеских коллегіяхъ* найдутся такіе, которые не умѣютъ учить потому, что сами не учились, найдутся и такіе, которые умѣютъ, но не учатъ, другіе же о томъ и не помышляютъ. И все это внушается имъ страхомъ и опасеніями за тѣ жирные поборы и доходы (stiuras), которые имъ приходятъ за ихъ молчаніе" *). Вліяніе Конрада на студентовъ пражскаго университета можно измѣрять тѣмъ, что самое обширное его сочиненіе собрано и издано имъ по ихъ настоянію. Мы разумѣемъ „postillam scholarium universitatis Pragensis", „quam conscribere voluit ipsorum creberrimis ac instantivis precibus rogitatus, atque promittentium *se plurimum per hanc ad praedicandum verbum dei cum effectu suo tempore animandos*". **) Понятно, что всѣми мѣрами старались предикаторы удалить Конрада. „Potenti prece" заставивши его отложить замышленную имъ публичную апологію, они нашли дорогу къ герцогу Рудольфу, предложившему ему возвращеніе въ Вѣну. Онъ, устранивъ предложеніе тѣмъ, что положеніе императорскаго бенефиціата привязываетъ его къ Прагѣ, долженъ былъ вступить съ мендикантами въ болѣе мирные переговоры. Отвѣтивши на ихъ обвиненія апологіей и считая ее достаточною для своего оправданія, онъ продолжаетъ такъ: „Etiam hodie protestor videlicet ut quicunque me de opposito dicorum meorum et responsionis, quam in Praga rescribendo contra praedicatorum fratrum objectiones latius feci, informaverit verbaliter vel scripto, paratus (sum) revocare, sicut etiam saepius dixi *magistro praefato* (i. e. magistro Alberto) et suis fratribus, *sciens (ipsum) magnae esse scripturae*". ***) Братья предикаторы, очевидно, не скрывали своей досады

*) O. c., p. 18, 26, 27, 37.
**) „Die Vorläufer des Hussitenthums" v. Palacky, p. 16.
***) Ibid., p. 25.

на пребываніе Конрада въ Прагѣ. Она прорывалась даже въ той краткой редакціи, которую получаютъ обвинительные пункты (articuli) при ихъ обнародованіи. Уподобляя ихъ лжесвидѣтельствующимъ на Христа фарисеямъ, онъ приводитъ мѣсто изъ одного пункта въ такихъ подлинныхъ выраженіяхъ: „Commovit populum. Docens per universam Austriam hucusque venit, in Pragam, *ex nunc mirabili dispensatione civitatem imperialem*" *). Они не могли скрыть своего ревниваго чувства къ тому значенію Праги, которое получила она съ того времени, какъ основанный университетъ сдѣлалъ ее поприщемъ соревнованія для ученыхъ дарованій всей Средней Европы. Между тѣмъ, сами хорошо сознавая всю важность ея центральнаго положенія, они поселились въ ней въ большомъ количествѣ, и съ генераломъ ордена во главѣ, французомъ по происхожденію. Предикаторы дѣйствовали съ самоувѣренностью, расчитывая на свои связи и богатства и хвалясь тѣмъ „что ниже папа, ниже кардиналы не въ состояніи имъ попрепятствовать въ чемъ-либо" **). Конрадъ Вальдгаузеръ въ своихъ преніяхъ съ ними не сходился иначе, какъ имѣя при себѣ или своего друга, „совѣтника императорскаго, протонотарія города Праги, человѣка вліятельнаго и образованнаго, по имени магистра Бернгарда" ***), или присяжныхъ (scabinos) ****), или людей ученыхъ (viros et literatos et juris canonici peritos). Ссылаясь въ одномъ пунктѣ на послѣднихъ, онъ уличаетъ предикаторовъ въ небрежности и невнимательности, свойственной людямъ сильнымъ и самоувѣреннымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Et quo apparet, quod hujus confictores et conscriptores citaverunt nes-

*) Fontes p. 36. Ссылаясь на единственное изданіе пражскаго проф. Гёфлера, мы предпочитаемъ приводить его тексты подлинно, а не въ переводѣ. Первая забота пользующагося этими текстами состоитъ въ очисткѣ ихъ отъ грубыхъ недосмотровъ, которыми такъ обременилъ издатель каждую ихъ строку.

**) Ibid. p. 39.

***) Ibid. p. 28, 30.

****) Ibid. p. 19, 28.

cientes etiam per aures retinere allegatas scripturas, ergo multo minus personaliter scire“ *). Онъ опирался въ борьбѣ съ ними на то расположеніе къ нему въ городскомъ населеніи, которое снискала ему его проповѣдь. И императоръ и архіепископъ были безсильны помочь ему. Онъ былъ вызванъ на эту борьбу самимъ императоромъ, даровавшимъ ему, даже до личнаго съ нимъ свиданія, черезъ пана Розенберга, каноникатъ и приходъ Св. Галла, по собственному побужденію (*a nullo homine* ad hoc persuasus p. 37), съ цѣлью воспользоваться его дарованіями, славой и авторитетомъ, какъ мощнымъ орудіемъ противъ всесильнаго ордена. Архіепископъ, подавая ему во всемъ дружескій совѣтъ, отклонялъ отъ себя болѣе рѣшительное содѣйствіе, говоря, „quod monasteria monialium fere omnia essent ab ejus cura in civitate Pragensi exempta“ **) Апологія Конрада Вальдгаузера содержитъ въ себѣ немногіе драгоцѣнные отвызы о пражскомъ университетѣ старшей эпохи, первыхъ двухъ десятилѣтій. Конрадъ умеръ въ 1369: „Anno 1369 in festo conceptionis beatae Virginis Mariae mortuus est egregius praedicator, frater Conradus, Canonicus Regularis, Rector ecclesiae sanctae Mariae ante laeam curiam in civitate Pragensi, et ibidem in cimiterio sepultus“. Такъ извѣщая о его смерти, Бенешъ Вейтмильскій (Scr. rerum bohem. II, p. 403—404) подробно и съ глубокимъ признаніемъ его заслугъ, говоритъ о всесторонней проповѣди Конрада, имѣвшей благодѣтельное вліяніе на исправленіе нравовъ всѣхъ сословій современнаго ему города Праги.

Распредѣленіе количества и національнаго состава граждан пражской академіи для первыхъ двухъ десятилѣтій представляетъ трудности, невозможныя для преодолѣнія: для этой эпохи нѣтъ источниковъ, которые бы прямо и изъ среды самого университета о томъ свидѣтельствовали. Съ 1367 г. открывается liber decanorum facultatis artium;

*) O. c. p. 31. Гёфлеръ: „ego multo minus (possum) personaliter scire“ (!).

**) Ibid., p. 23.

со времени отдѣленія отъ остальнаго состава академіи Universitatis juristarum, въ 1372 г., съ своимъ особымъ ректоромъ juristarum, была начата и „Matricula Rectoris juristarum.“ Самое учрежденіе университета и порядки, которымъ онъ слѣдовалъ въ древнѣйшую эпоху своего существованія, для исторіи совершенно не ясны. Самые слѣды внутреннихъ порядковъ того времени университета исчезли, не созрѣвши до статутовъ. По всему вѣроятію, статуты парижскіе и болоньскіе въ главныхъ своихъ опредѣленіяхъ служили временнымъ канономъ для пражскаго университета и ихъ положенія, иногда взаимно другъ другу противорѣчащія, служили предметомъ одушевленныхъ прѣній въ совѣщаніяхъ между пражскими магистрами. На это наводитъ между прочимъ и то, что въ позднѣйшихъ редакціяхъ пражскихъ статутовъ попадается копія съ „privilegium studii Bononiensis.“ *) Въ самомъ началѣ, какъ видно, сказалась антагонія между двумя сильнѣйшими по личному составу факультетами artistarum и juristarum. Первые были друзьями парижскихъ статутовъ, и въ нихъ искали и находили оправданіе для своихъ притязаній на первенство; вторые опирались на предписанія болоньскія. Ректорская власть, какъ высшая въ цѣломъ учрежденіи, обнимающая собою всѣ отрасли и всѣ стороны внутренняго быта академіи и ея сношеній съ церковью, установились раньше всего. Самая учредительная грамота молча предполагаетъ ее. Ректоръ былъ избранъ первыми приглашенными въ университетъ магистрами изъ ихъ собственной среды: актъ избранія ректора былъ первымъ актомъ, коимъ осуществилось collegium magistrorum Pragensium. Подъ именемъ ректора въ древнѣйшихъ дипломахъ академіи разумѣется, вѣроятно, все collegium magistrorum studii Pragensis, ибо, напр., въ дарственной грамотѣ 1358 г. plenum академіи характеризуется словами: „honorabiles rector et scholares studii generalis civitatis nostrae Pragensis“. **) Власть ректорская не могла нуждаться въ опредѣ-

*) Mon. hist. Univ. Prag., t. III, pp. 74—78.

**) Ibid. p. 7—9.

леніяхъ, особенныхъ отъ тѣхъ, которыя господствовали въ Парижѣ и Болоньѣ до той самой поры, когда сложились факультеты. Учрежденіе факультетовъ сдѣлало необходимыми совершенно точныя опредѣленія области ректорскаго вѣдѣнія, и въ статутѣ 1385-го года мы уже встрѣчаемъ титулъ: ad quae rector teneatur. *)

Здѣсь мы уже, по необходимости, встрѣчаемъ упоминовеніе о факультетахъ и о факультетскихъ статутахъ, въ отличіе отъ статутовъ университетскихъ: „Rector tenetur circa principium sui rectoratus aliquo die festivo Universitatem congregare, et facere ibi legi statuta coram Universitate, illa vidilcet, quae concernunt indifferenter omnes. Statuta vero quae sunt edita in unaquaque facultatum, legantur juxta decretum illius facultatis, quando et quibus rationaliter sunt legenda.“ Съ учрежденіемъ факультетовъ съ деканами во главѣ существенно видоизмѣнилась и вицеректорская власть. До учрежденія факультетовъ, къ ректору факультета artium избирался вице-ректоръ юристъ, замѣнявшій собою декана юридическаго факультета; къ ректору юристу, избирался вице-ректоръ факультета artium, замѣнявшій собою декана facultatis artium; по учрежденіи факультетовъ, вице-ректоръ облекался ректорскою властью, лишь въ случаѣ отсутствія ректора, „in praesentia vero rectoris vicerector nullam potestatem habeat plus quam alius habet.“ **) На факультетѣ artium въ 1367 г. велъ librum promotionum артистовъ vicerector Henricus de Nanexen, alias de Embeck; въ 1368 г., по учрежденіи факультета, находимъ новую рубрику: *Primus* decanatus M. Henrici de Embeg. Тоже лицо, которое вело въ 1367 г. простое registrum ordinis graduatorum in artibus, въ 1368 г. открыло своимъ именемъ „librum decanorum facultatis artium. ***) Факультеты слагались, по мѣрѣ увеличенія личнаго ихъ состава. Учрежденіе теологическаго факультета и производство въ теологическія степени составляло привилегію, удѣляемую университетамъ

*) Mon. hist. Univ. Prag. III, p. 10.

**) Mon. hist. Univ. Prag. II, 2, p. 226.

***) Mon. hist. Univ. Prag. I, pp. 133, 137.

не щедрою рукою римскаго первосвященника. Климентъ VI даровалъ ее Прагѣ *); но и этой дорогой привилегіею трудно было ей воспользоваться въ первые годы ея существованія.

Долго не имѣла Прага богословскаго Collegium, и преподаваніе какъ теологіи, такъ и декретовъ разсѣяно было по монастырямъ. И для первыхъ двухъ десятилѣтій, за исключеніемъ учителя Слова Божія при соборномъ храмѣ св. Вита, поставленнаго гораздо прежде учрежденія университета, едва насчитываютъ трехъ монаховъ, преподававшихъ каждый въ своемъ монастырѣ. **) Подъ 1364 г., не прежде, извѣщаетъ Бенешъ Вейтмильскій: Hic (i. e. archiepiscopus Arnestus) in eadem Pragensi Ecclesia lectorem in theologia suis *pecuniis* instituit, pro quo emit certos reditus in villa Zlatnik prope Pragam, ut canonici et alii Clerici Ecclesiae pabulo sacrarum scripturarum non careant. ***) Итакъ впродолженіи 16 лѣтъ Карлъ IV не далъ ничего для матеріальнаго обезпеченія той отрасли преподаванія, въ которой чувствовалась потребность, и на которой должно было опереться все значеніе, весь авторитетъ школы: канцлеръ изъ своихъ частныхъ средствъ положилъ первое основаніе постоянному преподаванію богословія. Не удивительно, если въ житіи архіепископа Арнеста, канцлера университета со дня его учрежденія, мы не встрѣчаемъ до 1364 г. ни какихъ извѣстій о дѣятельномъ его соучастія въ процвѣтаніи высшей школы, лишенной всякой матеріальной опоры, не имѣвшей зданія для лекторій. ****) Не было до

---

*) „Ut generale studium vigeat in qualibet licita facultate.“ Mon. hist. Univ. Prag. II, 1, p. 221.

**) Tomek Děje Univ. Pražske, p. 12.

***) Script. rerum bohem. II, p. 381.

****) Позже, въ новомъ помѣщеніи collegii Caroli, куда пражскіе магистры переселились въ 1386 г., слѣд. уже въ царствованіе его сына Вячеслава IV было обширное теологическое lectorium, объ которомъ, къ сожалѣнію, не имѣемъ извѣстія ранѣе 1478 г. Подъ этимъ годомъ, по поводу совѣщанія о компактатахъ, liber decanorum facultatis artium такъ извѣщаетъ: „Vulgi multitudo, quam ubi nobile

1364 г. ниже зародыша теологической коллегіи, вслѣдствіе чего, самъ будучи канцлеромъ пражскаго университета, Арнестъ содержалъ въ университетахъ Болоньи и Падуи пражскихъ клериковъ, не находившихъ въ Прагѣ достаточныхъ средствъ для приготовленія себя къ пастырскимъ обязанностямъ: „Hic (i. e. archiepiscopus Arnestus) multos in studiis Bononiensi et Paduano et aliis tenuit clericos pauperes, quibus de libris, vestitu et sumtibus et demum de beneficiis providebat". *) Преподаваніе декретовъ должно было отличаться въ этотъ древнѣйшій періодъ особенною неудовлетворительностью. Первый въ серіѣ пражскихъ епископовъ облеченный митрополичьей властью, канцлеръ Арнестъ не могъ никому довѣрить редакціи обновленныхъ статутовъ церковныхъ. Онъ составилъ ихъ самъ на собранномъ для этой цѣли провинціальномъ соборѣ и, что бы сдѣлать эти измѣненія понятнымя для мало преуспѣвшаго въ декретахъ клира, „interseruit statutis ipsis de jure canonico multa utilia, presbyteris ecclesias parochiales regentibus summe necessaria et his praesertim, *quos interdum a studii cura paupertas prohibet non voluntas*." **) Въ соотвѣтствіе этой внутренней слабости академическаго строя, и внѣшнія отношенія высшаго училища оставались нѣкоторое время неопредѣленными. О его подсудности, напр., мы не встрѣчаемъ никакихъ опредѣленій въ учредительной грамотѣ 1348 г. Рѣчь о ней въ первые зашла въ дарственной грамотѣ, изданной десятилѣтіемъ позже, въ 1358 г. Въ силу послѣдней университетъ сталъ владѣтелемъ селъ: Брочане, Худолазы, Взалезлье, Веселы и Боръ. Владѣніе ставило его въ соотвѣтствующія отношенія къ существующей власти, которыя нуждались въ опредѣленіяхъ. Карлъ силой самой своей дарственной на это владѣніе записи

---

collegii (quod theologicis deputatum est actibus) palatium recipere non potuit, curiam descendit." Mon. hist Univ. Prag. II, 2, p. 135.

*) Scriptores rerum boem. II, p. 378. Къ чему въ полнѣйшей редакціи прибавлено: „quos etiam in adipiscendis beneficiis ecclesiasticis propriis consanguineis praeferebat" Fontes rerum austriacarum I, VI, 2, p. 5.

**) Ibidem, p. 4.

освободилъ университетъ отъ общей земской подсудности замѣнивши ее подсудностью своимъ и своихъ преемниковъ императорскимъ „subcamerariis et specialibus commissariis". *) Судя по тому, что впослѣдствіи не возникали никакія сомнѣнія въ вопросахъ владѣнія, должно думать, что это завѣщаніе дарственной грамоты 1358 г. свято хранилось, какъ самимъ Карломъ IV такъ и его преемниками. Но какъ широка была область этой придворной юрисдикціи? По всему вѣроятію, она, совершенно согласно съ точнымъ смысломъ словъ дарственной грамоты, ограничивалось только владѣніемъ извѣстными, дарованными землями и угодьями. При римской куріи, по всему вѣроятію, постоянно находились прокураторы Университета, снабженные инструкціями для дѣйствій и вліяній въ его пользу; Mon. hist. Univ. Prag. II, 1, p. 99. ada. 1386. Univ. juristarum, natio Polonorum: „Ioannes Stelzer, canon. Budys., ad petitionem doctorum et multorum aliorum dominorum gratis intitulatus; quia multum laboravit in curia Romana pro rotulo universitatis nostrae". Natio Boemorum Ibid. p.34: „Theodoricus, procurator consistorii gratis ad honorem *et promotionem* universitatis." Не смотря на то, долго не могли прійти ни къ чему, что бы имѣло практическое значеніе. Между попытками установить юрисдикцію укажемъ напр. на епистолу папы Урбана VI, коею назначаются консерваторы университета. Мы читаемъ ее въ дипломатаріѣ университета (II, 2, pp. 271—275) и, несмотря на помѣту 31 авг. 1383 г. и на всѣ ея печати и подписи, не усумнимся признать ее за формулу изготовлявшагося акта, не пришедшаго къ исполненію. Единственный историческій фактъ, изъ формулы извлекаемый, выражается слѣд. словами: „dilectorum filiorum, magistrorum et doctorum ac scolarium universitatis studii Pragensis conquestione percepimus, quod etc." Все остальное проба стиля. Изъ послѣдующаго мы убѣдимся вполнѣ, что эта формула не имѣла значенія законодательнаго акта, не оставивши ни малѣйшаго слѣда на статутахъ университета. Ея звуки исчезли безслѣдно.

*) Mon. hist. II, 2, p. 227.

Между тѣмъ въ частной жизни членовъ академіи могли ежедневно возникать такіе случаи подсудности, для которыхъ инстанція придворной юрисдикціи оказалась бы несоразмѣрно высокою. И они, по необходимости, возникали! Клерики, поступавшіе въ большемъ количествѣ въ число студентовъ пражскаго университета, и особенно тѣ изъ нихъ, которые удерживали свои beneficia (clerici beneficiati) удерживали и подсудность ту, въ которую вовлекали ихъ beneficia, т. е.—епископскую соотвѣтствующей діоцезы. Въ современной литтературѣ мы находимъ доказательство тому, что такая исключительно клерикальная юрисдикція имѣла мѣсто въ пражскомъ университетѣ. Почерпнемъ его, напримѣръ, изъ юмористической поэмы *podkoní a žak*, приписываемой племяннику канцлера Арнеста, Смилю Фляшкѣ изъ Пардубицъ, одному изъ старѣйшихъ студентовъ пражскаго университета, въ которой студентъ (žak) доказываетъ конюшему (podkoní) преимущества своего состоянія тѣмъ между прочимъ, что сельчане во время его обычныхъ странствованій угождаютъ ему изъ боязни быть вызваннымъ къ суду епископа пассаускаго (boje se póhonu do Pasowa. Wybor z lit. č. I, col. 950, 37). Употребленіе дало этимъ словамъ характеръ пословицы: póhon do Pasowa по старинному выражало свѣтскую безсудность клериковъ, стѣснительную для другихъ сословій. Но и это клерикальное большинство не могло довольствоваться *столь удаленной подсудностью.* Всѣ вопросы и недоумѣнія, касающіеся студентской подсудности созрѣли къ 1394 г., и, по очевидной безучастности канцлера къ дѣламъ университета, заранѣе была учреждена должность двухъ синдиковъ, ведшихъ прокуратуру унииверситетскихъ дѣлъ при архіепископской каѳедрѣ и при Римской куріи. *) Второму изъ нихъ, именно, въ 1394 г. поручалось властью ректорскою исходатайствованіе нѣкоторыхъ привилегій, главнымъ образомъ касавшихся университетской подсудности. **)

---

*) Statutorum novella ad annum 1389 in Monum. hist, Univ. Prag., t. III, pp. 15—16.

**) Ibidem, pp. 23—24.

Нисшая юрисдикція не имѣла своего органа (super re exili et parva), и университетъ ходатайствовалъ, чтобы дѣла о деньгахъ и по нимъ возникающихъ раздорахъ (quae concernit pecunias et discordias) между студентами и пражскими мѣщанами (cives et mechanici cum quibus studentes conversantur) не судились по общимъ законамъ о свѣтской подсудности (justitiam *coram ordinario loci* *) quaerere nolunt et non possunt). Здѣсь же выражается недовольство тѣми отсрочками, къ которымъ вела духовная епископская юрисдикція по мѣсту рожденія клериковъ-студентовъ (*longos tractus* judicii spiritualis expectare nequeunt),

Хлопоты были вызваны неотлагательною потребностью привести стороны къ соглашенію. Дѣла шли, очевидно, дурно: „propter discordias et debitum pecuniarum et similia ad verbera studentes ad invicem, etiam cum civibus saepius perveniunt *et currunt cum gladiis.*“ Муниципальный судъ (consilium civitatis) свободно упражнялъ свою юрисдикцію на университетѣ, не огражденномъ, очевидно, никакими привилегіями: свои приговоры онъ исполнялъ не обинуясь, хотя бы заточеніе студента было сопряжено съ нарушеніемъ академическаго порядка во время преподаванія, проповѣди, диспутаціи и другихъ академическихъ актовъ. Предупредить волненій и насилій не могъ даже самъ ректоръ *propter defectum privilegiorum et libertatum* **), а между тѣмъ отъ нихъ терпитъ ущербъ академія, которую ради нихъ принуждены покинуть студенты давніе, именитые („antiquiora et nobiliora supposita“). Въ виду этого, ректоръ ходатайствуетъ о дарованіи ему нисшей юрисдикціи въ студентскихъ дѣлахъ, которую онъ подѣлитъ съ деканомъ Всѣхъ Святыхъ, старшимъ магистромъ теологіи. При этомъ учредится и должность хранителя правъ и привилегій академическихъ.

Самая значительная по положенію и значенію часть студентовъ, о которой упоминается всегда съ особеннымъ почетомъ, состояла, какъ сказано, изъ служащихъ клири-

*) Ducange glossarium manuale V, p. 59.
**) Ao 1394!

ковъ, покинувшихъ мѣста своего служенія для пражскаго факультета декретовъ, съ цѣлью повышенія на іерархической лѣствицѣ цѣною баккалаврскаго, или даже магистерскаго въ декретахъ званія. Въ средѣ этихъ канонистовъ господствовалъ всегда духъ правовѣрія, спокойствія и легальности: они составляли оплотъ церкви противъ свободомысленной проповѣди профессоровъ artium, вліятельныхъ и въ богословскомъ факультетѣ, благодаря тому звену, которое составляла философія для обоихъ факультетовъ. Мы знакомы съ духомъ, господствовавшимъ въ факультетѣ декретовъ по тѣмъ инвективамъ, отъ которыхъ не могли воздержаться современные первымъ десятилѣтіямъ пражскаго университета мистики-проповѣдники, не принадлежавшіе къ его составу. Ратуя противъ современныхъ имъ нравовъ общества, они видѣли враговъ своей проповѣди и самимъ себѣ во всѣхъ лицахъ высоко-поставленныхъ, во всѣхъ учрежденіяхъ, дорого цѣнившихъ тотъ существующій порядокъ вещей, который обезпечивалъ имъ ихъ положеніе и всѣ тѣ выгоды, которыя были съ нимъ связаны. Пражскій юридическій факультетъ имѣлъ почти безпрерывно во главѣ своей князей міра и церкви; его студентами были, въ огромномъ большинствѣ, младшіе члены княжескихъ семействъ, готовящіеся къ прелатурѣ въ самомъ близкомъ будущемъ, священники особенно богатыхъ приходовъ, каноники нерѣдко инфулованные.

Въ третьемъ десятилѣтіи университета, въ 1372 году, юридическій факультетъ пражскій въ такомъ составѣ, опираясь на статуты болоньскіе, дающіе первенство юристамъ, настаивалъ на расколѣ, желая отдѣлиться отъ остальнаго состава университета, съ особымъ ректоромъ во главѣ. Самый составъ юридическаго факультета мало походилъ на составъ остальныхъ трехъ. Если слова „Universitas magistrorum studii pragensis“ вполнѣ точно и вѣрно дѣйствительности отражали воззрѣніе на первенство учителей въ академіи, то для столь же вѣрнаго обозначенія юридическаго факультета его титулъ долженъ былъ быть заимствованъ изъ Болоньи, — „universitas scholarium studii pragensis,“ ибо студенты и первенствовали, и изъ ихъ

среды нерѣдко выбирался ректоръ. Въ юридическій факультетъ поступало большинство клериковъ, преуспѣвшихъ не только въ клерикальной карьерѣ, но и въ наукѣ, приносившихъ съ собою магистерскіе дипломы in artibus. Они не могли довольствоваться титуломъ „supposita" и общестуденческой юрисдикціей. Какъ то, такъ и другое было бы совершенно несовмѣстно ни съ ихъ положеніемъ, ни съ порядкомъ вещей вообще. Итакъ, побужденія къ расколу были настойчивыя, неотклонимыя. Но и въ началѣ втораго десятилѣтія расколъ университета былъ намѣченъ уже въ 1360 г., когда того времени (первый) канцлеръ университета архіепископъ Арнестъ, въ ознаменованіе своей власти, издалъ краткую эпистолу, содержащую въ себѣ нѣсколько, весьма общихъ, почти теоретическихъ, опредѣленій касающихся внутренняго порядка академіи. Мы называемъ эти опредѣленія потому теоретическими, что они видимо были внушены канцлеру болоньскими контраверсами къ парижскимъ статутамъ и тѣми преждевременными толками въ примѣненіи ихъ предписаній, кои могли и въ то время возникать въ средѣ магистровъ. Въ 1360 году не могло быть настойчиваго побужденія къ расколу: сообразно съ отвлеченнымъ характеромъ толковъ того времени и канцлерскій отзывъ на нихъ былъ въ той же степени теоретиченъ: „Primo videlicet, quod in dicto studio sit unus rector et una universitas" *).

Къ сожалѣнію, отъ науки скрыта внутренняя дѣятельность университета этого времени (1360—1366—1372). По тѣмъ manualia, которымъ руководствовались теологи и декретисты можно бы было живѣе воспроизвести всю ту существенную разницу, которая раздѣляла ихъ: богословы состояли въ тѣсной связи съ факультетомъ свободныхъ искусствъ, и разъясненіе догмы происходило на основаніи того философскаго ученія, которое преобладало на факультетѣ свободныхъ искусствъ **). Декретисты, напротивъ, чуждались философіи и давали перевѣсъ надо всѣмъ господ-

*) Mon. hist. univ. prag. II, 2, pp. 229—231.

**) Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано во 2-й главѣ.

ствующимъ школьнымъ компендіямъ. Отголосокъ этой розни дошелъ до насъ въ сочиненіи одного изъ даровитѣйшихъ и ученѣйшихъ мистическихъ проповѣдниковъ, современныхъ первымъ десятилѣтіямъ пражскаго университета, въ сочиненіи „de regulis veteris et novi testamenti" Матвѣя изъ Янова *) (+1394 въ Прагѣ).—Самый составъ юридическаго факультета, равно какъ и направленіе его ученія должно было сдѣлать его цѣлью вдохновенныхъ инвективъ для той проповѣди, которая исходила изъ внушеній совершенно противуположныхъ господствовавшимъ въ клирѣ, для проповѣди мистиковъ, находившихъ себѣ почву въ слояхъ общества нисшихъ, болѣе воспріимчивыхъ къ глубокимъ чувствамъ, которыя вдохновляли мистическихъ проповѣдниковъ **). Матвѣй изъ Янова, кромѣ его мистическаго оттѣнка, былъ по призванію—скриптуристъ: онъ не хотѣлъ знать иного авторитета, кромѣ Библіи и Св. Евангелія. Въ самомъ предисловіи къ своему главному сочиненію онъ говоритъ: „я сочинилъ эти книги изъ одной любви и преданности къ ублажающему и превышенебесному таинству (hyperceleste sacramentum) тѣла и крови Іисуса Христа, въ томъ уповании, что и я въ чемъ нибудь могъ бы споспѣшествовать его чести и славѣ и любви къ нему новаго человѣчества и тому вожделѣнію вѣры, силою котораго возрастаетъ почитаніе къ нему и самое вкушеніе его дѣлается достойнѣе; и въ томъ самомъ способѣ и съ тою самою цѣлью старался я достичь этого, въ какомъ и съ какою оно предуготовано самимъ Іисусомъ Христомъ и его дарованіемъ предано предъизбранной церкви святыхъ божіихъ людей. И не восхотѣлъ я изъ-за собственной лѣ-

---

*) Мѣста изъ этого сочиненія мы будемъ приводить по отрывкамъ Палацкаго Die vorlaüfer des Hussitenthums; pp. 58—81 и по изданію большаго отрывка, приписаннаго несправедливо Гусу въ Нюренб. изд. 1558 г.; t. I pp. 336—471. Какъ высшій ученый авторитетъ за принадлежность послѣдняго отрывка Матвѣю изъ Янова приводимъ мнѣніе о томъ епископа Гефеле въ Conciliengeschichte t. VII., p. 56 (adn. 1).

**) Ревностными исповѣдницами ихъ ученія являются женщины. Palacky, o. c. p. 62—63.

ни и нерадѣнія скрыть то, что собрано было мною со тщаніемъ, отъ Христа вдохновеннымъ, изъ книгъ священнаго писанія, что воспринято было мною просвѣщеніемъ, озаряющимъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ. Въ силу этого въ сочиненіи семъ, во всемъ его цѣломъ, я преимущественно пользовался Библіей и тѣми подлинниками, кои лежатъ въ основаніи твореній ученыхъ; сими же послѣдними я пользуюсь въ малой мѣрѣ. Я предпочелъ библію на столько же потому, что при всякомъ размышленіи, при всякомъ соображеніи она приходитъ мнѣ на память быстрой и сильной пособницей во всемъ, насколько и потому, что она, будучи мнѣ отъ юности нареченною возлюбленною подругою жизни, она, будучи матерью всякой благой склонности, всякаго познанія, страха божія и святой надежды,что она и ея божественнѣйшія,прозрачныя истины всякое принятое ученіе обосновываютъ, утверждаютъ,возсоздаютъ въ мысли... Хотя я и привожу кое гдѣ ученія и истины многихъ ученыхъ, но я нигдѣ не настаиваю на самомъ ихъ текстѣ, во 1-хъ потому, что изреченія и ученія ихъ вмѣщаются въ ихъ книгахъ, которыя каждый, при желаніи, можетъ найти, а во 2-хъ потому, что въ божьей церкви такъ много ученыхъ людей и такъ много книгъ написали они, что можно усомниться—вмѣститъ ли ихъ въ себя сама вселенная. Жизнь же наша, въ этомъ ея настоящемъ вѣкѣ скоротечная, своими бѣдственными недосугами, раскаяніями и къ чтенію того малаго, что прочитывается, съ трудомъ насъ освобождаетъ, и особенно тѣхъ жизнію скудныхъ богомудрствующихъ людей (pauperes philosophantes), у коихъ нѣтъ ни досуга, ни случая, ниже самихъ книгъ для ихъ чтенія, къ коимъ я и самого себя причисляю, утруждающагося съ юности *). Несмотря на эти послѣднія слова, Матвѣй изъ Янова, судя по другимъ мѣстамъ его сочиненія, былъ въ юности преданъ свѣту и, дѣлая свою клерикальную карьеру съ непостояннымъ счастіемъ,—то достигая желаемаго, то нерѣдко обманываясь въ надеж-

*) Palacky; o. c. pp. 59, 60, 61.

дахъ, былъ посвященъ хорошо въ ту среду высшаго клира, въ которую открытъ былъ ему доступъ уже однимъ его титуломъ „Magister Parisiensis,“ пріобрѣтеннымъ цѣною долгихъ занятій въ парижскомъ университетѣ. Въ VII гл. „de sacerdotum et monachorum carnalium abominatione,“ въ ея концѣ, Матвѣй дѣлаетъ свое признаніе о чистотѣ тѣхъ побужденій, которыя поощрили его къ разоблаченію злыхъ дѣлъ неправаго клира. Нюренбергское изданіе въ этомъ мѣстѣ *) дѣлаетъ пропускъ приблизительно цѣлой страницы, въ которой содержится раскаяніе въ суетно проведенномъ прошедшемъ. Палацкій возстановилъ эту страницу **): „Все это пишу я въ томъ расположеніи и утверждаю въ той мѣрѣ, что все и въ цѣломъ и въ отдѣльности, и себя самого подчиняю святой католической церкви, сладчайшей моей матери и невѣстѣ Іисуса Христа. И говорилъ я это не изъ желанія отличить самого себя; напротивъ, я сознаюсь, что *незадолго передъ симъ временемъ* я, преисполнившись страстнымъ и заразительнымъ честолюбіемъ, жадно вождёлѣя по богатству, славѣ и чести этого міра, былъ самъ мучимъ и одержимъ духомъ Антихриста. За это я много потрудился, на это я потратилъ довольно силъ и средствъ, въ этихъ тяжбахъ о четырехъ церковныхъ удѣлахъ; да и теперь одинъ изъ нихъ, по всему праву мнѣ принадлежащій, находится въ рукахъ одного моего соперника. И такъ, стремясь къ богатству сего міра, я глубоко погрузился въ сѣти діавола. Возблагодарю же я Бога, отца всякаго милосердія, и Христа Іисуса, на крестѣ распятаго, которыхъ милостію я, подобно ласточкѣ, вырвавшейся изъ сѣтей охотничьихъ, ликую, какъ бы бѣдствующій путникъ морской, спасенный изъ бурной пучины. Я признаюсь во всемъ томъ тяжкомъ трудѣ, съ которымъ милостію Господа я былъ отвлеченъ отъ сосцевъ вавилонской блудницы, съ которымъ преградились для меня пути насыщенія честью Антихриста и утоленія жажды

*) Joannis' Hus historia et monumenta. Noribergae. 1558 t. I, p. 383 a.

**) O. c. pp. 80—81.

богатствъ и чести сего міра; но цѣною этого тяжкаго труда сердце мое было, наконецъ, преклонено къ свидѣтельствамъ Господа, а не къ стяжанію" и пр.

Изъ этихъ тяжелыхъ воспоминаній о своемъ собственномъ грѣховномъ прошедшемъ Матвѣй почерпалъ духъ непрощенія и мстительный колоритъ инвективъ противъ пражскихъ декреститовъ, обдержащихъ собою церковныя назначенія и удѣлы и, именно, богатѣйшія (beneficia pinguiora) изъ нихъ, которые всегда были цѣлью интригъ, происковъ и всегда вызывали клиръ на самозабвеніе и нераскаянность во грѣхѣ. Протестъ Матвѣя, насколько его „regulae" намъ извѣстны, проникалъ весь клиръ, начиная съ папы и кончая плебанами. Изъ самаго обряда церковнаго онъ изгоняетъ съ проклятіями все, что не находитъ себѣ основанія въ Евангеліи, называя всѣ примыслы (adinventiones humanae) къ первоначальнымъ истинамъ религіи adulterinae plantationes. Исходя изъ того, что эти позднѣйшіе примыслы, ученія и предписанія до того многочисленны, что наполняютъ собою огромное число объемистыхъ и дорогихъ книгъ, доступныхъ только для богачей, Матвѣй такъ заключаетъ: „Quapropter apud me decretum habeo, quod ad reformandam pacem et unionem in universitate christiana expedit omnem plantationem illam eradicare et abbreviare iterum verbum et reducere Christi Jesu ecclesiam ad sua primordia salubria et compendiosa, quanto paucioribus et apostolicis mandatis reservatis." *) Уничтожая предписанія позднѣйшей церкви въ самомъ ихъ источникѣ, онъ подвергаетъ осмѣянію и рѣшительный ихъ тонъ и самый ихъ стиль. Новая церковь никогда не убѣждаетъ, она только повелѣваетъ: „districte praecipimus et mandamus;" а непослушныхъ проклинаетъ: „si quis paginam hanc violaverit, ipsum nos ex nunc prout ex tunc et ex tunc prout et nunc excommunicamus a anathematizamus in his scriptis" **). Слѣдя за проявленіями духа гордости внутри са-

*) Palacky o. c. p. 69.

**) Ibid. p. 70 Подобными плеоназмами полны формулы какъ папскихъ, такъ и императорскихъ грамотъ того времени.

мой церковной іерархіи, Матвѣй начинаетъ съ ея главы: „Папа, который долженъ бы былъ быть въ единеніи съ каждымъ изъ его собратій по епископскому сану и составлять съ ними единую чреду, и надзирая за правильнымъ поставленіемъ епископовъ, для этой самой цѣли сближаться какъ можно болѣе какъ съ ними, такъ и съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ, его мы видимъ, вмѣсто этого, въ связи съ царями и князьями міра, стремящимся къ сближенію съ иными людьми и ихъ пособіями, при содѣйствіи своихъ личныхъ слугъ, выше всякой мѣры возносящимся надъ своими собратьями. Помимо того, низвергши порядокъ первоначальной преемственности, Папа подчинилъ себѣ неограниченное право назначенія на церковные удѣлы, исторгая ихъ изъ законной среды непосредственной преемственности отъ епископа."

Начавши съ главы, Матвѣй указываетъ на отраженіе того же духа и въ цѣломъ составѣ духовенства, исчисляя всѣ дурныя послѣдствія такъ называемой „reservatio casuum," мѣстами съ драматической живостью представляя все униженіе духовнаго лица при ходатайствѣ о назначеніи предъ престоломъ римскаго епископа *). Всѣмъ указаннымъ порокамъ духовенства Матвѣй находитъ одинъ источникъ: забвеніе Христа и себялюбіе. „Всякій клирикъ," говоритъ онъ, „который въ свое имя и самого себя ради пріобрѣтаетъ знанія, церковные саны, каковы субдіяконатъ, діяконатъ, священство, епископство, проповѣдническія каѳедры, кто склоненъ къ стяжанію удѣловъ, должностей, почетовъ церковныхъ, кто хочетъ величаться титулами почести и славы, каковы *титулы доктора, баккалавра и многіе подобные*, съ тѣмъ, чтобы цѣною ихъ однихъ быть честимымъ въ народѣ христіанскомъ, ими обогащаться, ублажаться и прославляться въ жизни этого міра, да познаетъ всякій такой себя самого, и безъ всякаго противорѣчія, членомъ антихриста" **). Въ этой связи мыслей

*) O. c. p. 73.
**) Ibid., pp. 76—77.

Матвѣй порочитъ и клеймитъ именемъ Антихриста, одинъ за другимъ, всѣ акты церковные. „Всякое торжествованіе и прославленіе какихъ бы ни было иконъ, воздвиженіе новыхъ мощей святыхъ; всякое обнародованіе чудесъ, ими совершенныхъ и все подобное, чѣмъ такъ исключительно занята церковная жизнь, все такое, что поблажаетъ лишь славолюбію церкви и вкусу толпы, стекающейся на зрѣлища съ кликами: „это сдѣлалъ такой-то", „а такое-то великое дѣло изобрѣли и исполнили такіе-то каноники, такой-то орденъ"; „все подобное", говорю, „не только само по себѣ, но и по отношенію къ своимъ зачинщикамъ и виновникамъ, есть ничто иное какъ антихристово облаченіе, а подъ нимъ—тѣ таинственныя ковы демона или сатаны, кои изобрѣтены для болѣе успѣшнаго соблазна и гибели". Раздраженіе Матвѣя ростетъ по мѣрѣ приближенія къ его личнымъ врагамъ, пражскимъ декретистамъ: „И въ наши дни, увы! вмѣнило церкви въ волю божью то сборище, что величается званіемъ магистровъ св. церкви и мудрецовъ, свой примыслъ о поклоненіи и почитаніи деревянныхъ, каменныхъ, серебряныхъ и всяческихъ изваяній, тогда какъ Св. Писаніе открыто и явственно свидѣтельствуетъ: не поклоняйся имъ, не почитай ихъ! Этого нельзя ни поддержать, ни защитить никакимъ положеніемъ ни Ѳомы Аквинскаго, ни чьимъ бы то ни было изъ учителей церкви. Да и св. церковь, дозволяя чествованіе иконъ и статуй, никогда не учила, не установляла поклоненія имъ, почитанія ихъ, какъ то явствуетъ для факультета юристовъ изъ церковныхъ законовъ (ut patet in corpore in facultate juristarum) *). Не довольствуясь этимъ, Матвѣй приводитъ самое постановленіе доподлинно почешски, въ тѣхъ самыхъ звукахъ, коими многоученое собраніе изъявило свою волю, изъясняя толпѣ ея говоромъ предписаніе о молебномъ почитаніи иконъ и изображеній: „Decreverunt insuper, quod sint deprecandae, quod in lingua

*) O. e., p. 78.

Boëmica sonat *modliti se* et sic docere populum collegialiter, *aby* se obrazom lídé modlili“ *).

Что все нами изъ этой проповѣди приведенное принадлежитъ мистику Матвѣю изъ Янова, доказывается тѣмъ главнымъ образомъ, что отъ всѣхъ положеній, кои въ ней содержатся, онъ долженъ былъ отречься и въ нихъ раскаяться на соборѣ пражскаго клира, состоявшемся 18 октября 1389 г., а во внѣшнее знаменіе своего раскаянія долженъ былъ понести церковную кару, опредѣленную соборомъ: въ продолженіе полугода онъ долженъ былъ воздержаться отъ проповѣди и отъ совершенія таинствъ покаянія и эвхаристіи внѣ своего прихода. Актъ отреченія дошелъ до насъ: „retractatio M. Matthiae“ (de Janow) **). Въ немъ онъ признаетъ свою проповѣдь опромѣтчивою, несвоевременною и могущею привести къ заблужденію и соблазну,—и на первомъ мѣстѣ осуждаетъ все имъ произнесенное противъ почитанія иконъ въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ коихъ онъ проповѣдывалъ (artt. 1—2).

Итакъ, чистота вѣроученія и церковнаго обряда, по воззрѣнію Матвѣя, отравлялась новѣйшею практикою церковною (status ecclesiae actualis); хранителями какъ церковныхъ предписаній, такъ и запретительныхъ каноновъ церкви, — были не теологи, а юристы. Вслѣдствіе этого послѣдніе и становятся главною цѣлью его инвективъ.

Матвѣй преслѣдуетъ пражскаго декретиста съ его школьной скамьи. Глава 41-я той части его „regulae“, которая вошла подъ заглавіемъ: „de sacerdotum et monachorum carnalium abominatione“ въ 1-й томъ твореній Гуса посвящена вся пражскому факультету юристовъ и носитъ заглавіе: „major reverentia mandatorum humanorum quam verbi et majus stndium juris canonici quam bibliorum“. Здѣсь онъ такъ

*) Ѣдкость этого мѣста заключается въ томъ, что nom. s. g. f. *modla*, точно также какъ и его derivata имѣли въ то время и имѣютъ теперь въ чешскомъ нарѣчіи языческій оттѣнокъ въ значеніи. Jungmann, Slownik; II, p. 481 и слѣд.

**) Palacky, Documenta M. Joannis Hus, pp. 699—700.

3

характеризуетъ пражское ученіе: *) „нынѣ болѣе цѣнится наука права каноническаго и занятіе ею, нежели занятія библіей, пророками, евангелистами, и болѣе наукѣ права посвящаются богатые люди, чѣмъ св. богословію; и преданные наукѣ права и изученію человѣческихъ учрежденій скорѣе преуспѣваютъ въ карьерѣ, чѣмъ тѣ, которые посвящаютъ себя изученію и истолкованію Слова Божія и Богословія. *Послѣдніе противъ первыхъ могутъ одно сказать*: предающіеся занятіемъ каноническимъ правомъ предаются свѣту, а съ тѣмъ вмѣстѣ Антихристу. Во всѣхъ университетахъ, имѣющихъ полный составъ ученія (fere in omnibus universitatibus, ubi sunt generalia literarum), всѣ высоко урожденные, богатые, блестящіе умомъ и краснорѣчіемъ предаются законамъ и праву каноническому, и они-то и стремятся къ обогащенію, къ стяжанію свѣтскихъ почестей, и эти ихъ стремленія вскорѣ удовлетворяются, едва они достигнутъ какихъ-нибудь академическихъ степеней; и рѣдкій изъ нихъ принадлежитъ къ братству христовыхъ нищихъ. Слово же Божіе и науки богословскія изыскиваютъ въ своихъ занятіяхъ нищенствующіе христіяне, преданные благочестію, отверженные міромъ и его презрѣвшіе, со всѣми его вожделѣніями. Изъ сихъ послѣдователей Св. Писанія никто никогда не разбогатѣетъ. У тѣхъ декретистовъ простится легко всякому и всякое посмѣяніе, поношеніе и презрѣніе къ праву каноническому. *За себя и противъ богослововъ они такъ говорятъ*: мы владѣемъ всѣмъ, что есть лучшаго въ Библіи, что извлекли мы изъ нея для себя; въ этомъ ея зерно. Все остальное въ ней презирая, они утверждаютъ: все не извлеченное въ каноническое право остающееся въ Библіи, — есть одна солома, не зная того, что все, что ни содержится въ ней, есть чистое зерно, полное вѣчнаго спасенія и добродѣтели“.

Не принадлежа къ университету, въ этихъ словахъ Матвѣй съ Янова стоитъ за интересы факультетовъ artium и sanctae theologiae, какъ бы ревностный ихъ членъ. Луч-

*) Ioannis Huss historia et monumenta. Noribergae, 1558. t. I, p. 432 a—b.

шимъ доказательствомъ своевременности его инвективъ служитъ совпаденіе времени сочиненія имъ его „Regulae" съ актомъ отпаденія юридическаго факультета отъ остальнаго состава академіи.

Расколъ университета на двѣ части, съ особымъ ректоромъ во главѣ каждой изъ нихъ, состоялся 25 апрѣля 1372 г. актомъ избранія въ особаго ректора juristarum графа Іоанна Перништейнскаго: „hinc juristae ab artibus et aliis facultatibus se contra eorum juramentum diviserunt, in quo *hucusque* indurato animo persistunt" *). Одинъ за другимъ слѣдовали ректораты графа Іоанна Гогенлое, Бертольда Вехингенъ, Карла Гаквина, архидіакона Упсалы, Ярослава императорскаго протонотарія и другихъ сановниковъ церкви и имперіи. Императоръ Карлъ IV видимо покровительствовалъ расколу, ибо вслѣдъ за его офиціальнымъ признаніемъ послѣдовалъ дарственный актъ на исключительное и безраздѣльное владѣніе юридическимъ факультетомъ дома „in media civitate Pragensi" возлѣ церкви Св. Якова, купленнаго императоромъ у Пешелина, его камерарія, за 150 копъ грошей. Прокураторами въ дѣлѣ ввода во владѣніе были ректоръ юристовъ графъ Перништейнъ и старшій профессоръ декретовъ деканъ гамбургскаго епископства Вильгельмъ. Деканъ Вильгельмъ первый занялъ подаренный домъ de beneplacito dni Imperatoris. Матрика юридическаго университета открывается такими словами: „Anno nativitatis 1372 in festo scti Georgii (23 Apr.) de beneplacito dni imperatoris facta est specialis Universitas juristarum in studio Pragensi" **). Дарованіе дома было со стороны Карла IV особенно выразительнымъ знакомъ довѣрія и предрасположенія ко вновь возникающему универ-

*) Chronicon Universitatis у Гёфлера Fontes rerum austriacarum I, VI, I, p. 13. Приводимое Chronicon не можетъ быть, судя по слову hucusque, позднѣе 1418 г., ибо въ этомъ году прерываются матрики юридическаго университета, а съ ними и существованіе самого университета. Къ какой партіи принадлежалъ авторъ этой хроники, ясно изъ раздраженнаго тона его краткаго, но выразительнаго извѣстія.

**) Mon. hist. Univ. Prag. II, I, pp. 25, 28.

ситету, ибо въ средѣ самаго университета происходила въ это время распря между юристами и остальнымъ составомъ университета за владѣніе однимъ изъ домовъ принадлежащихъ къ большой императорской фундаціи, названной по имени дарителя „Collegium Caroli“. Издавна, какъ мы видѣли, зачатая вражда юристовъ съ теологами была въ 1372 году раздражена до открытыхъ дѣйствій по поводу притязаній коллегіата Іоанна Дрштки на екартовъ домъ, принадлежавшій коллегіѣ *) Притязанія были оспариваемы юристами, на томъ основаніи, что они фактически населили домъ ранѣе теологовъ-коллегіятовъ. Іоанну въ его правомъ дѣлѣ ни что не могло помочь, и отзывъ самаго канцлера-архіепископа Іоанна на его аппеляцію былъ глухъ. Юристы дѣйствовали по праву сильнаго, и надежды на будущее и на сильное покровительство, какъ мы видѣли, не обманули ихъ. Императоръ былъ видимо на ихъ сторонѣ.

Воспользовавшись такимъ образомъ одновременно съ оффиціальнымъ признаніемъ и матерьяльной выгодой изъ него проистекшей, юристы могли быстро преуспѣвать собственными богатыми средствами. Прежде всего они должны были составить свои статуты, до насъ, къ сожалѣнію, не дошедшіе. О ихъ существованіи можно заключить по одному тому уже, что въ первый же годъ существованія юридическаго факультета первый его ректоръ Іоаннъ графъ Перннштейнъ озаботился о ихъ вмѣстилищѣ: „Praefatus dns. Ioannes rector archam communem cum tribus clavibus pro pecuniis et rebus dictae universitatis conservandis etiam comparavit“. И вслѣдъ затѣмъ: „Item statuta quaedam concepit et correxit, sed non publicavit quae succesor suus publicare et expedire procuret“ **). О важности измѣненій можно заключать отъ прежнихъ споровъ юристовъ, всегда предпочитавшихъ болоньскіе статуты парижскимъ. Важныя въ практикѣ частности изъ этихъ статутовъ, впрочемъ, упоминаются. Такъ напр., подъ 1378 г. говоря о вторичномъ ректорствѣ одного и того же лица, правящемъ

*) Monum. hist. Univ. Prag. II, I, pp. 252—256.

**) Ibid. II, I, p. 25

должность 2 года сряду, матрика извѣщаетъ: „ex permissione statuti, quo cavetur, quod propter merita personae vel *utilitatem universitatis* licite pro secundo anno potest, qui et fuit in rectorem electus, eligi" *). Отличительною отъ другихъ статутовъ чертою можно признать и то, что юридическій университетъ допускалъ весьма охотно въ свой составъ монаховъ всѣхъ орденовъ безъ различія. Ихъ именами полна юридическая матрика (Mon. hist. Univ. Prag. II, I, pp. 29, 43, 46, 47, 50, 52, 60, 68 и т. д.). Кромѣ того произошло значительное измѣненіе въ составѣ націй при преобразованіи юридическаго факультета въ особый университетъ. Ниже мы будемъ имѣть случай остановиться внимательнѣе на этой сторонѣ внутренняго устройства пражскаго университета. Составленіе новыхъ статутовъ для юридическаго университета подало поводъ къ первымъ болѣе точнымъ и подробнымъ опредѣленіямъ о вмѣстимости 4-хъ націй. И при расколѣ юристы разошлись съ остальными факультетами и въ этомъ вопросѣ. Къ чешской націи сопричислили Славянъ Панноніи, слѣдуя въ этомъ прежнимъ общимъ статутамъ; но Моравамъ и Славянъ Крайны, Штиріи и Каринтіи причислили къ націи баварской, какъ бы въ уваженіе той политической связи, которая была такъ крѣпка у нихъ съ Баваріей и ея церковью въ IX в. Такъ мы встрѣчаемъ интитулованными въ матрику баварской націи: Henricus de Brunna mag. artium (Mon. hist. Univ. Prag. II, I, p. 69); Jacobus de Carniola (Ibid. p. 77), Mathias dictus Cosel de Craynburga, notarius universitatis (Ibid. p. 80), Fridericus Petri se Stauria (Ibid. p. 83) и пр. Для матерьяльнаго преуспѣянія были представлены самые блестящіе залоги въ первое десятилѣтіе существованія юридическаго университета. Въ 1378 г. ректоръ Іоаннъ Слепекофъ украсилъ ворота зданія и его входъ живописью; въ 1383 г. ректоръ Шведъ Карлъ Гаквинъ, архидіяконъ Упсальскій, на дворѣ университета выстроилъ новое зданіе для лекторій и къ нему пристроилъ залу конференцій со всею движимостью, нужною для назначенія этого новаго зданія **).

*) Mon. Univ. II, 1, p. 26.
**) Ibid. p. 26—27.

Соотвѣтственно съ значеніемъ въ церкви и ея іерархіи тѣхъ званій, которыя составляли цѣль пражскихъ юристовъ, въ лекторіи декретистовъ собирались прелаты со всѣхъ концевъ Средней Европы. Матрики юридическаго факультета полны ихъ именъ. Сыновья аристократическихъ семействъ, плебаны, каноники составляютъ почти исключительный составъ школы. Большинство изъ нихъ пріѣзжало въ Прагу въ сопровожденіи родственниковъ и учителей, педагоговъ (informatores), которые также матрикулировались рядомъ съ ними. Такой избранный составъ не уживался не только въ равноправности съ остальными факультетами, но и въ самой его средѣ вскорѣ явилась потребность въ различеніи студентовъ по ихъ состояніямъ. Матрика юридическаго факультета заключается такимъ замѣчаніемъ: „Nota quod, qui sedet in scamnis studentium, solvit 14 grossos, et si vult sedere anno sequenti in scamno nobilium, superaddat 10 grossos“ *). Возвышенный цензъ сдѣлался мѣркою этихъ отличій: scamna nobilium должны были быть заняты тѣснымъ рядомъ слушателей, принадлежащихъ иногда даже владѣтельнымъ домамъ Германіи и Польши. Такъ напр., встрѣчаются, за особой рубрикою, интитулованными подъ 1380 г. въ матрику польской націи рукою вицеректора Іоанна Саксона два графа (illustres comites) Шварцбурги—Іоаннъ и Генрихъ, и съ ними гр. Глихенъ, изъ которыхъ каждый внесъ по флорину 1 гр.; при трехъ графахъ интитулуется въ число студентовъ маг. Гартунгъ, „praefatorum dominorum informator,“ внесшій только 14 гр. и, слѣдовательно, не имѣвшій мѣста „in scamno nobilium **). Подъ тѣмъ же 1380 г. рукою того же вицеректора въ матрику націи саксонской былъ интитулованъ Рудольфъ князь Ангальтскій etc., внесшій 24 гр. и при немъ его информаторъ Маг. Генрихъ, баккалавръ декретовъ, внесшій 15 гр. Подъ 1382 г. находимъ „Іоанна, епископа Познанскаго, герцога Ополья, Фалкенберга и Стрелица, внесшаго копу грошей (unam sexage-

*) Mon. hist. Univ. Prag. II, 1, p. 163.

**) Ibidem, pp. 92, 126.

nam) *). При именахъ тѣхъ молодыхъ клериковъ, которыхъ рожденіе соотвѣтствовало высотѣ ихъ ценза мы находимъ титулъ „Dominus,“ или “Ill. dominus; “при именахъ другихъ которые, только благодаря богатымъ пребендамъ, платили 24 гр. и болѣе за интитулованіе, обозначается ихъ мѣсто словомъ „nobilis,“ въ противуположность „simplices,“ или словами „de primis scamnis“ **).“ Бѣдность прощалась только по ходатайству или „honoris causa“. Послѣднее встрѣчаемъ напр., подъ 1391 г.; въ ректорство Христана Арольдисгаузена „mag. Henricus Aroldishusen, frater rectoris honoratus est ***); даже слуги ректорскіе и университетскіе допускались къ слушанію за плату относительно меньшую †*). Принимая во вниманіе личныя отношенія, факультетъ прощалъ плату, напр. Маг. Андрѣю, врачу Герцога Іоанна, Маркграфа Лужицкаго †**), приводя иногда мотивомъ своей снисходительности цѣлыя родословныя, какъ напр. подъ 1377 г. въ матрикѣ богемской націи: „Dominus Wenceslaus de Genczenstein, filius domini Pauli, nepos archiepiscopi, ac frater episcopi Mysenensis; Wolframus filius domini Wolframi Burgravii Wysegradensis, nepos praedicti Wenceslai; Wilhelmus, filius Napote, baccal. in artibus. Ioannes Martini de Trewebelycz. Isti simul dederunt 40 gr.“ Вліятельныя лица города Праги (какъ напр. протонотаріусъ городской или императорскій) ходатайствовали нерѣдко своимъ именемъ, и въ такихъ случаяхъ даровое интитулованіе совершалось „ad promotionem universitatis †***).“ Кромѣ этихъ исключительныхъ случаевъ, плата прощалась бѣднымъ подъ присягою въ истинности ихъ показанія, или подъ клятвою возвращенія долга при болѣе благопріятныхъ условіяхъ: „promisit solvere pinguiori sibi fortuna arridente,“

---

*) Mon. Univ. II, 1. pp. 94—95

**) Ibid. pp. 98—99.

***) Ibid. p. 103.

†*) Ibid. p. 61 дважды: servitor rectoris. Даромъ интитуловались университ. нотаріусъ (p. 96), переплетчикъ (p. 53: „promisit elaborare“).

†**) Ibid. p. 43.

†***) Ibid. p. 31.

„dedit 8 gr., quia juravit se plus non habere,“ „residnum dabit, cum dives fuerit,“ „promisit usque diem s. Thomae dare, vel jurare de paupertate. Juravit et d. 8 gr. *)“ и пр. Такъ организованный университетъ юристовъ сталъ, какъ увидимъ, независимымъ, отдѣльнымъ отъ всего остальнаго состава университета клерикальнымъ учрежденіемъ, крѣпкимъ по своему богатству и связямъ съ высокой церковью. Привязанный къ исключительнымъ выгодамъ и привиллегіямъ, которыми въ мирѣ и спокойствіи онъ пользовался милостью церкви, университетъ юристовъ былъ глухъ ко всѣмъ вызовамъ на борьбу, какъ бы ни былъ силенъ голосъ вызывавшихъ. Ни одна изъ національныхъ распрей отъ 1385 г. до 1409 г. не коснулась его нимало. Даже великая сецессія 3-хъ націй, совершившаяся въ 1409 г. и всѣ бури, ее упреждавшія и за нею слѣдовавшія, прошли мимо него, не вызвавши ни малѣйшаго колебанія ни въ правильномъ ходѣ дѣятельности, ни въ равномѣрномъ составѣ его четырехъ національностей. И матрики ея ничѣмъ не отмѣчаютъ этихъ событій, переходя отъ 1409 г. къ 1410 и далѣе до 1418 все въ томъ же составѣ четырехъ національностей **).

На сколько въ учрежденіи пражскаго университета участвовало искреннее желаніе императора принести благо именно той странѣ и тому народу, въ средѣ котораго было суждено возникнуть высшей школѣ, трудно рѣшить. Общій политическій характеръ дѣйствій Карла IV позволяетъ скорѣе думать, что честолюбіе и династическія надежды, раздражаемыя постояннымъ соревнованіемъ Австрійскихъ Герцоговъ Габсбургскаго дома, резидировавшихъ въ Вѣнѣ, были для него гораздо болѣе сильнымъ побужденіемъ чѣмъ безкорыстное доброжелательство къ чешской народности. Ему недостаточно было исходатайствовать учредительную грамоту для университета пражскаго отъ папы; онъ хотѣлъ возвеличить ея значеніе, интригою препятствуя основанію университета въ Вѣнѣ. Не будучи въ состо-

*) Mon. Univ., II, 1, pp. 52, 68, 108, 113.

**) Ibid., pp. 57, 84, 118, 159.

нія лишить вовсе Габсбурговъ права основать университетъ въ ихъ резиденціи, съ освященія церкви, онъ настоялъ въ куріѣ Урбана V на томъ, чтобы учрежденіе его ограничилось 3-мя факультетами (искусствъ, декретовъ, медицины), съ запрещеніемъ преподавать теологію и съ лишеніемъ права возвышать въ степени теологическія *). Этимъ ограниченіемъ Карлъ достигъ той цѣли, что баккалавры и магистры вѣнскаго университета, не довольствуясь карьерою, открываемой имъ, въ ихъ родной alma, искали почетнѣйшихъ и болѣе выгодныхъ коллегіатуръ въ университетѣ пражскомъ. In libro decanorum мы находимъ весьма частыя упоминанія о переходахъ баккалавровъ и магистровъ изъ Вѣны въ Прагу,—и они, въ видахъ поощренія, были принимаемы въ Прагѣ съ тою же степенью, которая была ими пріобрѣтена въ Вѣнѣ. Въ первый же годъ веденія libri decanorum въ 1367 г., Aprilis die 27 Colomannus de Wyenna baccalarius Wyennensis intravit facultatem admissus ad baccalariatum et dedit danda **);“ item 24 die Junii Jo. plebanus in Bernhartstal, baccalarius Wyenensis receptus fuit pro baccalario in artibus a facultate; item 12 die julii admissus fuerat Jo. Scher pro baccalario, qui venit de Wyenna, ubi promotus erat ***) и т. д. A° 1370 17 die Novembris Jo. Tarlach de Septem-castris baccalarius Wyennensis receptus fuit ad facultatem (Ibid. p. 145) Для поощренія подобныхъ переходовъ, въ ущербъ соперника, они дозволялись въ той же формѣ, какъ переходы изъ Рима („Michael Lignicz de Gubyn, promotus ad magisterium in urbe Romana, docuit de promotione et gradu sufficienter, fecit facienda, et receptus fuit ad consortium magistrorum anno 1370 17 die Novembris), или изъ Парижа (anno 1371 in dominica Oculi mag. Gebhardus, mag. Parisiensis, receptus fuit ad facultatem artium Ibid., p. 150).

Переходы изъ Рима, изъ Парижа и т. д. объясняются преимущественно тѣмъ, что въ первыя три десятилѣтія ака-

---

*) I. Aschbach Gesch. d. W. Univ. p. 18, adn. I.

**) Mon. Unis. Prag. I, p. 134.

***) Ibid., p. 144.

демія не могла не чувствовать недостатка въ преподавательскихъ силахъ и его восполняла изъ академій старшихъ. Подобные же переходы и почетные пріемы изъ академіи младшей, хотя и на нѣсколько лѣтъ, должно себѣ найти иное объясненіе и находитъ его въ стремленіи нанести ущербъ сопернику, еще молодому и весьма скудному въ матеріяльныхъ средствахъ. Прага какъ бы спѣшила запасаться преподавательскими силами передъ началомъ той грозы, которая ославила, какъ увидимъ, ея академію на всѣ концы свѣта и попрепятствовала многимъ искать въ ней пріятнаго убѣжища для занятій наукою. Не смотря на эти перехваты, впрочемъ, „curiositas et singularitas" пражской теологіи уже внушали бдительной и осторожной Сорбоннѣ опасенія: слагалось предубѣжденіе! А между тѣмъ австрійскій герцогъ Альбрехтъ, преимущественно въ 1379 г., устремилъ всю свою заботливость о скудныхъ начаткахъ своей академіи на пріобрѣтеніе новыхъ преподавательскихъ силъ изъ среды нѣмецкаго состава парижскаго университета. Папскій расколъ того времени произвелъ именно въ эту пору между парижскими профессорами распаденіе на партіи. Профессоры и студенты англійской націи, къ коей принадлежали и Нѣмцы, уже почти совершенно отложились отъ французскаго большинства, признавшаго авиньонскаго папу Климента VII, изъ одного повиновенія своему правительству. Въ большомъ количествѣ покинули Нѣмцы Парижъ въ 1383 г., съ намѣреніемъ основать высшую школу гдѣ нибудь на чисто-нѣмецкомъ побережьѣ Рейна. Ихъ желанія, и по времени и по характеру, вполнѣ совпали съ намѣреніями герцога Альбрехта. Послѣдній искалъ ихъ и прежде. Главною мѣрой ихъ привлеченія въ Вѣну служило исходатайствованіе въ куріѣ римскаго папы Урбана VI, признаннаго всею Германіей, грамоты на учрежденіе теологическаго факультета въ вѣнскомъ университетѣ, доселѣ его лишенномъ благодаря проискамъ Карла IV. Урбанъ VI не задумался выдать учредительную грамоту на теологическій факультетъ, предварительно убѣдившись въ томъ, что матеріальное его существованіе достаточно обезпечено герцогомъ Альбрех-

томъ. Агентомъ Альбрехта въ уговорѣ съ нѣмецкими профессорами Сорбоны былъ одинъ изъ нихъ, одно изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ теологическаго факультета Парижа,—Генрихъ Лангенштейнъ Гессенскій *). Онъ былъ вождемъ Нѣмцевъ изъ Парижа и, разъяснивши въ цѣломъ рядѣ сочиненій вопросъ о папскомъ расколѣ, надолго оставилъ память по себѣ въ Сорбонѣ: при новомъ столкновеніи трехъ соискателей тіары въ началѣ XV в., разрѣшившемся лишь при помощи вселенскаго собора, созванномъ въ Констанцѣ, канцлеръ Сорбоны I. Герсонъ пользовался тою аргументаціей въ этомъ вопросѣ, какую создалъ Лангенштейнъ, и въ спорѣ заимствовалъ оружіе изъ его арсенала **). Удалившись съ честью, Лангенштейнъ въ епистолѣ своей къ герцогу Баварскому Роберту II могъ съ полнымъ правомъ сказать: „A Gallia recedit sapientia transiens ad gentem alteram. Num quid non jam *apud Germanos* lucernae quatuor sapientiae accensae sunt, i. e. quatuor generalia studia (*Praga*, Vienna, Heidelberga, Colonia) veritatis radiis coruscantia" ***). Но выборъ въ 1383 г. не могъ уже пасть на ту академію, которую по праву могъ считать Лангенштейнъ германскою, которую по чувству справедливости и теперь онъ въ уваженіе къ старшинству ея ставитъ на первомъ мѣстѣ. Для объясненія неложности приведенныхъ словъ Лангенштейна исторія обладаетъ средствами достаточными. Пражскій университетъ былъ, дѣйствительно, нѣмецкій, и его водвореніе въ Чехіи славянской шло шагомъ весьма медленнымъ. Пробѣгая его матрики съ самаго того времени, какъ они были заведены, на первыхъ ихъ страницахъ мы вовсе не замѣчаемъ славянскихъ именъ. Встрѣчаемъ—„Pet-

---

*) Aschbach Gesch. der Wiener Univ.: pp. 29—36, 366—403.

**) Gersoni opera, t. II, pp. 809—840. Здѣсь, въ приложеніяхъ къ Герсоновымъ сочиненіямъ о схизмѣ счелъ нужнымъ Pater Dupin отпечатать „Henrici de Langenstein de Hassia, Vice-Cancellarii Academiae Parisiensis, consilium pacis, de unione ac reformatione ecclesiae in concilio universali quaerenda." Повторительно издано это сочиненіе у фанъ-деръ-Гардта Magnum Concilium Constantiense t. II, pp. 2—60.

***) Aschbach, 2 p.; 383, adn. 4.

rus *Svet*,“ и готовы были бы увидать въ немъ Чеха, но при этомъ имени показана его принадлежность „nationi Saxonum,“ *) что заставляетъ видѣть въ немъ Лужицкаго Серба, хотя большинство ихъ и было впослѣдствіи причисляемо въ польской націи. Только къ концу третьяго десятилѣтія, подъ 1367 г., въ мѣсяцѣ ноябрѣ дня 14 производятся въ степень бакалавра artium два Чеха „Ludovicus de Praga et Martinus de Pylzena.“ Событіе привѣтствуется маргинальной отмѣткою: „Primi ex Bohemis baccalarii“ (Ibid. p. 135). Итакъ на значительное пространство времени, въ четвертое десятилѣтіе академіи, мы постоянно узнаемъ Чеховъ по специфической отмѣткѣ при ихъ именахъ „Rocho et Henricus *Bohemi*,“ „Zdislaus *Bohemus* processit ad baccalariatum“ (Ibid. pp. 142, 143) и т. д., и въ тѣхъ именно случаяхъ, гдѣ не принято въ „liber decanorum“ показывать принадлежность націи. При этомъ необходимо принять во вниманіе, что всѣ остальныя славянскія племена, высылавшія изрѣдка своихъ сыновъ въ Прагу, причислялись къ націи чешской: такъ напр.: дважды упоминающійся „*Stephanus de stankow* incepit sub mag. Nicolao de Lutomischl'a° 1385 die 13 Martii“ въ послѣдствіи, въ 1391 г. выступаетъ уже въ качествѣ магистра artium, „pro examine baccalariandorum“ избраннымъ экзаменаторомъ отъ чешской націи (de natione Bohemorum). Онъ, очевидно, Придунайскій Славянинъ,—Сербъ, или Болгаринъ, Степанъ Станковичъ. И случай, приведенный нами не есть единственный, судя по именамъ: Steffanus de Seremia (изъ Срема), Wenceslaus de Popouycz **). Еще чаще встрѣчаемъ внесенными въ чешскую націю Сербовъ и уроженцевъ Панноніи въ обширномъ смыслѣ въ матрикахъ Universitatis canonistarum: Zacharias plebanus de Bosna ***) Stanislaus de Panonia ****) Dns. Nicolauscanonicus collocensis de Ungaria, Nicolaus de Buda Ungarus *****) Bartholomae-

*) Mon. Univ. Prag. t. I, p. 134 Cf. t. II, 1, p. 141, 127.

**) Mon. Univ Prag. t. 1 pp. 230, 231, 274, 239.

***) Ibid. p. 29.

****) Ibid. pp. 30, 32.

*****) Ibid. p. 47.

us Ungarus de Stregonio *), Emericus de Strigonia, **) Martinus de Zagravia ***). Но всего яснѣе свидѣтельство самихъ статутовъ 1385 г., въ которыхъ подъ титуломъ „de nationibus universitatem constituentibus“ читаемъ слѣдующее: „In universitate sint 4 nationes, ut de facto sunt; scilicet: Bohemorum, cui nationi conjuncti sunt Moravi, Ungari, atque *Slavi* (Monum. hist. Univ. Prag., t. III, p. 10). Было бы въ высшей степени поучительнымъ знать, къ какой націи причислялись члены академіи съ именами подобными *Tromitten*, ****) Iohannes, Heinricus de *Berroytis* †*), отмѣченными явно литовскимъ характеромъ, или ея сограждане въ родѣ *Iohannes de Ylmena* (praesentatus fuit per mag. Thurdonem †**) ad baccalariatum) †***) въ которомъ позволяемъ себѣ предполагать нашего соотечественника, совершившаго некраткій путь, въ утоленіе жажды знанія, еще въ 1370 году. Позже въ 1511-мъ году Лаврентій Требоньскій, во второй свой деканатъ, припоминая прежнее величіе университета, такъ характеризуетъ его національный составъ: „Siquidem divo Carolo imperante, et aliquamdiu rege Wenceslao studium Pragae adeo floruit, ut Boemi, Moravi, Ungari, Poloni, *Slavi Australes,* Boii, Rhenenses, Turingi, Saxones etc. etc. Подъ *Slavi Australes*, непосредственно слѣдующими за *Poloni* никого другаго разумѣть нельзя, кромѣ крайнихъ обитателей славянскаго востока, т. е. Русскихъ †****. Какъ бы то ни было, изъ отдѣльныхъ, и притомъ столь рѣдкихъ случаевъ выводить трудно что либо рѣшительное. Большинство академіи было нѣмецкое.

Что же, однако, заставило Лангенштейна предпочесть Вѣ-

---

*) Mon. Univ. I, p. 48.

**) Ibid. p. 49.

***) Ibid. p. 269.

****) Ibid. p. 152.

†*) Ibid. p. 146.

†**) A° 1367 13 die Maji fuit magistratus *Turdo de Suecia*. Mon. Univ. Prag. I, p. 134.

†***) Mon. Univ. Prag. I, 2, p. 240.

†****) Mon. hist. Univ. Prag. II, 1, p. 41.

ну Прагѣ? И на это источники даютъ намъ отвѣтъ и прямой и ясный. Оставивши Парижъ, Лангенштейнъ, будучи высоко поставленъ въ церкви въ качествѣ вицеканцлера Парижскаго университета, состоя въ корреспонденціи со многими владѣтельными князьями Германіи, могъ довольно долгое время посвятить выбору и размышленію о новомъ мѣстѣ для эмиграціи, во главѣ которой онъ стоялъ. Ему самому предстоялъ выборъ между двумя путями. Папа Урбанъ VI, въ благодарность за его дѣятельность въ вопросѣ о расколѣ, предлагалъ ему епископскую каѳедру, въ Лифляндіи. Удалившись въ глубокій сѣверъ, онъ долженъ бы былъ покинуть свои связи съ ученымъ міромъ, въ которомъ занималъ столь важное положеніе, и самыя занятія наукою. На этомъ распутьѣ, онъ познакомился съ епископомъ Фрейзингенскимъ, канцлеромъ австрійскаго герцога Альбрехта III, Бертольдомъ, и онъ склонилъ его волю къ тому, чтобы стать во главѣ вѣнскаго университета. Онъ не лишенъ былъ связей и съ Прагой, но вѣсти, которыя его друзья могли ему дать о Прагѣ, не могли привлечь его въ ихъ consortium. Тамъ въ это время дѣйствовалъ его другъ Фрисляндецъ Генрихъ Ойтскій, получившій богословское образованіе въ Парижѣ и уже много лѣтъ первенствовавшій въ теологическомъ факультетѣ пражскаго университета *). О положеніи его въ Прагѣ можно судить по тому одному уже, что на протяженіи 1367—1369 гг. онъ является 12 разъ занесеннымъ въ „liber decanorum," какъ промоторъ **). Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ имѣлъ столкновеніе съ Чехомъ, принадлежавшимъ къ ордену Миноритовъ, извѣстнымъ по лѣтописнымъ упоминаніямъ о немъ Бенеша минориты, магистромъ Альбрехтомъ, получившимъ свое образованіе также, какъ и Генрихъ Ойтскій, въ парижскомъ факультетѣ. Онъ былъ старѣйшимъ теологомъ Праги и преподавалъ въ монастырѣ св. Якова,

---

*) „Vir in divinis scripturis eruditissimus et in philosophia aristotelica nobiliter edoctus, ingenio subtilis, sermone scholasticus et declamator sermonum egregius." Trithemius apud Aschbach, p. 404, adn. 2.

**) Mon. Univ. Prag. t. I, pp. 133—142.

будучи возведенъ въ магистерское достоинство еще въ 1349 г. *). Чехъ Альбрехтъ, по диспутаціи, обжаловалъ Фрисляндца Генриха Ойтскаго въ еретическихъ положеніяхъ, изъ которыхъ самыя жесткія не позволяютъ заключать ни о чемъ иномъ, кромѣ того, что Генрихъ, по всему вѣроятію, держалъ проповѣдь противъ испорченности нравовъ духовенства и симоніи. Обвинительные пункты уцѣлѣли въ полемическомъ сочиненіи Генриха, озаглавленномъ „Henrici de Oyta articuli, pro quibus velut erroneis ab Alberto de Bohemia denunciatus fuerat.“ Ихъ всего шесть, и большая часть ихъ относится къ таинству покаянія *†). 1) In gravi peccato constitutum per opus bonum, ad quod tenetur, novum peccatum comittere **†). 2) Peccata dimitti a spiritu sancto, non a sacerdote. 3) Doctum confessarium non habentem jurisdictionem praeferendum indocto habenti ††). 4) Jure *tantum* humano et positivo non posse quemvis a quovis sacerdote absolvi. 5) Vere esse praeceptum, quod alicubi est vere consilium (?) 6) Praeceptum caritatis dei perfectae posse in vita impleri †). Генрихъ Ойтскій былъ вызванъ въ Римъ, и тамъ предъ слѣдственной коммиссіей четырехъ кардиналовъ вполнѣ оправдался въ 1378 г. (Citatus Romam et absolutus a° 1378. Aschbach, p. 403, adn. 6). Мало того, изъ Рима онъ возвратился уже не въ Прагу, а снова въ Парижъ, гдѣ слѣдовательно, его правовѣріе не было ни мало заподозрѣно. Тамъ онъ свидѣлся съ своимъ старымъ другомъ, Лангенштейномъ, раздѣлялъ его труды по перподаванію богословія и сталъ впослѣдствіи рядомъ

*) Tomek deje univ. pražske, p. 12.

*†) Aschbach, p. 406, adn. 1.

**†) Здѣсь Генрихъ развилъ, вѣроятно, ученіе о praedestinatio и praescientia.

††) Это положеніе не грозитъ церковной іерархіи опасностью. Оно направлено только противъ захватовъ, которые дѣлали орденскіе монахи у приходскихъ священниковъ, уступая послѣднимъ чаще всего какъ въ чистотѣ нравовъ, такъ и въ образованіи.

†) Здѣсь, вѣроятно, былъ заподозрѣнъ Генрихъ въ (легкомъ!) мистическомъ оттѣнкѣ ученія.

съ нимъ, какъ во главѣ нѣмецкой эмиграціи изъ Парижа, такъ и въ преподаваніи богословія въ Вѣнѣ *).

Вѣнскій университетъ возрасталъ быстро со времени реформы, произведенной въ его статутахъ и въ условіяхъ его матеріальнаго благосостоянія, герцогомъ Альбрехтомъ. Онъ сталъ опаснымъ соперникомъ Прагѣ. Впослѣдствіи, когда пражскій университетъ рушился, чешскій патріотъ могъ искать въ слѣдующихъ словахъ возмездія на Прагѣ, за попущенную ея населеніемъ, гибель украшавшаго ее университета: „Sed tu proh dolor ingrata, *dum illa venerabilis universitas oprimeretur ab aemulis*, *dum* ejus libertates jura statutaque jurata sigillis etiam regalibus ac aliis roborata publica frangerentur, ad pestiferorum instantiam eam a te recidere haud dubium in proprium dedecus permisisti!" **). Незадолго до констанцкаго собора, въ 1413 г. вѣнскій университетъ еще помнилъ старое зло, и ничьи упреки Прагѣ въ неправовѣріи ея школы не были такъ жестки, какъ упреки, исходившіе изъ мстительныхъ побужденій вѣнскихъ магистровъ. По всему вѣроятію, многіе изъ питомцевъ пражскаго университета, по примѣру Іеронима еще въ студентскомъ возрастѣ, а иногда и по окончаніи бакалаврскихъ экзаменовъ, брали отпускъ (dispendium) на годъ, на два, съ цѣлью воспользоваться и тѣмъ, что предлагали другіе университеты, особенно же послѣ того, какъ нѣмецкое большинство покинуло Прагу для Лейпцига. Пражскіе студенты не находили въ Вѣнѣ добраго привѣта! Правленіе университета и его магистры притѣсняли „supposita" (т. е. scholares, учениковъ) пражскаго университета всѣми мѣрами: „ipsa turpiter tractando, captivando et in carcerem deducendo." Такъ жаловался въ 1413 г. того времени ректоръ пражскаго университета Михаилъ изъ Маленицъ, заступаясь за права и за честь своихъ „supposita," въ соболѣзнующемъ посланіи къ вѣнскому университету, кончающемся угрозою обратить эти же жалобы, если онѣ не

*) „Henricus Euta—Gymnasii Viennensis in Austria unicum decus et complantator a principio." Trithemius ap. Aschbach, p. 404, adn. 1.

**) Fontes rerum austriacarum. Scriptores VI, 2, p. 314.

будутъ уважены самимъ университетомъ, герцогу Австрій-скому *). Судя по словамъ ректора Михаила, его угроза была вызвана цѣлымъ рядомъ обидъ. Ближайшимъ же поводомъ къ посланію была епистола вѣнскаго магистра Іоанна Зибарта (Aschbach p. 612) къ епископу загребскому (ad episcopum Zagrabiae et capitulum), содержащая въ себѣ грубую, исполненную по словамъ Михаила клеветъ, диффамацію пражскихъ студентовъ **). Магистръ Зибартъ обошелъ университетъ, обратясь къ епископу, епархіи котораго принадлежали студенты, обжалованные имъ въ 1413 году. Студенты Пражскаго Университета, о которыхъ шло дѣло, были Венгерцы, или Хорваты, вносимые въ матрики подъ рубрику „nationis Bohemorum." И дѣйствительно, несмотря на неполноту матрики Пражскаго Университета за это время, мы находимъ въ „liber decanorum facultatis artium," записывавшей лишь бакалавровъ и магистровъ, подъ 1410 г., въ числѣ bacalariandorum, экзаменовавшихся въ коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ именно „*Michaelis de Malenycz*," напр.—„Antonium de Slawonia." ***). Можно бы было ожидать еще болѣе интересныхъ сообщеній отъ отвѣта Пражскаго Университета, послѣдовавшаго на вышеприведенную жалобу пражскаго ректора; но, къ сожалѣнію, онъ сохранился въ отрывкѣ ничего не значащемъ ****). Съ пражской стороны въ этомъ столкновеніи выступилъ въ лицѣ ректора человѣкъ, преданный интересамъ народной партіи Университета. Михаилъ изъ Маленицъ былъ деканомъ facultatis artium (a° 1406), и въ числѣ новеллъ къ статуту facultatis artium 1390 года мы подъ 1406-мъ находимъ пред-

---

*) Palacky Documenta mag. Ioannis Hus, pp. 512—513: „Alias oporteret universitatem nostram super his auxilium illustris principis D. Ducis et D. Capitanei terrae Austriae implorare, et juxta privilegia universitatis nostrae suppositis nostris providere de remedio opportuno."

**) „Diffamationis litteras direxit, in quibus scholares nostrae Universitatis appelat perversi dogmatis sectatores" etc. Palacky Documenta ibidem.

***) Mon. Univ. Prag. I, p. 413.

****) Fontes rerum austr. Scriptores VI, 2, p. 210.

писаніе, „quod nullus incipiat aut determinet ante prandium diebus festivis, *quo communis populus celebrat et festivat*„ *).

Національные оттѣнки установились въ Пражскомъ Университетѣ въ ранней порѣ его существованія. Старѣйшіе акты уже знакомятъ вполнѣ съ *даннымъ* національнымъ составомъ академіи. Оттѣнки эти, очевидно, одновременны съ самымъ зарожденіемъ академіи, а не были вызваны какою либо законодательною мѣрой. Не предваряемые никакимъ намѣренныиъ дѣйствіемъ, они окрашивали собою населеніе Каролина съ самой минуты его призыва къ благой дѣятельности въ пользу просвѣщенія. Тѣмъ поучительнѣе могутъ быть наблюденія надъ національнымъ составомъ Пражскаго Университета, чѣмъ естественнѣе онъ сложился, чѣмъ менѣе въ немъ участвовала чья либо личная воля, чья либо мощная интрига. Эти наблюденія позволяютъ намъ всмотрѣться въ то положеніе, какое занимала въ Прагѣ чешская нація въ наплывѣ чужеземцевъ, и безъ того сильномъ, но, по открытіи Университета, ежегодно возроставшемъ. Нельзя утверждать, чтобы въ то время не было вовсе почвы, на которой бы національная рознь не высказывалась. Какъ ни старался Карлъ сгладить ее, намѣренно льстя славянской націи, какъ ее ни ослабляла бросавшаяся въ глаза **) подражательность Чеховъ, все же нѣкоторыя историческія преданія славянской Праги были свѣжи. Изъ времени Карла IV мы имѣемъ прямыя и ясныя свидѣтельства о томъ, напр., что вліятельныя назначенія въ г. Прагѣ были занимаемы Славянами, не понимающими по нѣмецки. Такъ, защищаясь отъ навѣ-

*) Monum. hist. univ. Prag. I, 1, p. 119.

**) „His temporibus (A. 1367) *more symearum* usurpaverunt sibi pravam et dampnosam aliarum terrarum consuetudinem, et in habitu vestimentorum recesserunt a vestigiis suorum praedecessorum, facientes sibi breves et curtas, immo verius turpes vestes et strictas ut vix anhelitum possent habere." „Propter strictas vestes et rostratos calceos Boemi devicti sunt ab inimicis (Saxonis) et capti, ac immaniter trucidati. Sibi imputent, qui ad bellum properantes artas ac strictas vestes et rostratos calceos domi non reliquerunt." Scr. rer. boh. II, p. 394—395.

товъ нотаріуса г. Праги, Конрадъ Вальдгаузеръ въ своей апологіи, выше подробно разобранной, основываетъ свое доказательство ложности навѣта на томъ, что нотаріусъ, на слѣдствіи „fuit inventus *purus Bohemus*, et ego predicaveram teutonice, et scripserat tantum ea, quae captiosi fratres (sc. minoritae) suggesserant" (Fontes rerum austriacarum, VI, 2, p. 29).

Впрочемъ это явленіе было исключительнымъ и объясняется болѣе всего указомъ о допущеніи и употребленіи чешскаго языка въ ратушѣ пражской и ея актахъ, изданнымъ Карломъ IV (Husa spisy ceské ed. Erben I, p. 133).

И самыя преданія религіозной страны забывали *), но не въ той мѣрѣ, чтобы презрѣніе къ нимъ со стороны иностранцевъ не пробуждало воспоминаній объ нихъ, укрѣпляя связь съ религіозной стариной. Такъ, Бенешъ Вейтмильскій, въ духѣ своего времени, примѣшивая къ своей свѣтской хроникѣ политическихъ событій не мало эпизодовъ изъ легендъ Свв. Вячеслава и Прокопія, въ позднѣйшей ихъ редакціи, осложненной сказаніями о чудесахъ, въ слѣдующемъ расказѣ, внесенномъ имъ подъ 1338 годъ, знакомитъ насъ, мимоходомъ, непреднамѣренно, съ однимъ изъ часто повторявшихся столкновеній: „Нѣкіе люди обученные искусству стрѣлять изъ лука, сговаривались между собою, говоря такъ: „завтра мы празднуемъ память Святаго Вячеслава, нашего покровителя (patroni nostri) **). Одинъ изъ нихъ родомъ Нѣмецъ (unus Theotunicus), кощунствуя, отвѣтилъ:

---

*) „Anno 1370 ad festivitatem sancti Wenceslai paucissimi convenerant homines, homines enim dati deliciis Deum et Sanctos eius minus venerabantur." Scr. rer. boh. II, p. 408.

**) Суетное вѣрованіе въ покровительство Святыхъ было въ то время распространено въ Чехіи и возбуждало упреки р. Ѳомы: „Ale mnozí ctie svaté jen pro zdejší odplatu, prave pohanským obycejem: jako svatého stěpana, aby v konc byli stastni; svatého šastneho (i. e. St. Felix) a jeho tovarise, aby jim sbozie pribývalo; svatého jana svetlého, jemuz su Burjan vzdeli, aby krúpy nebily" etc. Knižky sestery, p. 109.

„По такой деревенщинѣ памяти праздновать я не буду„ (Illius rustici festum non celebrabo). Но, едва онъ произнесъ эти слова, какъ былъ пораженъ нѣмотой, и всѣми слышавшими овладѣлъ ужасъ“.

Не имѣя на то прямыхъ доказательствъ думаемъ однако, что Св. Витъ, имени котораго былъ посвященъ соборный храмъ Праги, могъ быть общимъ патрономъ какъ Нѣмцевъ, такъ и Чеховъ. Гусъ ставитъ Св. Вита наравнѣ съ Св. Вячеславомъ въ отношеніи къ народному почитанію, влагая слѣдующія слова въ уста священника, поощряющаго суевѣрный народъ къ матеріальнымъ жертвамъ: „Pomáhajte *svatému Václavu*, *svatému Vítu*, postavě hlavu neb ruku střiebrnú“ (spisy české; I, p. 79).

Изъ предшествующаго ясно, что отношенія между народностями нѣмецкою и славянскою въ Прагѣ временъ Карла IV были далеко не холодныя, не равнодушныя. Палацкій, особенно въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ, всѣми мѣрами старается смягчить рѣзкость красокъ, которыми оттѣнялись эти отношенія въ жизни Университета. Онъ старается смыть безъ слѣда и остатка тотъ аскетически-радикальный характеръ, коимъ запечатлѣны инвективы Гуса на Нѣмцевъ, и заходитъ такъ далеко въ перецѣнкѣ философскаго спокойствія въ Гусѣ, что, указывая на одни мѣста его сочиненій, важныя въ данномъ вопросѣ, забываетъ многія другія, еще важнѣйшія тѣхъ первыхъ. Палацкій, ссылаясь на объясненіе заповѣдей (spisy česke I, p. 156), даетъ слишкомъ точный смыслъ словамъ Гуса о томъ, что хорошій Нѣмецъ для него лучше дурнаго Чеха. Нужно вспомнить, что злѣйшими его клеветниками были Чехи, и, принявши во вниманіе Станислава Зноемскаго, Стефана Палеча и Михаила de Causis, должно иначе объяснять указанное мѣсто, въ которомъ Гусъ утверждаетъ лишь, что предъ лицемъ истины и блага боговѣдѣнія онъ не различаетъ его проповѣдника по оттѣнкамъ національнымъ, и что англійскіе священники, исповѣдующіе истину (knežie dobři Englišĭ), ему милѣе чешскихъ измѣнниковъ истины, и что, наконецъ, хорошій Нѣмецъ ему милѣе злаго брата. Это риторическое украшеніе теряетъ всякую

доказательную силу, если мы приведемъ другія мѣста, Палацкимъ забытыя (Kritische Studien, p. 96). Такъ въ одномъ изъ нихъ (spisy česke; I, p. 100) онъ говоритъ, что всѣ нѣмецкія поколѣнія, живущія на землѣ чешской, должны бы были прійти къ королю и присягнуть въ вѣрности *ему и землѣ чешской*, но что это случится тогда развѣ, когда змій согрѣется на льду („až had na ledu se shřeje"); въ другомъ (ibid. p. 87), исчисляя особенно злыхъ преступниковъ противъ 2-й заповѣди, онъ знакомитъ насъ съ своей дружбой къ нѣмецкому языку въ слѣдующей анафорѣ: „О лгуны, обидчики, порицатели, сквернословы, хвастуны, празднопѣвцы, ругатели, суесловы, злорадцы, льстецы, клеветники, болтуны и нѣмецкіе шпрехеры" (němečtí sprechéři).

Чешская народность, очевидно, процвѣтала лишь у очага: ея сыны мало заботились о водвореніи ея внѣ узкой сферы домашней среды, даже въ тѣхъ случаяхъ и при тѣхъ условіяхъ, которые видимо благопріятствовали бы ея естественнымъ притязаніямъ. Такъ напр., и языкъ, и географическая близость, и политическія связи тѣсно сближали Чеховъ съ Лужицкими Сербами, особенно съ Шестиградіей, нынѣшней Верхней Лужицей. Со времени же учрежденія пражской архіепископіи (a° 1343) и дарованія архіепископу пражскому титула „sedis apostolicae legatus" (a° 1365). Лужицкіе Сербы и въ церковномъ отношеніи были поставлены въ связь съ Прагою, ибо власть „легата" простиралась кромѣ пражской, и „in Ratisponensi, Pobenbergensi et Misnensi diocesibus" (Scr. rer. bohem. II, p. 387), изъ которыхъ къ послѣдней принадлежали Лужицкіе Сербы. Около того же времени, въ 1367 году, политическая связь Шестиградіи верхне-Лужицкой съ Чешской короной, послѣ неоднократныхъ колебаній (Scr. rer. botem. II, 332—333), была закрѣплена присягою, принятой отъ ея сословій королемъ Чешскимъ Вячеславомъ IV, еще при жизни его отца Карла IV, въ 1367 г.*). Не смотря на все это, національная связь

*) Scr. rer. bohem. II, p. 392: „Wenceslaus IV Boemiae rex intravit terram Lusatiae, recipiens omagia et iuramenta fidelitatis a baronibus et civibus terrae illius, quam pater suus pro regno Boemiae comparavit." Scr. rer. bohem. II, p. 392.

по близкому сродству языка была уже въ то время, въ 3 четверти XIV столѣтія, такъ крѣпко преграждена саксонской стѣною, что каноникъ Бенешъ Вейтмильскій, Чехъ по происхожденію и по языку, былъ вполнѣ равнодушенъ въ составу населенія славянскаго прибрежія р. Одры. Мы заключаемъ это изъ слѣдующихъ его словъ: „a° 1370 Dominus noster Imperator emit *in terra Lusaciae* oppidum quoddam, situm super flumen Odra, et prope civitatem Frankenfurd, quod quidem oppidum *vocatur lingua eorum Furstenberch*.“ Каноникъ Бенешъ, очевидно, не зналъ ни нѣмецкаго языка Саксонцевъ, ни славянскаго Лужицкихъ Сербовъ, и потому ограничился чисто географическимъ обозначеніемъ проводимаго собственнаго имени по странѣ (Lusatia), а не по народу, ее населявшему (Lusati Sorabi—Theotunici). Мысль его была далека отъ родства народностей и языковъ. Сообразно съ такой малой степенью національной сознательности, мы не встрѣчаемъ въ „liber decanorum facultatis artium“ Пражскаго Университета ни одного имени, принадлежавшаго кому либо изъ весьма многочисленныхъ Лужицкихъ сочленовъ Пражской академіи, которое было бы сопричислено чешской народности академическаго состава. Напротивъ, вся масса Лужичанъ принадлежала націи, съ которой, по Силезіи, она соприкасалась непосредственно—націи польской. Всѣ города, принадлежащіе верхне-лужицкой Шестиградіи, равно какъ и нижне-лужицкій Хотѣбужъ съ своею областью сопредѣльной съ Силезіею, входили въ составъ нація Польской. Въ составѣ послѣдней, на всемъ протяженіи древняго періода Пражскаго Университета, т.-е., до учрежденіи краковскаго университета и до сецессіи нѣмецкой націи, преобладалъ элементъ нѣмецкій, сильный уже тогда въ силезкихъ областяхъ древней Польши. Эти отношенія вполнѣ уяснились въ 1409 г., въ послѣдней, заключительной борьбѣ между націями университета; въ своей апологіи чешская нація пользуется духомъ единства и согласія, окрѣпшимъ въ трехъ націяхъ, и обращаетъ ихъ въ единую націю нѣмецкую. „Patet quod rex Wenceslaus juste potuit dare et dedit *suis regnicolis* in universitate studii Pragensis tres voces super exteras nati-

ones, quas unam in suis literis ipse serenissimus princeps dominus appellat theodiscam nationem, quia et ipsae per se illae nationes se invicem firmiter unierunt“ (Scr. rer. austriacarum VI, 2, 2, p. 157). Въ этомъ смыслѣ приводимый нами актъ не считаетъ трехъ націй въ ихъ отдѣльности, а называетъ ихъ „nationes exterae, sive natio theotonica.“ Такимъ образомъ входя въ составъ „nacionis Polonicae,“ Лужицкіе Сербы хотя и косвенно, но все же усиливали собою нѣмецкую партію, равномѣрно сильную во всѣхъ трехъ націяхъ — польской, саксонской и баварской, солидарно противодѣйствовавшихъ преобладанію Чеховъ въ академіи. „Liber decanorum facultatis artium“ представляетъ обильный матеріалъ для наблюденій надъ лужицкимъ составомъ польской націи. Изъ Нижней Лужицы всего болѣе высылалъ въ Пражскій университетъ городъ Хотѣбужъ: Ioannes de kottebus a° 1408 (Mon. Un. Pr. I, 1, p. 400), Petrus Wilhelmi de Cothebus, (ibid. p. 397), Ioannes Inquietis de Kottebus (ibid. p. 390), mag. Michael de Kothebus (dispensator a natione polonica ibid. p. 383), Ioannes Kro de Kottebus (ibid. p. 382), Ulricus, Ioannes de Gubyn (p. 367), examinator magistrandorum de natione polonorum, mag. Ioannes Bresen de Gubyn (p. 343), Bartholomeus de Kottebus (p. 244), Nicolaus de Mockow (p. 241), a° 1381 Otto de Kottebus (p. 203), a° 1372 Theodorus de Kottebus (p. 153). Одинъ изъ нижне-лужицкихъ членовъ Польской націи Николай родомъ изъ г. Губина (г. Gubyn, нѣм. Guben) *) еще въ 1374 году былъ избранъ въ деканы факультета свободныхъ искусствъ **) и встрѣчается въ „liber decanorum“ особенно часто въ качествѣ промотора. Его же мы встрѣчаемъ тамъ

*) Городъ, упоминаемый напр. въ Bartossii Chronicon подъ 1429 г.: „per totum ducatum Lusatiae processerunt vi et potentia, usque ad quandam civitatem Gubyn in metis marchionatus Brandeburgensis.“ Mon. hist. Bohemiae, ed. Gel. Dobner I, p. 161.

**) A° 1374, 15 die Octobris ego Nicolaus dictus de Gubyn, magister in artibus, electus fui in decanum facultatis artium secundum formam statutorum, juravi et promissa magistrorum recepi. Mon. Univ. Prag. I, 1, p. 161, (Cf. ibid. p. 18).

подъ 1380 годомъ въ числѣ четырехъ экзаменаторовъ, избраннымъ отъ націи польской:—„mag. Nicolaus Gubyn *Polonus*" (Mon. Univ. Prag. I, 1, p. 194) *). Также рѣшительно какъ нижне-лужицкіе Сербы, по сосѣдству географическому и по родству племени и рѣчи, такъ и ихъ верхніе соплеменники сопричислялись Полякамъ. Изъ шести городовъ верхней Лужицы особенно много выслали въ Прагу города Будишинъ (Mon. Univ. Prag. I, 1, pp. 234, 255, 300, 375, 384, 386), Житава (Ibid. p. 165, 389), Герлицъ (ibid. pp. 211, 218, 223, 269, 295). Кромѣ того, замѣтимъ: Franciscus de Misna (pp. 345, 347) **), mag. Ioannes Saxenhusen de natione Polonorum a° 1386, Iacobus de Draezden de n. P. a° 1373, Ludovicus de Draezden de n. P. a° 1374 (Mon. Univ. II, 1, pp. 86, 87.), Nicolaus Lipczk. de n. P. (Ibid. p. 91), Plebanus de Kemnitz de n. P. (Ibid. p. 87), Nicolaus Lybyck de Isnacho de n. P. a° 1381 (Ibid. p. 93), Nicolaus Porczin de Dresden de n. P, a° 1383 (Ibid. p. 95), Ioannes Debercov, canonicus regularis de Lypczk de n. P. a° 1394 (Ibid. p. 106). При слитіи Лужичанъ съ націей польской, еще разъ утверждаемъ, принята была въ расчетъ ихъ географическая близость съ Поляками Силезіи, а никоимъ образомъ не племенное ихъ родство. Живымъ сему доказательствомъ можетъ, между прочимъ, служитъ и то, что напр. Кашубы, уже, конечно, болѣе Лужичанъ близкіе по языку и роду-племени къ Полякамъ, были, однако, въ матрикахъ заносимы въ Саксонскую націю. Такъ, напр. въ бакалаврской матрикѣ юридическаго факультета встрѣчаемъ внесеннымъ въ саксонскую націю—*Ioannes Stewer de Kassubia* (Mon. Univ. Prag. II, 1, p. 140), въ спискѣ „nationis Saxonum." Наконецъ, встрѣчаются сомнительные случаи, какъ то въ матрикѣ юридичес-

*) Любовь къ наукѣ призывала этого Лужицкаго Серба уже въ пору его преподавательской дѣятельности въ лекторіи пражскихъ декретистовъ: мы встрѣчаемъ его тамъ имматрикулованнымъ дважды въ 1374 и 1384 г.: mag. Nicolaus de Gubyn (Mon. Univ. Prag. t. II, pp. 87, 96).

**) Впослѣдствіи магистръ, а затѣмъ снова имматрикулованный въ юридическомъ факультетѣ въ 1382 г., при ректорѣ юристовъ, Шведѣ архидіаконѣ Упсалы Карлѣ Гаквинѣ: Franciscus de Misna, mag. in artibus. Mon. Univ. Prag. t. II, p. 94.

каго университета, гдѣ подъ 1384 г. въ націи саксонской приписанъ „Ioannes Osterad de Northuzen“ и вслѣдъ за тѣмъ отчисленъ отъ нея къ польской слѣдующими словами: „Iste est de natione Pollonorum“ (Mon. hist. Univ. Prag. II, 1, p. 134). Взаимныя отношенія между тремя оппозиціонными націями не вполнѣ уясняются изъ актовъ Пражскаго Университета, ибо они выступали въ общественной дѣятельности во всѣхъ такихъ актахъ Университета, которые происходили публично и потому бывали записываемы въ память будущихъ поколѣній, въ образѣ единой націи нѣмецкой. При измѣнившихся отношеніяхъ, на иной почвѣ, тѣ же три націи, въ негодованіи оставивши непризнательную Прагу, основали „высшее ученіе“ въ Лейпцигѣ, въ средѣ, не допускавшей тогда (въ началѣ XV стол.) уже никакого сомнѣнія въ численномъ преобладаніи и безусловной нравственной диктатурѣ нѣмецкой: и тамъ уже сводили между собою націи польская и саксонская тѣ мелкіе счеты, которые были забыты за бурными чувствами ревности и мести, кои сплачивали ихъ во едино противъ высокомѣрныхъ притязаній славянскихъ Пражанъ. Вторая по древности учредительная грамота Лейпцигскаго Университета, изданная именемъ „божіею милостью ландграфовъ Тюрингенскихъ и маркграфовъ Мишенскихъ“ братьевъ Фридриха и Вильгельма, въ мартѣ—апрѣлѣ 1411 г., въ Лейпцигѣ, посвящена, именно дѣлу „de ordinacione nacionis Misnensium.“ Латинскій текстъ грамоты, внесенный въ статуты подъ 2-мъ апрѣля 1411 г. содержитъ, въ себѣ законодательное постановленіе, по которому нація миснійская, четвертая къ тремъ пражскимъ — польской, саксонской и баварской, учреждается для магистровъ и студентовъ, поступающихъ въ лейпцигское ученіе изъ Мисніи, Тюрингіи, Остъ—и Фойтляндіи, равно какъ и изъ Лужицъ (item Lusaci et ceteri de dyocesi Misnensi], съ тѣмъ чтобы она существовала въ отдѣльности отъ остальныхъ трехъ націй и въ особенности отъ націи польской *). Очевидно, что и сами учреди-

*) „Ab aliis nacionibus et singulariter *a nacione Polonorum* distinctim et complete ordinata fuit.“ Fr. Zarncke Die Statutenbücher der universität Leipzig. p. 5—6.

тели и университетское правленіе было озабочено возможною солидарностью Лужичанъ съ Поляками, и потому докторы, стоявшіе во главѣ ученія, побудили учредителей къ разъединенію Лужичанъ съ Поляками, что и состоялось въ силу и въ смыслъ приводимой грамоты, отчислявшей Лужичанъ къ націи мисиійской съ абсолютнымъ большинствомъ Нѣмцевъ. Нѣмецкій подлинникъ учредительной грамоты мишенской націи отъ 31 марта 1411 г. уясняетъ съ достаточною, хотя и немногословною, ясностью причины, побудившія учредителей къ мѣропріятію отдѣльной мишенской націи: „das vor uns komen ist, wie das eczliche czweitracht sie in unser hoen schule zcu Lipczk von den erbern meistern und studenden *die zcu Prage der Polner nacion geheissen hat* und iczund meistern und studenden von unser nacion von Missin, welche Meistere und studenten von der Polner nacion sich sollen *czu der Missener nacion halten*." Итакъ, въ смыслѣ приведенныхъ изъ нея словъ, почтенные магистры вмѣстѣ съ ихъ земляками студентами, принадлежащіе по пражскому преданію къ польской націи, отъ нея отсѣкаются и обязуются держаться націи мишенской; и состоялось такое постановленіе вслѣдствіе распри (czweitracht). Изъ всего предшествующаго ясно, что предметомъ распри не могъ стать никто, кромѣ магистровъ и студентовъ, приходившихъ въ Прагу изъ Лужицъ и записывавшихся въ большомъ, какъ мы видѣли, количествѣ въ матрику націи польской. Должно думать, что упоминаемая распря вынесена была еще изъ Праги, тамъ на время заглушенная нѣмецкимъ большинствомъ, здѣсь же въ Лейпцигѣ своевременно подавленная въ самомъ зародышѣ приведенною законодательной мѣрой, состоявшеюся при посредствѣ княжескаго протонотаріуса, декана преподобной Маріи въ Эрфуртѣ Николая Любека (per Nicolaum Lubech). Историческая связь лейпцигскаго ученія съ пражскимъ не исчезала изъ памяти учредителей перваго: ее хранили и потомки ихъ. Въ 1496 г., именемъ герцоговъ Альбрехта и Георга преобразовывая и обновляя статуты, канцлеръ лейпцигскаго университета, мерзебургскій епископъ Тилонъ, возстановляя эту связь, высказываетъ въ ясныхъ словахъ,

что составъ Пражскаго Университета въ томъ его видѣ, какъ онъ былъ учрежденъ по образцу Парижской Школы Императоромъ Карломъ IV, волею предковъ, Альбрехта и Георга, былъ только перенесенъ въ Лейпцигъ („ex illustrissimorum principum industria ad Lipczense oppidum translatum esse praedicatur"), и что, въ силу этого, санкція, дарованная папою и императоромъ Школѣ Пражской, почіетъ на ней во вѣки и въ новомъ ея пребываніи *). Но страсти, волновавшія магистровъ и студентовъ при перенесеніи ученія изъ Праги въ Лейпцигъ, были утолены временемъ, и при болѣе спокойномъ настроеніи, Лужичане Шестиградіи и Нижней Лужицы были снова возсоединены съ народностью польской вслѣдствіе того, что численность послѣдней оскудѣла. Повелѣніемъ герцога Георга въ 1522 году состоялось это возвращеніе къ прежнему пражскому порядку: „dieweil wenig Polen alhie befunden werden, darumb so wollen und ordnen wir, das von der Meyssenischen nacion die sechss stett und das landt in Ober-und Nyderlawsitz solle genhommen und zu der polnischen nacion geschlagen werden **)."

Притязанія чешской націи на преобладаніе зачались и окрѣпли на факультетѣ, который, будучи образовательнымъ по преимуществу, привлекалъ къ себѣ массу слушателей и сосредоточивалъ въ себѣ лучшія преподавательскія силы, на факультетѣ свободныхъ искусствъ (facultas artium). Ученіемъ его многіе и ограничивались, довольствуясь степенью баккалавра или магистра; многіе же, достигши ихъ, избирали себѣ иную спеціальность, матрикулуясь у декретистовъ, легистовъ, медиковъ. На факультетѣ свободныхъ искусствъ приготовлялись и богословы, запасавшіеся въ его лекторіяхъ всей той философской школой, которая почиталась необходимой для постиженія и научнаго уразумѣнія истинъ религіи. Тѣ вліянія философіи, которыя оказались вредными для чистоты правовѣрія, были удаляемы тщательно высшимъ надзоромъ церкви, имѣвшей въ ака-

---

*) Die statutenbücher der Univ. Leipzig. ed. Zarncke, p. 17.

**) Ibidem, p. 42—43.

деміяхъ своего представителя въ лицѣ канцлера Университета. Доступные наукѣ источники мало даютъ матеріаловъ для заключеній о томъ надзорѣ, который имѣли пражскіе архіепископы надъ школой и ея ученіемъ въ первыя десятилѣтія ея существованія. Состояніе этихъ источниковъ дозволяетъ даже заключать, что канцлерская власть бездѣйствовала,—можетъ быть не почему другому, какъ потому, что остерегалась соревновать цензорской дѣятельности парижскаго канцлера, имѣвшаго, по праву старшинства академіи, верховный надзоръ надъ богословскимъ ученіемъ всего католическаго міра. Каковы бы ни были побужденія пражскихъ канцлеровъ, но парижскій канцлеръ того времени Іоаннъ Герсонъ былъ бдителенъ. Онъ предупреждаетъ зло слѣдующимъ увѣтомъ, основаннымъ на опытахъ прошлаго: „Patres nostri curiositatis venenum tollere volentes, sancte statuerunt, ut neque apud artistas materiae pure theologicales, neque apud theologos materiae pure logicales aut philosophicae disputarentur. Admonet nos haec consideratio solerter quid cuique aetati et loco et tempori et professioni sit congruum *).“

Притязаніе чешской націи на преобладаніе въ цѣломъ составѣ академіи выражалось весьма ясно, прежде нежели Іоаннъ Гусъ могъ имѣть вліяніе на дѣла университета. Въ актахъ университета имя „Ioannes de Hussynecz“ встрѣчается въ первый разъ подъ 1393 г. въ числѣ получившихъ баккалаврскую степень на экзаменахъ означеннаго года, при экзаменаторахъ Петрѣ Градецкомъ (изъ націи чешской), Яковѣ Бартинштейнѣ (изъ націи Польской), Іоаннѣ Эйштетѣ (изъ націи Баварской) и Петрѣ Премславскомъ (изъ націи Саксонской). Въ такомъ составѣ коммиссіи, Гусъ въ 1393 г., въ деканство Лудольфа Местермана, окончилъ съ успѣхомъ бакалаврскіе экзамены, при предстательствѣ маг. Іоанна Мутскаго **). Еще въ 1384 г., преж-

*) Secunda lectio contra vanam curiositatem. Gersoni opera t. I, col. 98.

**] Monumenta historica Universitatis Carolo—Ferdinandeae pragensis, t. I, 1, pp. 286—287,

де нежели Гусъ былъ иматрикулованъ, Магистры nacionis bohemicae предъявили свое исключительное притязаніе на всѣ коллегіальныя мѣста какъ въ collegium Caroli, такъ и въ collegium Wenceslavi. Распря, въ которой архіепископъ Янъ Енштейнскій принялъ сторону чешской націи, доходила посредствомъ аппеляціи 3-хъ націй до верховнаго трибунала Папы. И въ послѣдствіяхъ своихъ этотъ первый актъ борьбы чешской націи съ тремя прочими совершенно подобенъ тому ея заключительному акту въ 1409—1410 гг., который кончился великой эмиграціей нѣмецкаго большинства, основавшаго высшее училище Лейпцигское. Подобно этой сецессіи, и ректоръ того времени (1384 г.) магистръ Солтау, архидіаконъ Госларскій, каноникъ Миснійскій и Пражскій, богословъ, знаменитый изданіемъ полнаго толкованія на Петра Ломбарда, отошелъ, съ чувстомъ раздраженія, въ Гейдельбергскую Академію, гдѣ долгое время украшалъ собою каѳедру богословія въ новоучрежденномъ высшемъ училищѣ. Документы этого перваго столкновенія достаточно раскрываютъ дѣло. Учредительная грамота, силою которой основалось collegium Caroli, укрѣплена знаменіемъ Императора Карла IV и руками архіепископа Пражскаго Яна Енштейнскаго, двухъ курфистровъ (Саксонскаго и Бранденбургскаго), пяти Силезскихъ Герцоговъ, многихъ князей, прелатовъ и господъ Богеміи *). Она издана въ 1366 г. въ духѣ той же универсальности, коимъ отмѣченъ первый дарственный актъ 1358 года, изданный еще прежде нежели могли появиться какія либо распри между народностями Университета **). Раздѣленіе на четыре народности современно самому основанію университета ***). Но ихъ чувствительное для состава академіи распаденіе и взаимныя несогласія въ требованіяхъ и желаніяхъ въ первый разъ проявляются въ 1380 году. Liber decanorum facultatis artium до означеннаго года показываетъ лишь трехъ экзаменаторовъ на баккалаврскую степень безъ опредѣле-

*) Mon. Un. Prag. t. II, pp. 231—235.

**) Ibid. p. 225—229.

***) Dĕje Un. Pr. Tomek p. 20.

нія ихъ націй; съ 1380 года при каждомъ деканствѣ читаемъ: „pro examine baccalariandorum, quod fieri solet in IV temporibus post diem Cinerum deputati fuerunt IV examinatores de IV nationibus“, и такое раздѣленіе, съ обозначеніемъ націи при имени каждаго изъ четырехъ экзаменаторовъ, соблюдается въ большинствѣ случаевъ до великой эмиграціи 1409 года *). Въ первомъ дарственномъ актѣ 1358 г. Карлъ IV, „взвѣшивая благое преуспѣяніе, честь и славу своего царствованія, могущія проистечь изъ насажденія въ странѣ науки,“ ограждаетъ право университета на пользованіе дарованными людьми и землями противъ всякихъ его возможныхъ нарушеній съ чьей бы то ни было стороны **). Въ той же мѣрѣ и въ томъ же духѣ, учреждая collegium Caroli, онъ „думаетъ съ достойною его щедростью исполнить пріятный долгъ царственной уступчивости, по побужденію милости, проистекающей изъ врожденной ему доброты.“ Даруя домъ Лазаря, 5 деревень со всѣми угодьями и доходы съ 2 деревень, онъ отдаетъ ихъ на содержаніе 12 магистровъ свободныхъ искусствъ, изъ которыхъ 2 были бы способны взять на себя преподаваніе богословія (одинъ библію, другой книгу сентенцій), 10 же остальныхъ—преподаваніе предметовъ facultatis artium. Всего удивительнѣе то, что архіепископъ Янъ, самъ подписавшись подъ этимъ дарственнымъ актомъ, нашелъ основаніе стать на сторону чешской народности. Не находя въ обѣихъ старѣйшихъ дарственныхъ грамотахъ ни слѣда тѣхъ опредѣленій, коими бы предусматривался раздоръ націй, мы обращаемся, наконецъ, къ первой учредительной грамотѣ, коею даруетъ Императоръ имъ учреждаемому

*) Mon. Univ. Prag. I, 1, 197 seqq.

**) Мѣста изъ учредительныхъ грамотъ Карла IV приводятся въ апологіи чешской націи 1409 г., но при помощи неправильной и искусственной эксегесы. Особенно насильственно объясненіе ея словъ „extraneos alios ad gratitudinis participium evocare. S. r. a. VI, 2, 159, 162. Какъ слѣдуетъ понимать слово evocare всего яснѣе изъ его употребленія въ Instrumentum appelationis trium nationum ad K. Wenceslaum ibid. p. 164.

университету право производства въ ученыя степени, равномѣрное съ университетами парижскимъ и болонскимъ. Грамота издана въ 1348 г. *). Въ ней могло быть предусмотрѣно лишь будущее. И дѣйствительно, въ заботѣ о своемъ царствѣ чешскомъ (regnum nostrum Bohemiae), Императоръ, по его собственному выраженію, возжелалъ, чтобы „вѣрноподданные его (fideles nostri regnicolae), непрестанно жаждущіе плодовъ знанія, не принуждаемые молить о чуждой помощи, находили бы въ царствѣ его уготованную для себя трапезу угощенія (mensam propinationis), и чтобы они вмѣняли себѣ въ славу приглашать и иностранцевъ къ усладѣ такого обаянія и къ участію въ такой милости“. Слова „regnicolae nostri fideles“ не ограничиваютъ своего значенія объемомъ одной чешской націи, какъ ясно изъ разнообразнаго состава населенія Богеміи во времена Карла IV и изъ обширности наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ владѣній Карла IV. Помимо того, учредитель съ намѣреннымъ многословіемъ, трудно передаваемымъ въ переводѣ, продолжаетъ такъ приблизительно: „наши милости простираются на всѣхъ и каждаго—докторовъ, магистровъ, студентовъ: какому бы кто факультету ни принадлежалъ, откуда бы кто ни пришелъ, каждый будетъ пользоваться, и въ прибытіи и въ пребываніи и въ возвращеніи своемъ, особеннымъ обезпеченіемъ и покровительствомъ со стороны нашего величества, съ удостовѣреніемъ въ томъ, что мы съ щедростью всѣмъ прибывшимъ удѣлимъ, съ огражденіемъ отъ нарушенія съ чьей либо стороны, тѣ самыя привилегіи, льготы и свободы, коими пользуются доктора и студенты въ университетахъ парижскомъ и болоньскомъ.“ Расширяя значеніе этихъ словъ основной учредительной грамоты на двѣ за нею слѣдующія, нельзя признать никакихъ документальныхъ основаній за притязаніями чешскихъ магистровъ въ томъ ихъ видѣ, какъ они были выражены въ 1384 г. въ распрѣ съ ректоромъ Конрадомъ Солтау. Защищая равноправность націй,

*) Mon. univ. Prag. I. p. 223—224.

ректоръ Солтау, не ссылаясь ни на одну изъ учредительныхъ грамотъ Императора, особенно важнымъ почитаетъ то, что учрежденіе получило свое освященіе отъ папы Урбана V, верховнаго вождя академіи, на авторитетѣ котораго зиждется неприкосновенность ея правъ для всякой свѣтской руки. Архіепископа могли побудить къ нарушенію этого святѣйшаго права неприкосновенности лишь „sinistra informatio et suggestio precesque importunae nationis bohemicae.“ Ректоръ отклоняетъ отъ себя архіепископскую кару отлученія законосообразною аппеляціей (Fontes rerum austriacarum II, 2, pp. 128, 133). Его побуждаетъ къ тому, какъ нарушеніе архіепископомъ всѣхъ процессуальныхъ правилъ суда, такъ и сознаніе правоты и достоинства своего дѣла, „cum tamen aliae tres nationes non solum in duplo sed ultra quam in decuplo numero majores nacionem bohemorum excellunt et praecedunt.“ Но оскорбленное чувство справедливости вынесъ съ собою ректоръ Солтау и въ гостепріимное убѣжище, которое нашелъ онъ удалившись изъ Праги, въ Гейдельбергѣ. Ректоръ вездѣ избирался изъ коллегіи магистровъ artium согласно съ самымъ значеніемъ факультета *), установленнымъ порядками парижской академіи. Но, несмотря на стародавность этого учрежденія, Солтау въ новомъ своемъ отечествѣ настоялъ на его упраздненіи. Прибывши въ Гейдельбергъ, онъ по случаю присяги на статутахъ, 31 января 1387 г. просилъ о льготѣ на размышленіе **). 13 марта того же года онъ убѣждалъ въ засѣданіи академическій сенатъ въ томъ, что ненавистное для него узаконеніе о выборѣ ректора

---

*) „La première faculté et la principale dont le corps de l'université de Paris est composé est celle des Arts, pource qu'elle a été la première institutrice de l'escole, en reconnaissance de quoy le chef de toute l'université, qui est appelé Recteur, est toujours éleu de son corps et jamais de ceux des autres facultez“. Bulaeus.

**) „Hoc excepto, quod super statuto Domini nostri Ducis, quo tenebatur, quod semper rector deberet esse magister in artibus et non doctor in alia facultate, dixit se velle plenius deliberare“ Hautz Gesch. der Univ. Heidelberg p. 138, adn. 99.

изъ числа магистровъ artium издано въ униженіе остальныхъ факультетовъ *). Несмотря на безуспѣшность всѣхъ этихъ попытокъ, Солтау въ 1393 г. провелъ, какъ временную на 2 года мѣру, избраніе ректора изъ полнаго состава академіи. Будучи избранъ въ этотъ срокъ ректоромъ, Солтау съ непоколебимостью убѣжденнаго, побѣдилъ предразсудокъ вѣковъ, и по истеченіи двухлѣтняго срока его мѣра была вмѣнена въ статутъ. Въ этотъ же промежутокъ времени, ему удалось сократить количество совѣщательныхъ и избирательныхъ голосовъ изъ среды магистровъ artium, на три въ опредѣленныхъ, имъ предусмотрѣнныхъ случаяхъ **). Одушевленное противодѣйствіе стѣснительному узаконенію о ректорскихъ выборахъ, которое принялъ на себя Конрадъ Солтау, исходило, очевидно, не изъ личнаго чувства оскорбленнаго самолюбія. Реформа въ томъ же смыслѣ, одновременно произошла и въ университетѣ вѣнскомъ ***). Какъ увидимъ, чешская нація начала свои побѣды этою распрей, рѣшенною въ ея пользу. Но, на время прерывая ея нить, мы невольно спрашиваемъ себя, какими силами велась эта борьба? При всѣхъ связяхъ со дворомъ и высшимъ клиромъ, интрига магистровъ чешской націи не могла бы найти своего основанія, если бы ея вліяніе не простиралось и на молодое поколѣніе (scholares), если бы она не проникала цѣлаго состава академіи. Страстное соучастіе студентовъ, какъ увидимъ было необходимо для успѣха магистровъ. Нельзя сомнѣваться, что и гораздо прежде 1384 г. студенты чешской націи не мало способствовали тому, что распря націй съ каждымъ годомъ принимала болѣе и болѣе страстный характеръ. Первые слѣды ихъ соучастія находимъ еще въ сочиненіяхъ одного изъ старѣйшихъ питомцевъ Пражскаго Университета, знакомаго уже намъ, рыцаря Ѳомы. Въ предисловіи къ неизданному еще „его толкованію на книгу

*) „Factum esse privilegium in contemptum aliarum facultatum.“ Ibid. adn. 100.

**) Ibid. p. 139.

***) I. Aschbach, Geschichte der wiener Universität, p. 38.

Мудрости,“ приводимомъ г. Эрбеномъ (Knižky Šestery, p. XXIX), р. Θома говоритъ такъ: „Также и тотъ, кто составилъ эту книгу, могъ быть названъ философомъ, былъ ли то Соломонъ, или другой кто, по разногласному ученію о томъ магистровъ Св. Писанія. Но разъ они внесены церковью въ составъ библіи, и если ее читаютъ въ церкви, читаютъ магистры въ училищѣ! Да и я даже началъ было (да проститъ мнѣ то мое начальство (vyšší)!) о нихъ рѣчь держать на чешскомъ языкѣ, именемъ магистра Руперта, по прозванію Голготъ *), въ томъ смыслѣ, какъ онъ ихъ преподавалъ въ школѣ. Но (теперь) я не намѣреваюсь переводить его латинской рѣчи на чешскую; но, поучаясь изъ его книгъ, хочу говорить перомъ, что Богъ дастъ, кое-что изъ того, что онъ тамъ говоритъ, пропуская, а что и прибавляя откуда нибудь изъ другихъ книгъ, но все же держась его способа.“ Г. Эрбенъ, приводя эти слова, толкуетъ ихъ въ тотъ смыслъ, что р. Θома ими испрашиваетъ у Пражскаго Университета позволеніе перевести съ латинскаго на чешскій произведеніе вышеназваннаго англійскаго мистика, заключая изъ нихъ притомъ и то, что этотъ трудъ р. Θомы принадлежитъ къ переходу изъ XIV въ XV столѣтіе, когда чешскій элементъ уже усилился въ Пражскомъ Университетѣ. И толкованіе и выводъ въ равной мѣрѣ неправильны! Въ первой половинѣ приведеннаго мѣста, р. Θома, очевидно, переносится воспоминаніями въ годы своей школьной жизни, когда онъ, будучи студентомъ, или баккалавромъ, съ узаконеннаго статутами, факультетскаго (vyšší) дозволенія отъ имени Роберта Голгота, толковалъ книгу Премудрости Соломоновой. Всего менѣе было возможно студенту взяться за это на переходѣ изъ XIV въ XV стол., когда уже сочиненія Виклефа были осуждены, и всѣ книги, приходящія изъ Англіи, почитались зараженными ересью; и всего возможнѣе въ то время, когда самые

*) Англійскій мистикъ Робертъ Голготъ, написавшій, дѣйствительно, толкованіе на „Книгу Мудрости“, профессоръ оксфордскій; ученостью заслужилъ эпитеты „Didaskalos“, „Alter Augustinus“; умеръ въ 1349 году.

злые враги Виклефа еще раздѣляли его ученіе и преподавали его съ каѳедръ. Отъ того приблизительно времени доносятъ до насъ „Statuta facultatis artium studii Pragensis“ важное постановленіе, вызванное злоупотребленіями, коими сопровождалось „jus pronuntiandi“, даруемое факультетомъ своимъ младшимъ соратникамъ. Преподаваніе студентами извѣстныхъ, уставомъ опредѣленныхъ, предметовъ ограничивалось произношеніемъ чтеній знаменитѣйшихъ профессоровъ, безъ всякихъ дополненій со стороны произносившаго. Такое произношеніе (pronunciari, pronunciatio) строго отличалось отъ преподаванія (legere, lectio). „Anno Dni 1367 20 die aprilis in plena congregatione facultatis magistri considerantes, quod multae inordinationes et deformitates fierent per *pronuntiatores*, et multi errores, ex quibus studentibus in artibus magnum dispendium, et toti facultati, immo toti nniversitati grave scandalum posset exoriri; nam quivis scholaris pronuntiavit, quidquid, et quandocunque voluit propria temeritate, et scripta incorrecta et ignota, multos errores dabant ad pennam, ipsa reverendis magistris false adscribendo, ut tanto plures sibi allicerent reportantes; facultas igitur..... statuerunt quod quivis magistrorum poterit super quolibet libro de facultate artium propria vel aliorum dicta dare pronuntiando, dummodo dicta sint ab aliquo famoso de universitate *) Pragensi, Parisiensi, vel Oxoniensi magistro compilata и т. д. По другой редакціи того же статута еще точнѣе опредѣляется, какія именно книги почитаются трудными: „Baccalarii super libros Aristotelis et alios libros difficiles propria dicta dare, vel pronuntiare non debebunt (Monum. Univ. Prag. I, p. 13). Итакъ, воспоминая о томъ, какъ онъ, въ молодости, въ качествѣ пронунціатора, подъ защитой имени оксфордскаго профессора Роберта Голгота, держалъ къ товарищамъ рѣчь о „Книгѣ Мудрости“, р. Ѳома, теперь уже оставивши далеко за собою школу, приступаетъ къ свободному воспроизведенію того, что прежде осмѣливался произносить подъ прикрытіемъ хотя и славнаго, но чужаго имени, и притомъ, какъ видимъ, подъ

*) Monum. Univ. Prag. I, 1, pp. 40—41.

строгимъ надзоромъ старшихъ (vyšší). Еще тогда, слѣдовательно, въ первыя десятилѣтія Пражскаго Университета проявлялись въ чешской молодежи патріотическія стремленія, конечно далекія отъ ужасовъ костра и крови *). Успѣхи чешской націи и самобытная дѣятельность ея лучшихъ представителей въ Университетѣ отражаются довольно ясно въ вышеприведенномъ предписаніи 1367 г., которое дозволяетъ воспроизводить въ лекторіяхъ Пражской Школы уроки оксфордскихъ профессоровъ, на ряду съ образцами парижскаго правовѣрія. Въ этомъ далеко отступила дѣятельность школъ отъ мысли ея учредителя, который, основывая ее, вмѣнялъ ей въ долгъ слѣдовать во всемъ направленію имъ предначертаннаго ей образца—академіи парижской **). Кромѣ приведеннаго предписанія, многое другое свидѣтельствуетъ о невольномъ забвеніи, коему подверглась мысль учредителя еще при его жизни. Герсонъ, зоркій и бдительный блюститель правовѣрія, съ высоты своего канцлерскаго авторитета, осуждалъ направленіе Пражскаго Университета еще прежде того, когда открытая проповѣдь Гуса вызвала въ немъ ея осужденіе на Констанцкомъ Соборѣ. Въ рѣчи своей къ королю за 3 года до Констанцкаго собора, произнесенной имъ по поводу вопроса о церковной уніи, онъ предостерегаетъ такъ: „Nota, quod cavendum est ne mala theologia et curiosa hanc Universitatem (sc. Parisiensem) invadat, sicut in Anglia et in Praga“. ***) Этимъ от-

*) Исторія лишена въ вопросѣ о внутренней жизни академіи обильнѣйшаго источника преступною рукою нечестивца, вырвавшаго изъ книги статутовъ, ведомой ректорами, листы, относящіеся ко времени между 1385—1397 гг., по историческому и законодательному своему содержанію особенно важные, „quo factum est, ut historiarum amatores nobiscum gravissimam commentariorum de rebus Hussi adque Wicleffi iacturam patiantur.“ Monum. hist. Univ. Prag. t. III, p. VII.

**) „Volens, ut studium Pragense ad modum et consuetudinem studii Parisiensis in quo olim ipse Rex in puerilibus constitutus annis studuerat, in omnibus et per omnia dirigeretur et regeretur.“ Benessius de Weitmil Scriptores rerum bohem. Pelzel et Dobrowsky, t. II, p. 350.

***) Ioannis Gersoni Opera omnia t. II, p. 149.

ступленіемъ отъ образца объясняется и то, что отцы ордена проповѣдниковъ (O. Praedicatorum), изъ среды которыхъ вышли знаменитѣйшіе учители XIII, XIV столѣтій (Альбертъ Великій, Ѳома Аквинскій и др.), долго не рѣшались вступить въ составъ Пражской Академіи. Отдѣльные случаи вступленія орденскихъ монаховъ въ составъ Университета всегда могли прорываться уже по одному тому, что канцлеръ видимо имъ покровительствовалъ. Въ той грамотѣ, которою канцлеръ архіепископъ Арнестъ положилъ первое основаніе статутамъ университета, онъ изымаетъ ихъ изъ ректорской присяги и повиновенія общимъ статутамъ и изъ общей подсудности: „Religiosi autem se consuetudini universitatis Parisiensis in hoc casu conformant". Такъ, имъ покровительствуя, Арнестъ дѣлалъ ихъ ненавистными. Почитаемъ въ этомъ отношеніи замѣчательнымъ то, что біографъ Арнеста, вышеградскій деканъ Вильгельмъ, вовсе не упоминаетъ о его дѣятельности въ Университетѣ: напротивъ, изображаетъ его покровительство отечественному просвѣщенію въ такихъ чертахъ, которыя не позволяютъ даже и думать о существованіи Университета, коего канцлеромъ былъ Арнестъ. Біографъ не упоминаетъ даже о томъ, чтобы канцлеръ изъ тѣхъ книгъ, которыя собиралъ, удѣлялъ что-нибудь Университету, говоря объ этомъ такъ: „Ad aedificationem quoque tam propriam quam etiam aliorum multos libros scribi et de alienis partibus procuravit afferri, quos etiam monasteriis et aliis piis locis juxta necessitatis eorum indigentiam tradidit, et donavit." *). Орденскимъ монахамъ, правда, воспрещалось вездѣ и въ древнихъ, и во вновь учреждаемыхъ академіяхъ, облекаться ректорскою властію. Будучи преданы интересамъ ордена, они никогда не почитались вѣрными защитниками правъ и преимуществъ какого-либо другаго учрежденія **). Но это запрещеніе ограничивалось исключительно только рек-

*) Fontes rerum austrr. I, VI, 2, p. 6. Біографъ называетъ Урбана V *papam modernum*; слѣд., біографія Арнеста писана между 1362—1370 г.

**) Aschbach, Geschichte der Wiener Universität p. 38. Исключенія, впрочемъ, были, хотя и рѣдкія. Ibid. p. 29, adn. 4.

торскою властію, не простираясь на право преподаванія, которымъ они пользовались въ высшей мѣрѣ вездѣ, кромѣ Праги. Право преподаванія было за ними и въ Прагѣ, хотя, очевидно, оно и оспоривалось въ книгѣ статутовъ. Къ 1371 году къ деканству Гергарда Фишбеке должно отнести первыя распри о правѣ преподаванія, оспориваемомъ у духовныхъ, принадлежащихъ къ монашескимъ орденамъ. Тогда еще дѣло рѣшено было въ пользу орденовъ: „Item statutum fuit in decanatu magistri Gerhardi Vischbeke, quod religiosi possint admitti ad examina pro gradu, qui possunt *docere de favore suorum praelatorum*". *). Несмотря на интитуляцію этого постановленія въ книгѣ статутовъ (tit. *quod religiosi possint promoveri*), мы не встрѣчаемъ въ матрикахъ facultatis artium ни одного „religiosus" вплоть до 1386 г. Наконецъ самъ деканъ Фишбеке, проведшій этотъ статутъ и его интитуловавшій, принадлежавшій всей своей карьерой Пражскому Университету **), въ 1381 году встрѣчается уже въ составѣ вѣнскаго университета правящимъ сначала должность вице-ректора, потомъ ректора. ***). Источники не даютъ дальнѣйшаго объясненія тому, что побуждало Фрисляндца Гергарда Фишбеке de Osenbrughe къ ходатайству о религіозныхъ орденахъ; мы не знаемъ даже, принадлежалъ ли онъ самъ къ какому-либо изъ нихъ. Въ его время одно духовное лицо ордена Іоанитскихъ крестоносцевъ окончило въ Пражскомъ Университетѣ со степенью баккалавра artium: Petrus de Straconicz (crucifer ordinis Sancti Ioannis), въ 1369 г. Случай казался столь рѣдкимъ, что его внесли въ liber decanorum съ особою маргинальной отмѣткой: *crucifer determinavit* ****) Все доселѣ сказанное имѣетъ исключительное отношеніе къ facultas artium. Universitas Canonistarum, руководившаяся собственными статутами, принимала въ свой составъ регулярное

*) Mon. Univ. Prag. I, p. 43.

**) Онъ былъ возведенъ въ баккалаврскую степень въ 1368 г., въ магистерскую—въ 1370 г., правилъ деканскую должность въ 1371 г. (Mon. Univ. Prag. I, pp. 136, 142, 147).

***) I. Aschbach Gesch. der W. Univ. pp. 28—29. adn. 1.

****) Mon. Univ. Prag. I, 1 p. 138.

духовенство, какъ видно, неограниченно. Въ его матрикахъ встрѣчаемъ и Премонстратовъ: Ioannes fr. Praemonstratens., plebanus in Mylewsk etc. (Mon. Univ. Prag. II, 1, pp. 29. 43), Dns Bruno de Seyna Ordin. Praemonstrat. (Mon. Un. Pr. II, 1, p. 60, 128,) и Цистерзовъ: fr. Iacobus ordinis cystersiensis (Ibidem), Benedictus monachus do scto Ambrosio (ibid. p. 46), Fr. Nicolaus de Cruczenako, ordinis Cisterciensis (Ibid. p. 68), и Бенедиктинцевъ (Mstisslaus de Ynsula, ordinis S. Benedicti (Ibid. p. 47;) Sigismundus de Strahowia religiosus (Ibid. p. 50), и Предикаторовъ: Frater Ioannes Carmelita, lector Ordinis praedicatorum. (Ibid. p. 52). *) Когда, наконецъ, инквизиціонное призваніе ордена предикаторовъ сдѣлало это вступленіе для нихъ необходимымъ, въ 1383 году, слѣдовательно, во время перваго, вышеизложеннаго, столкновенія чешской націи съ тремя остальными, они присоединились къ ея теологическому факультету, для объясненія библіи и книги сентенцій, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы допускать слушателей къ экзаменамъ и удостоивать ихъ степеней магистра и баккалавра не иначе, какъ по статутамъ университета парижскаго (juxta modum, statuta et consuetudines studii Parisiensis), притомъ, удерживая за своимъ орденомъ, въ лицѣ его генерала (Generalis Magister) Раймунда и его генеральной капитулы, право видоизмѣнять постановленія, опредѣлять ихъ и предусматривать. **) Послѣ 1383 года въ liber decanornm встрѣчаются братья Ord. Praedicatorum не только въ числѣ экзаменаторовъ, но и между лиценціятами; такъ подъ 1386 г. въ числѣ baccallauriandorum встрѣчаемъ: „Henricus Enzinger *Praedicator*" ***) „Frater Mathaeus de Aula Regia (s. A. 1404)" ****).

*) Dns Petrs de Ringstadia, religiosus ordinis S. Benedicti Ibid. p. 148.

**) Monum. hist. Univ. Prag. t. III, pp. 68—70.

***) Monum. hist. Univ. Prag. I, 1, p. 244.

****) Ibid. p. 377. Позже, въ 1410 г. (въ самое смутное время) встрѣчаемъ его же проводящимъ другаго брата: „frater Hermannus de Nepomuk sub mag. Mattheo de Aula-regia, in theologia baccalario formato". Ibid. p. 413.

Ихъ же встрѣчаемъ и въ числѣ „dispensatores librorum“, т.е. между членами коммиссіи о распредѣленіи между магистрами предметовъ преподаванія: такъ является „Fr. Andreas, ordinis praedicatorum“ *) замѣшаннымъ въ такую коммиссію, состоявшуюся изъ однихъ Чеховъ исключительно въ 1409 году. Братъ Андрей хотя и принадлежалъ къ ордену предикаторовъ, былъ по рожденію Чехъ, ибо въ томъ же году мы его встрѣчаемъ въ числѣ 4 экзаменаторовъ подъ именемъ „Fr. Andreas Wanczik, ordinis praedicatorum“, и опять въ исключительно чешской средѣ. Онъ былъ особенно умѣстенъ, необходимъ въ это время, когда Чехи одерживали верхъ, можетъ быть, наканунѣ великой сецессіи Нѣмцевъ, или уже по свѣжимъ ея слѣдамъ.

Итакъ, судя по тѣмъ однимъ актамъ университета, которые дошли до насъ, мы наблюдаемъ съ начала третьяго десятилѣтія усилившійся притокъ братьевъ Миноритовъ и другихъ орденовъ къ факультету свободныхъ искусствъ. Миноритовъ призывало туда возраставшее броженіе мыслей, получившее громкое выраженіе въ убійствѣ ихъ магистра еще въ 1374 г. Въ статутахъ facultatis artium подъ этимъ годомъ занесено кровавое событіе, по поводу соучастія въ немъ одного изъ его магистровъ, по имени Болеслава. Въ девятой рубрикѣ статутовъ **) читается особая глава, названная двояко, какъ законодательный актъ: „De excessibus et poenis transgressorum“, а по факту, его вызвавшему, „Exclusio Boleslai“. Магистры факультета artium были вынуждены къ исключенію имени магистра Болеслава изъ книги факультета, а его самого изъ общества магистровъ тѣмъ, что двое изъ допрошенныхъ и пытанныхъ виновниковъ указали на него какъ на пособника въ убійствѣ епископа предикаторовъ и дѣломъ и совѣтомъ. Занесши это событіе въ новую рубрику статутовъ, факультетъ предостерегаетъ отъ подобныхъ преступныхъ дѣйствій, внушаемыхъ враждой къ инквизиторамъ. Новелла, описавши событіе, въ офиціальныхъ выраженіяхъ извѣщаетъ и

*) Mon. univ. Prag. I. p. 403.

**) Mon. hist. Univ. Prag. t. I, pp. 99—100.

о карѣ постигшей заподозрѣннаго, называя при этомъ дѣйствіе Болеслава „gravem et enormem iniquitatem, quae contra eum suspicabatur, vehementer et publice famabatur“.

Подозрительность инквизиторовъ могъ возбудить противъ себя факультетъ семи свободныхъ искусствъ преуспѣяніемъ въ его составѣ чешской націи, а вмѣстѣ съ нею и свободомысленной проповѣди. Всѣ тѣ признаки неправовѣрія, въ которыхъ Гусъ, четыре десятилѣтія спустя, исповѣдался передъ лицомъ вселенскаго собора, были внесены въ преддверіе богословскаго факультета Праги въ первые годы, когда стало въ немъ замѣтно проявляться преобладаніе чешской націи. Самое названіе *Universitas* не могло удержаться передъ сильнымъ напоромъ новыхъ мыслей. Позже, къ сожалѣнію, лишь въ 1417 г., читается въ первомъ чисто-утраквистскомъ актѣ Университета, изданномъ отъ имени того времени ректора Яна Кардинала и магистровъ пражскихъ, то названіе, которое замѣнило собою имя Universitas,—*oběc učenie pražského* (universitas studii Pragensis). Въ этомъ актѣ, помѣченномъ 10-мъ марта 1417 г. и снабженномъ *pečeti učenie obecného* *) Школа Пражская „a veškern zbor mistrský slávné obce učenie Pražského“ признаетъ спасительнымъ для всѣхъ христіанъ вообще и для каждаго въ особенности причащеніе св. тѣломъ и кровью Спасителя подъ обоими видами. Актъ, впрочемъ, содержитъ въ себѣ ученіе объ отношеніи христіянской мірской общины къ св. Таинству въ той формѣ, въ которой ученіе Гуса легко примиряется съ ученіемъ предшествовавшихъ ему мистиковъ. Замѣнѣ и переводу имени *Universitas* именемъ *oběc* мы приписываемъ болѣе удаленную древность на томъ основаніи, что въ древнихъ статутахъ и актахъ facultatis artium отъ 1390 г. магистры постоянно называются словомъ „*communitas* magistrorum“ **) (не „collegium“, не „consortium magistrorum“ etc., какъ было прежде), какъ цѣлое, составляющее опору и основаніе чешскаго элемента въ

---

*) Archiv český t. III, pp. 203—205.
**) Mon. hist. Univ. Prag. I, pp. 1, 12, 79.

Университетѣ. Послѣ всѣхъ невзгодъ, посѣщавшихъ нерѣдко Школу Пражскую отъ 1390 г., когда были собраны статуты послѣдней редакціи, до 1417 г., къ которому относится вышеприведенный актъ, послѣ всѣхъ сецессій, *communitas magistrorum facultatis artium* 1390 г. приравнялась *obci učenie pražkeho* 1417 года.

Измѣненіе, коему подверглось самое наименованіе высшей школы, было однимъ изъ отраженій національнаго движенія въ ея составѣ, возбужденнаго и сосредоточеннаго въ средѣ магистровъ facultatis artium. Его статутамъ предпосланъ календарь, принаровленный къ потребностямъ школьныхъ порядковъ, и на немъ не преминулъ факультетъ свободныхъ искусствъ отразить то настроеніе, которое, найдя сильную и дѣятельную поддержку внѣ школы, быстро охватило весь ея составъ и повело ея судьбы къ концу, непредвидѣнному ни основателемъ, ни покровителями ея. Въ немъ, на ряду съ господскими праздниками, дни 4 и 9 марта, 15 іюня, 4 іюля, 16 и 28 сентября и 10 ноября, посвященные памяти Свв. Кирилла и Меѳодія, Св. Вячеслава, Св. Людмилы, Св. Вита и Св. Прокопія отмѣчены какъ изъятые изъ школьной жизни: „hic non disputatur *)." Дни эти чествовались однимъ славянскимъ населеніемъ Праги, и ихъ празднованіе въ школѣ было открытымъ признаніемъ связи ея съ міряками, не искавшими высшаго освященія своихъ родныхъ преданій въ средѣ высшаго клира, замкнутаго и недоступнаго постороннимъ вліяніямъ. Столкновенія чешской націи съ 3-мя нѣмецкими начались, какъ мы видѣли выше, прежде нежели факультетъ свободныхъ искусствъ собралъ свои статуты. Побужденій къ нимъ магистры чешской націи не искали вовнѣ: ихъ они нашли въ самой средѣ школьной жизни. Принимая во вниманіе одинъ факультетъ свободныхъ искусствъ, въ ко-

---

*) Mon. hist. Univ. Prag. t. I, in. Въ университетскихъ статутахъ память Свв. Кирилла и Меѳодія вовсе не занесена въ календарь Statuta Univ. Prag. pp. XI—XII (Mon. hist. Univ. Prag. t. III), тогда какъ имена Свв. Людмилы и Вячеслава встрѣчаются въ немъ подъ тѣми же числами (Ibid. pp. XI и XIII).

торомъ началось національное движеніе, гдѣ оно ранѣе всего одержало верхъ, въ немъ мы находимъ отъ 1367 г. до 1385 г., слѣд., до начала открытой вражды между университетскими національностями, въ серіѣ 35 его декановъ всего пятерыхъ изъ чешской націи: M. Fridmannus (1368), Nicolaus Geuiczka de Moravia (1369), Blasius Lupus (1376), Ioan. de Moravia (1383), Nicolaus Lythomysslenus *), и при томъ условіи, что ни имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, ни образъ ихъ дѣйствія нимало не ручаются за ихъ вѣрность національнымъ интересамъ Чеховъ. Между ректорами университета юристовъ на протяженіи 1372—1384 г. мы встрѣчаемъ всего двухъ Пражанъ: Генриха Стволенку (1378) **) и дважды Николая Гевнгера (1381 и 1384) ***). При ничтожномъ меньшинствѣ, которое составляла чешская нація въ общемъ голосованіи университетскаго совѣта, такой невыгодный процентъ декановъ и ректоровъ былъ очень чувствителенъ. И тѣмъ болѣе, что вѣдѣніе ректорской власти простиралось на школы всей страны, и преподавательскія въ нихъ назначенія, восполнявшіяся средствами факультета свободныхъ искусствъ, зависѣли вполнѣ и безраздѣльно отъ ректора ****). Источники не предлагаютъ никакихъ офиціальныхъ данныхъ, которыя бы могли подробнѣе и яснѣе показать всю невыгоду, проистекавшую изъ такихъ порядковъ для пробужденныхъ Чеховъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе показанія самихъ виновниковъ и участниковъ движенія. Позже, въ одномъ изъ засѣданій Констанцкаго Собора, магистръ Іеронимъ былъ вызванъ къ обширному и искреннему объясненію тѣхъ побужденій, которыя застави-

---

*) Mon. Prag. Univ. t. III. pp. 18—19.

**) Mon. hist. Univ. Prag. II, pp. 33, 65, 90, 124.

***) Ibidem pp. 35, 38, 67, 72, 93, 96, 127, 132.

****) Mon. hist. Univ. Prag. III, p. 7: „Tenetur rector facere modis quibus potest, quod omnes scriptores, illuminatores, correctores, rasores chartarum, librarii, stationarii pargameni, apothecarii, librorum ligatores et eorumdem venditores atque omnes qui vivunt quodammodo per Universitatem; sic *rectores scholarum et eorum scholares subditi sint rectori* et jurent ac promittant eidem“ etc.

ли его стать, вмѣстѣ съ Гусомъ и другими, во главѣ движенія. Его личныя воспоминанія здѣсь возстановляютъ въ памяти потомства цѣлую историческую эпоху, полную интереса и поученія. Всѣ софистическіе доводы, испытанные долговѣчною школьною практикою, оказались безсильными для примиренія тѣхъ контраверсъ, которыя были поставлены Гусомъ и Іеронимомъ на сужденіе современной имъ науки: пламя костра и смерть были избраны обѣими сторонами за лучшихъ примирителей. Церковь покинула свое оружіе, и свѣтская власть, видя въ упорныхъ исповѣдникахъ субъективной правды опасныхъ противниковъ не для церкви только, воспользовалась своей прерогативой въ цѣляхъ мстительнаго правосудія. За нѣсколько дней до костра, Іеронимъ, при большихъ усиліяхъ, исходатайствовалъ въ свою пользу генеральное засѣданіе Отцевъ Собора въ каѳедральномъ храмѣ констанцкомъ, которое и было назначено ими, въ особое снисхожденіе къ Іерониму, ко дню 26 мая 1416 г. Здѣсь въ торжественномъ присутствіи всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ собора (за исключеніемъ отсутствовавшаго имп. Сигизмунда), консисторіальный адвокатъ, *Caspar Abbas Eremi S. Mariae de Perusio* прочелъ всѣ обвинительные пункты противъ Іеронима. За нимъ Іоаннъ патріархъ Константинопольскій, по желанію своихъ собратій, повторивши статьи обвиненія въ ихъ обобщенной редакціи (materias contra eum generaliter propositas) и съ отвѣтами на нихъ, объявилъ магистра Іеронима четырежды уличеннымъ въ ереси *). „Но,“ продолжалъ патріархъ, „такъ какъ М. Іеронимъ учащалъ своими просьбами къ собору о публичной аудіенціи, то, съ цѣлью выслушать его и преодолѣть всѣ его пустыя пререканія (oblocutionem inanem), постановлено было и назначено настоящее общее собраніе.“ И затѣмъ, обращаясь лично къ Іерониму, патріархъ такъ поощрилъ его: „Если хочешь что либо сказать въ присутствіи собора, можешь, ибо настоящее засѣданіе собрано исключительно для тебя. Если хо-

*) Von der Hardt Magnum Concilium Constantiense t. IV pp. 752—762.

чешь сказать, привести, предложить что либо въ оборону своего права,—можешь. Если хочешь отказаться отъ своего заблужденія, соборъ, поступая противъ тебя съ однимъ лишь благочестіемъ и милосердіемъ, соблаговолитъ воспринять тебя въ лоно святѣйшей матери церкви, ибо немало было еретиковъ, отказавшихся отъ своихъ заблужденій, исправившихъ свою жизнь, раскаявшихся во грѣхахъ. Если же этого не сдѣлаешь, съ тобою будетъ поступлено согласно съ правомъ.“ „Іеронимъ въ свою очередь, принявши вожделѣнную аудіенцію, началъ молитвою, и, ее окончивши, умолялъ всѣхъ присутствующихъ соблаговолить ходатайствомъ передъ Богомъ, блаженной Дѣвой Маріей и предъ всею вышнею куріей о просвѣщеніи его мысли и разумѣнія, съ помощью коего онъ, находясь въ сонмѣ толикихъ мудрецовъ, не попустилъ бы въ своихъ словахъ чего либо, что могло бы обратиться въ предосужденіе его душѣ.“ „Вслѣдъ за этимъ Іеронимъ отказался отъ обычной присяги, указывая на новыхъ судей—клеветниковъ, не слыхавшихъ его прежней исповѣди и не могущихъ считаться судьями праведными, хотя и вошли уже они на ту каѳедру, которая всегда отравляла ему оборону истины *). Не первый онъ призванъ въ міръ пострадать за истину. Ветхозавѣтные ея исповѣдники, каковы пророки Илья, Даніилъ, Сусанна, античные ея герои, каковы Сократъ, Боецій, Маронъ, Сенека и Платонъ, великомученикъ Стефанъ, великій учитель церкви Іеронимъ, своими примѣрами побуждаютъ его къ крѣпости духа.“ „За предѣлами земной жизни, Вы судьи, узрите *сего Іеронима* Вамъ предшествующимъ, Васъ на судъ призывающимъ; и тамъ Вы отвѣтите ему и отдадите отчетъ въ вашихъ неправедныхъ дѣяніяхъ.“

„Et descendendo ad speciem dixit“: такъ обозначаетъ современная реляція переходъ Іеронима къ главной части его рѣчи, гдѣ онъ, расчитавшись съ церковью, завѣщеваетъ потомству тѣ воспоминанія, которыя дороги не по однимъ

*) „Nunc vero ad instantiam aemulorum suorum fuissent alii judices sibi deputati jam in cathedra existentes, quam cathedram semper reputaverat sibi pestiferam.“ Von der Hardt ibidem p. 757.

историческимъ свѣдѣніямъ, въ нихъ содержащимся. Отцы собора услыхали отъ Іеронима не *пустыя пререканія* (oblocutio inanis), на которыя такъ неустанно сами они вызывали его!

„Іеронимъ прежде всего назвалъ своихъ враговъ. Соплеменники, его возненавидѣвшіе, и Нѣмцы богемскіе приготовили актъ его осужденія. Іеронимъ началъ издалека, — съ основанія чешскаго государства и съ происхожденія Чеховъ, Нѣмцамъ чужероднаго, греческаго *). Онъ говорилъ о враждѣ между Греками и Нѣмцами, пока наконецъ королевство Богеміи не пришло во власть Императора Карла IV. И Императоръ Карлъ IV, видя въ Богеміи страну, изобилующую всѣми жизненными потребностями, богатую золотомъ и серебромъ, понялъ, что она нуждается лишь въ одномъ: въ ученыхъ людяхъ. Его подданные оставляли родину съ цѣлью пріобрѣтать знанія на чужбинѣ, въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ они возвышались въ степени магистровъ и докторовъ. Итакъ, желая одарить королевство Богеміи и городъ Прагу, Карлъ IV основалъ здѣсь университетъ (studium generale). Въ университетѣ было много Нѣмцевъ, и такъ занимали они собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, церковные удѣлы, что Чехамъ не оставалось ничего. Окончивши на факультетѣ свободныхъ искусствъ ученіе со степенью, Чехъ, если не имѣлъ иныхъ средствъ къ существованію, принуждаемъ былъ странствовать по селамъ и городамъ и въ нихъ принимать на себя вѣдѣніе тамошнихъ частныхъ школъ (regere scholas particulares) **), этимъ снискивая свое пропитаніе (acquirendo cum hoc victum suum). Нѣмцы исключительно и вполнѣ (totaliter) управляли Пражскимъ Университетомъ и всѣми удѣлами, вла-

*) „Et allegando causam odii dixit, incipiendo, qualiter regnum Bohemiae fuisset constructum et Bohemi desceudissent a Graecis.“ Von der Hardt M. c. C. l. c.

**) Палацкій, Geschichte v. Böhmen III, 1, p. 185 adn. 228 собралъ имена директоровъ народныхъ частныхъ школъ (rectores scholarum), упоминающіяся въ современныхъ актахъ и грамотахъ. На протяженіи трехъ лѣтъ (1406, 1407, 1408) ему попалось до 12 именъ.

дѣя и печатью и другими его драгоцѣнностями. Они имѣли въ Университетѣ три голоса: голосъ націи баварской, саксонской и болѣе половины голосовъ польской націи. Послѣднее по той причинѣ, что Силезцы, принадлежащіе къ польской націи, были всѣ безъ изъятія по происхожденію своему Нѣмцы, такъ что (Ita quod) исконные Поляки (veri Poloni) были въ меньшинствѣ (minorem partem habebant). Все, что предпринимали Нѣмцы въ университетѣ, то приходило въ исполненіе; Чехи же ничего не могли провести. И въ свѣтской средѣ происходило то же, что въ клирѣ, ибо въ Прагѣ, въ ея муниципальномъ совѣтѣ, изъ 18 членовъ 16 было Нѣмцевъ, Чеховъ же всего два. Все королевство управлялось Нѣмцами, занимавшими въ немъ всѣ свѣтскіе саны: Чехи ставились ни во что. Видя это, Іеронимъ, вмѣстѣ съ маг. Іоанномъ Гусомъ, котораго почиталъ онъ за человѣка способнаго, праведнаго и святаго по жизни, изъ желанія противустать такому порядку вещей, пошли къ нынѣшнему королю Богеміи (Вячеславу IV) и представили ему и его сановникамъ состояніе дѣла, какъ оно есть, съ предостереженіемъ въ дурныхъ послѣдствіяхъ для будущаго и въ возможной гибели языка чешскаго (quod talia tenderent ad destructionem linguae Bohemicalis). И убѣдилъ онъ Іеронимъ магистра Іоанна Гуса въ необходимости чешскими къ народу проповѣдями побудить его къ сопротивленію противъ унизительнаго съ нимъ обращенія Нѣмцевъ. При этомъ Іеронимъ называлъ магистра Іоанна Гуса мужемъ справедливымъ, святымъ, праведнымъ и благочестивымъ и утверждалъ, что имъ правда никогда не была преступлена. Итакъ, Іеронимъ и магистръ Іоаннъ Гусъ, съ помощью чешскихъ господъ и другихъ людей провели то, что на 16 нѣмецкихъ мѣстъ въ муниципальномъ совѣтѣ Праги были посажены Чехи, чешскія же два мѣста оставлены были Нѣмцамъ. Печать Пражскаго Университета, его учредительная грамота его привилегіи и вольности всѣ были отняты у Нѣмцевъ и даны Чехамъ. Въ негодованіи на то, Нѣмцы покинули Прагу и ея Университетъ. Іеронимъ сказалъ, что онъ и маг. Іоаннъ Гусъ способствовали однажды, тому, что Чехи въ возмущеніи перебили

многихъ Нѣмцевъ, и что вслѣдъ за тѣмъ маг. Іоаннъ Гусъ проповѣдывалъ противъ клира и господствующихъ въ церкви порядковъ, представляя въ своихъ проповѣдяхъ, въ какихъ нечестивыхъ одеждахъ выходятъ священники и клиръ, какія пиршества неприличныя устроиваютъ они, иждивя на нихъ достояніе бѣдняковъ, и сколько блудныхъ дѣяній совершилъ этотъ клиръ среди непозволительныхъ излишествъ и роскоши! При этомъ Іеронимъ говорилъ, что не только самые удѣлы церковные отъ Бога установлены для пропитанія нищихъ и построенія церквей,—но и что самый доходъ съ нихъ никоимъ образомъ не долженъ бы былъ быть обращаемъ на пиршества и блудныя дѣянія, на роскошныя облаченія и на помпы.“ Такъ въ краткомъ и сухомъ перечнѣ содержанія передаетъ эта реляція воспоминанія Іеронима о событіяхъ, предшествовавшихъ вызову Гуса въ Констанцъ. Личныя воспоминанія Іеронима простираются на послѣднее десятилѣтіе XIV столѣтія, ибо „in libro decanorum facultatis artium“ его имя внесено въ число баккалавровъ промоціи 1398 г.: *Hieronymus de Praga* (Mon. hist. Univ. Prag. I, p. 333) *). Въ 1399 г. онъ получилъ, по ходатайству Гуса, двухлѣтній отпускъ: „Anno eodem (1399) Ioannes Huss obtinuit dispensationem biennii pro Hieronymo de Praga“ (Ibid. p. 338); и наконецъ, anno domini 1406 ad gradum magisterii assumptus fuit Hieronymus de Praga, mag. Parisiensis (hic assumtus) **). Но его воспоминанія такъ тѣсно связаны имъ самимъ съ личностью и судьбами Гуса, что предѣлы этихъ воспоминаній сами собою отодвигаются въ предпослѣднее десятилѣтіе XIV столѣтія, ибо баккалаврской in artibus степени достигъ Іоаннъ Гусъ въ 1393 году въ первыхъ числахъ ноября ***) послѣ экзамена у Іоанна de Mutha, удостоившаго его баккалаврской степени вмѣстѣ съ его единомышленникомъ Яковомъ Мизеномъ (Iacobus, Iacobellus, de Miza, Mizenus), принявшимъ на себя впослѣдствіи за-

---

*) „Combustus Constantiae post mag. Ioannem Hus 1416“ *ser. add.*

**) Mon. hist. Univ. Prag. I, p. 391.

***) Ibid. pp. 286, 287.

щиту предъ отцами Констанскаго Собора ученія о причастіи міврянъ подъ обоими видами *).

Показанія Іеронима въ приведенной рѣчи оправдываются въ цѣломъ и въ частностяхъ современными актами Пражскаго Университета. Мы видѣли выше изъ матрикъ и деканскихъ книгъ, какъ, благодаря географическому мѣрилу понятія о народности, польская нація усиливала собою нѣмецкую партію университета. Одушевленію пробужденныхъ Чеховъ удалось въ теченіи вослѣдняго десятилѣтія XIV в. пересоздать понятія предшествовавшаго поколѣнія, и исконные Поляки (veri Poloni), равно какъ и Литовцы, хотя симъ самымъ и уклоняясь отъ школьныхъ порядковъ, составили отдѣльную корпорацію, имѣвшую и матеріальную подпору въ фундаціи, учрежденной для нихъ королевой Ядвигою. Королева Ядвига купила домъ въ Прагѣ и даровала цензъ въ 200 копъ (unum domum et cum hoc ducentas sexagenas grossorum ad usus dictorum Lithuanorum) въ пользу Литвиновъ и другихъ, подданныхъ ей, обитателей областей, съ Литвою сосѣднихъ (in terris nostris Lithuaniae et aliis convicinantibus eisdem), въ пользу молодыхъ клериковъ, призванныхъ „къ насажденію винограда Бога Саваоѳъ и къ искорененію крапивы невѣрія.“ **) Грамота этого учрежденія, писанная рукою придворнаго канцлера Ядвиги, схоластика Альберта Ястржембца, издана была 10 ноября 1397 г. ***) Баккалавры и магистры богословія этой фундаціи предназначались для проповѣди христіанской вѣры въ областяхъ, ею еще не просвѣщенныхъ. Длугошъ извѣщаетъ о томъ же учрежденіи подъ 1397 г. своей *historia polonica* въ точномъ согласіи съ данными учредительной грамоты, распространяя наши о немъ свѣдѣнія нѣкоторыми подробностями. Изъ Длугоша мы узнаемъ, что домъ былъ обнесенъ стѣною и обширенъ (optimis stubis, cameris et officinis referta), что онъ находился въ „старомъ

*) Von der Hardt M. c. C. t. III pp. 335—933.

**) Mon. hist. Univ. Prag. II, p. 359—363.

***) По Длугошу L. X, t. I, pars posterior p. 154 „die decima Septembris“ (ed. Lips. anno MDCCXI).

мѣстѣ“ (in antiqua civitate Pragensi), не подалеку отъ коллегіи Св. Вячеслава, и простирался задами до самаго рва, отдѣлявшаго въ то время старый городъ отъ новаго. Онъ уцѣлѣлъ до времени Длугоша (etiam in hanc diem), несмотря на всѣ „побоища, разгромы и разрушенія, которыми свирѣпый духъ ереси (rabies haeretica) посѣтилъ столь многіе, пріюты благочестія въ Богеміи и Прагѣ;“ „и доселѣ,“ говоритъ Длугошъ, „въ достойное воспоминаніе благочестиваго дѣянія Ядвиги, домъ этотъ въ народномъ говорѣ Пражанъ слыветъ домомъ царицы“ (Domus Reginae: králové dum?). Цензъ въ 200 копъ, предоставленный прокураторамъ фундаціи, о которыхъ ниже скажемъ подробнѣе, былъ обращенъ на покупку земли (coemendo certas et liberas villas). Учрежденіе литовской стипендіи не преминуло отразиться на составѣ факультета artium. Со времени 1397 г. мы чаще и чаще встрѣчаемъ исконныхъ Поляковъ въ числѣ интитулующихся или допускаемыхъ къ экзаменамъ на степень бакалавра, тогда какъ магистры факультета, назначаемые въ экзаменаторы de natione Polonorum по прежнему носятъ имена Нѣмецкія (Ланспергъ, Грунтъ, Шторхъ, Штёръ, Гофманъ, Крафтъ и пр.), не рѣдко съ обозначеніемъ ихъ происхожденія изъ онѣмеченной Силезіи. Между ними назовемъ напр. Николая Козловскаго (а° 1398 Mon. Univ. Prag. I, p. 333, 335, 339, 340, 369), записаннаго подъ этимъ годомъ рядомъ съ Іеронимомъ въ числѣ вновь произведенныхъ баккалавровъ, Іоанна Петровича того же года (ibid. p. 336), Николая съ Подвиныя *) (p. 360: a° 1410), Joannes Lobek Polonus (p. 365), Christophorus de Lytwania (p. 367), Jacobus de Cracovia (p. 368), Paulus de Verseuia (p. 382: a° 1404), Mathias de Wylna, Ioan. de Lemberg (p. 397: a° 1407), Jaroslaus de Kowalsky, Alexius de natione Polonorum (p. 404, 406: a° 1409), Martinus de Wolyna (p. 419, 429: a° 1412), Petrus de Warssowya (p. 422, 423, 424: a° 1413)

---

*) Въ званіи магистра, M. Nicolaus de Podwinie упоминается въ „depositiones testium“ въ сонмѣ свидѣтелей противъ I. Гуса въ дѣлѣ „de remanentia panis.“ Palacky Documenta pp. 182, 183.

и т. д. Кромѣ того сближенія обоихъ племенъ, которому прочное начало было положено фундаціей Ядвиги, открылось съ 1400 г., когда былъ основанъ Краковскій университетъ, хотя и не на долго, новое средоточіе для ихъ единенія. Длугошъ, подъ этимъ годомъ извѣщая объ основаніи университета, говоритъ, что начало тому studium generale, которое процвѣло у „артистовъ и теологовъ" краковскихъ in platea Sanctae Annae, у „канонистовъ и медиковъ" in platea Castrensi, было положено призваніемъ профессоровъ пражской академіи всѣхъ четырехъ націй *). Воспоминанія объ этомъ первоначальномъ періодѣ краковскаго университета сохраняется въ названіи того дома, гдѣ поселились пражскіе профессоры философіи, *бурсой чешской*, удержавшейся до позднѣйшаго времени, хотя пражскіе философы вскорѣ за симъ и переселились въ collegium majus **). Память этого преданія тѣмъ драгоцѣннѣе для исторіи, что эпоха гуситскихъ войнъ на всегда стерла всякіе слѣды связи между университетами Праги и Кракова. Въ свое время ея представители, оскорбляемые въ своемъ правовѣріи заграждали доступъ въ Краковскую академію Пражанамъ, и было рѣшено не принимать ни одного Чеха ни въ число профессоровъ, ни въ album студентовъ иначе какъ по клятвенномъ отреченіи отъ ученія Гуса и Іеронима ***). Іеронимъ первый поселилъ опасенія. Современный его пребыванію въ Краковѣ епископъ Альбертъ, отъ 2 апрѣля 1413 г., такъ доносилъ Вячеславу, патріарху Антіохійскому, о поведеніи Іеронима при краковскомъ дворѣ и въ университетѣ ****): „Іеронимъ Прахатиц-

*) Dlugoss o. c. p. 167: „doctoribus et magistris cujuslibet facultatis et professionis ex *Pragensi* Universitate Polonici, Bohemici et Almanici idiomatis accersitis" etc. О современномъ состояніи обѣихъ Длугошемъ упоминаемыхъ коллегій См. у Grabowskiego, Krakow, 1866, pp. 38—46.

**) Muczkowskiego Mieszkania i postepowanie uczniów krakowskich. Krakow. 1842 p. 40.

***) Soltykowiez o stanie akad. krak. p. 165, adn. 26.

****) Письмо найдено въ библіотекѣ Бреславльскаго университета и издано Палацкимъ in Documentis pp. 506—507.

кій (sic), приглашенный сюда, по собственному показанію, самимъ государемъ королемъ и братомъ его великимъ княземъ Витольдомъ (о чемъ впрочемъ самъ король, въ своемъ благочестіи, и не зналъ ничего), явился сюда лично и въ первый день въ бородѣ, на другой же день бритымъ и въ верхней одеждѣ клерика съ красной туникой и притомъ въ мѣховой шапкѣ, въ плащѣ бѣлыхъ и сѣрыхъ мѣховъ, такъ величаясь своимъ появленіемъ въ сонмѣ короля, королевы, князей, бароновъ и вельможей королевства. Пребывши здѣсь немногіе дни, онъ намутилъ какъ въ клирѣ, такъ и въ народѣ моей діоцезы болѣе, чѣмъ людская память запомнитъ съ начала вѣковъ. Когда онъ, наконецъ, явился къ допросу передъ нами, въ судебномъ порядкѣ, въ присутствіи нунція апостолическаго престола, епископа Бернарда и въ многочисленномъ соприсутствіи докторовъ правъ, магистровъ св. богословія и свободныхъ искусствъ, тутъ состоялись многія пренія. Онъ отрекся отъ всѣхъ догматовъ Виклефа, ихъ проклиная и во всемъ признаваясь къ св. католической церкви и ея истинамъ. Въ концѣ всего онъ былъ отосланъ на родину, чтобы тамъ воздѣлывалъ родную почву, такъ какъ наша оказалась слишкомъ твердою для воспринятія и оплодотворенія его сѣмянъ: да и гдѣ же нашей простоумной чади понять ученія толикаго мудреца, *а Литвѣ и Руси* и того менѣе“ etc. *)

Соблазнъ, возникшій изъ этихъ недоразумѣній, былъ громокъ и быстро передавался изъ одной діоцезы въ другую. Вѣнскій магистръ Зибартъ, намъ уже знакомый, ввелъ въ въ рядъ обвиненій противъ Іеронима и краковскіе слухи **). Гусъ, какъ и всегда, принявши къ сердцу опасность друга, отъ 1 іюля того же (1413) года, послалъ къ Зибарту

---

*) „Simplex plebicula tanti philosophi dogmata comprehendere non valet, et multo minus *terrae Lituanorum et Russiae*“. Ibidem.

**) Михаилъ изъ Маленицъ, защищая своихъ supposita отъ навѣтовъ Зибарта, такъ цитуетъ это мѣсто изъ посланія Зибартова къ загребскому епископу: „demum quod M. Hieronymus de Praga, disseminator erroris non minimus, gratia subversionis ad regem Poloniae se contulit et fratrem illius“. Documenta p. 512.

письмо, полное ожесточенной брани, посвященное вполнѣ одной оборонѣ Іеронима отъ краковскихъ навѣтовъ: „*non suffecit tibi Bohemia, sed et Slavorum regnum* in scholaribus temeritate diabolica haeresis crimine ausus es, sed spero mendaciter, annotare“ *) etc. Гусъ въ этомъ письмѣ, забывая всѣ остальныя невзгоды, волнуется однимъ лишь тѣмъ, что въ родномъ Краковѣ прошла дурная слава о его другѣ и томъ дѣлѣ, которымъ была запечатлѣна его дружба съ Іеронимомъ. Осыпая Зибарта бранью, онъ сѣтуетъ особенно на то вліяніе, которое имѣли его порицанія, направленныя противъ краковскаго пребыванія Іеронима и его намѣреній **). Онъ упрекаетъ Зибарта за то, что „non praecessit caritativa fratris correptio, sed *prodiit in publicum injuriosa*“.

Отчужденіе впослѣдствіи дошло до того, что самые статуты Краковскаго университета, не боясь грубаго анахронизма, стали выводить свое происхожденіе изъ лейпцигскихъ, о которыхъ, какъ было выше показано, и рѣчи не можетъ быть ранѣе 1409 года ***).

Въ числѣ ватиканскихъ актовъ времени Констанцкаго Собора содержится „intimatio Hussitarum in studio Cracoviensi et Responsiva rectoris universitatis Cracoviensis“ (Palacký literarische Reise nach Italien p. 59). Въ ней пражскіе магистры Іоаннъ кардиналъ и Петръ Пайнъ (Англичанинъ) защищаютъ ученіе Гуса отъ навѣтовъ клеветы, предлагая его вниманію и благоволенію какъ короля и вельможъ королевства Польскаго, такъ и соизволенію ректора и магистровъ краковскаго университета. У послѣднихъ названные протестаторы четырехъ догматовъ Гуса испрашиваютъ публичной академической аудіенціи для схола-

*) Palacky Documenta pp. 63—64.

**) „Quod ipse subversionis gratia ad regem Cracoviae et fratrem illius se contulit“. Ibidem.

***) „Totum rationem et formam statutorum et disciplinae universitatis a lipsiensi academia huc transtulerunt, quae etiam paulo ante a parrhisiensi schola eandem mutuata est.“ См. у Muczkowskiego Mieszkąnia i t. d. p. 7 adn. 6.

стической ихъ защиты. Ректоръ Краковскаго университета, въ отвѣтѣ на протестацію Кардинала и Пайна, сомнѣваясь признать ихъ за магистровъ (quidam... asserti magistri universitatis Pragensis), осуждаетъ ихъ догматы въ ереси, строго-канонически ссылаясь на авторитетъ апостолическаго престола (Ibidem p. 108).

Предубѣжденіе, господствующее противъ Пражскаго Университета въ клирѣ, раздѣлялъ и клиръ краковскій. Въ фалангѣ констанцкихъ враговъ Гуса выдаются не разъ своей ненавистью высокіе клирики Польши. Такъ, напримѣръ, въ заключительномъ засѣданіи процесса in haeresim 8 іюня 1415 г., послѣ послѣднихъ увѣщаній, съ коими обратился императоръ Сигизмундъ къ Гусу „quidam antiquus episcopus et canus de Polonia dixit: Jura sunt clara in Clementinis et Sexto de haereticis, quomodo debeat secum fieri". Въ такой безупречной объективности передано это замѣчаніе покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ ученикомъ Гуса Петромъ Младеновичемъ *). Даже соборный референтъ, передавая этотъ случай, не воздержался: „Hic senex admodum Episcopus quidam ex Polonia suum quoque addebat calculum minime candidum. Is inquit: Clarae sunt leges de haereticis, qua poena affici debeant" **). Число обвинителей Гуса было значительно пополняемо изъ рядовъ тѣхъ магистровъ и баккалавровъ nationis polonicae, которые приняли участіе въ большой сецессіи Нѣмцевъ 1409 года. Петръ Младеновичъ въ самомъ началѣ процесса in haeresim, когда Гусъ только-что былъ заточенъ въ темницѣ братьевъ предикаторовъ, называетъ на первомъ мѣстѣ между злѣйшими *инстигаторами* двухъ: „primus Monsternberg doctor theologiae, Petrus Storch, qui quondam magistri Pragenses et collegiati erant, *sed pro nunc in Lipsk in Misna*" ***). Petrus *Polan* de Monsterberg извѣстенъ намъ изъ Liber decanorum facultatis artium, гдѣ онъ подъ 1405 годомъ встрѣ-

---

*) Petri de Mladenowic relatio de M. J. Hus causa in Documentis p. 310.

**) V. d. Hardt Magnum concilium Constantiense t. IV, p. 326.

***) O. c. in Documentis p. 252.

чается въ баккалаврскихъ экзаменахъ этого года и потому дважды, что просилъ объ отсрочкѣ (*pet. dil.* Mon. hist. Univ. Prag. I, p. 386). Петръ Шторхъ былъ его старшимъ современникомъ, ибо въ томъ же 1405 году, когда П. Монстербергъ подвергался повторительному экзамену на баккалаврскую степень, магистръ П. Шторхъ былъ избранъ de natione Polonorum въ коммисію при деканѣ, назначенную для охраненія факультетскихъ статутовъ (Ibidem p. 387). Въ рѣзкую противуположность клерикамъ весь свѣтскій составъ польской націи на Констанцкомъ Соборѣ былъ безусловно на сторонѣ Гуса; изъ клериковъ же онъ самъ отмѣчаетъ одного доктора Поляка: unum doctorem Polonum amicum—in tota multitudine cleri. Такъ передаетъ свои впечатлѣнія о соблазнительномъ засѣданіи 5-го іюня Гусъ въ посланіи къ друзьямъ. *) Онъ наслышался такихъ проклятій отъ своихъ враговъ, что немногіе друзья и вѣрные сами собою легко выдѣлились изъ разъяреннаго сонма его враговъ. Угнетаемый этими впечатлѣніями, онъ отдыхалъ и утѣшался въ перепискѣ съ друзьями, и въ рѣдкомъ изъ нихъ онъ забываетъ попривѣтствовать своихъ польскихъ друзей: *saluta dominos omnes Bohemos et Polonos magno affectu* (Documenta pp. 104, 116, 127). Протестъ противъ заключенія Гуса, составленный чешскими панами Хлумомъ, Лацембокомъ, Дубой и др., былъ представленъ собору ими въ многочисленномъ сообществѣ польскихъ вельможъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, немногіе только названы поименно. Завиша Черный, Калиски, Борота (Ibidem pp. 256, 258). Изъ посѣщавшихъ Гуса въ заключеніи онъ самъ съ особенной благодарностью вспоминаетъ о какихъ-то польскихъ воинахъ (Quidam milites *Poloni* visitaverunt me, *sed non Bohemi* nisi cum illis unus. Ibidem p. 99). Наконецъ, до самаго своего тяжелаго заключенія, Гусъ пользовался личной службой одного Поляка, проводившаго его до дверей темницы **).

---

*) „Amicis suis Constantiae commorantibus“ in Documentis p. 105.

**) „De servo meo Polono nihil scio“ D. Ioanni de Chlum in Documentis p. 85.

Связи съ образованными мірянами призвали, конечно, и Іеронима въ Краковъ; на эти связи и направлены всѣ жалобы какъ высокаго клира, такъ и свѣтской власти. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Констанца, 8-го іюня 1415 года, когда Гусъ, въ послѣдній разъ переступивши порогъ каѳедральнаго храма констанцкаго, былъ отведенъ въ темницу, Императоръ не замѣтивши въ тѣни оставшихся Чеховъ, обратился къ присутствовавшимъ отцамъ собора съ интимными, полными правды словами. Въ этой рѣчи, подслушанной Петромъ Младеновичемъ, императоръ Сигизмундъ, соединивши начало чешской ереси съ воспоминаніями своей первой молодости, выражалъ удивленіе, какъ умѣла она охватить собою цѣлыя страны. Здѣсь онъ поручилъ Отцамъ Собора разослать осужденные догматы Гуса къ своему брату въ Богемію (Королю Вячеславу IV) „et *prohdolor ad Poloniam et ad alias terras* ubi jam habet suos occultos discipulos et fautores multos.“ *) И раньше тремя годами, тѣ же жалобы направилъ пражскій клиръ къ Папѣ Іоанну XXIII въ своихъ „Querimoniae“ 1412 года: „Hus Wiclefista... in scandalum animarum.... motiva sua pestifera in scriptis per varios districtus *regnorum Bohemiae, Poloniae, Ungariae, nec non marchionatus Moraviae* non erubuit destinare **).“

Въ соотвѣтствіе съ свѣтскимъ характеромъ, который получила проповѣдь Гуса, королева Ядвига, съ позволенія короля Вячеслава IV ***), назначила прокураторами своей пражской фундаціи, кромѣ плебана Іоанна Шчекны двухъ мірянъ и пражскаго купца Кржижа (Crucem institorem) и гражданина старомѣстскаго Нѣпра ****). Особенно важнымъ для опредѣленія среды, въ которой вращались воспитанники Литовской фундаціи, почитаемъ имя Кржижа, названное высокою учредительницей въ числѣ трехъ прокураторовъ. Ранѣе Литовской стипендіи возникла въ факультетѣ свободныхъ искусствъ другая, гораздо болѣе зна-

*) O. c. in Documentis p. 315.

**) Ibidem p. 461.

***) Mon. hist. Univ. Prag. t. II, pp. 355—358.

****) Ibidem p. 362.

чительная по обѣту и притомъ чисто-мѣстная, пражская. Виѳлеемская фундація была обогащена жертвованіями именитыхъ граждан пражскихъ славянскаго происхожденія. Кромѣ документовъ обѣта и жертвованій, до насъ въ цѣлости дошедшихъ, мы имѣемъ *повѣсть* о происхожденіи виѳлеемской фундаціи, на которой зиждутся права чешской націи, написанную, если не перомъ самаго М. Яна Гуса, то содержащую въ себѣ его dictata, записанныя и засвидѣтельствованныя публичнымъ присяжнымъ нотаріусомъ императора, архіепископа и Университета Пражскаго, Михайломъ Прахатицкимъ. Защищая догматы Виклефа отъ осужденія, произнесеннаго надъ ними пражскимъ архіепископомъ Збинкомъ, Гусъ этимъ нотаріальнымъ актомъ аппеллируетъ къ апостолическому престолу. Потому прежде всего въ немъ предлагается историческое обозрѣніе того пражскаго ученія, которое подало поводъ къ конфискаціямъ сочиненій Виклефа и къ ихъ сожженію *). Тамъ, въ послѣдней части аппеляціи, какъ послѣдній аргументъ за правоту виклефовыхъ догматовъ и ихъ открытой проповѣди въ Прагѣ, начатой въ Университетѣ, Гусъ говоритъ объ учрежденіи и освященіи виѳлеемской капеллы въ слѣдующихъ выраженіяхъ **): „Наконецъ, благородный славный мужъ рыцарь Іоаннъ Мюльгеймъ Пардубицкій и степенный человѣкъ купецъ Крижъ, гражданинъ пражскій, божьимъ вдохновеніемъ предусмотрительно узрѣвъ, что при всей многочисленности церковныхъ урочищъ въ Прагѣ, назначенныхъ для богослуженія, нѣтъ однако ни одного исключительнаго пріюта для проповѣди Слова Божія, гдѣ бы она была защищена отъ столь часто совершае-

---

*) „Instrumentum notarii publici de appellatione a M. I. Hus aliisque magistris et studiosis facta ad Sedem Apostolicam a sententia Sbynconis archiepiscopi, qui libros Wiclefi comburendos esse censuit“ in Documentis pp. 387—396. Въ Нюренбергскомъ изданіи Historia et Monumenta I. Hus. t. I, pp. LXXXIX—XCII: „Tenor appellationis M. I Hus cum sibi adhaerentibus“ etc: актъ, исполненный глумящейся ипокризы и мистификаціи!

**) Documenta pp. 394—396. Monumenta pp. XCI b.—XCII b.

мыхъ внѣшнихъ церковныхъ дѣйствій, гдѣ бы она могла избирать своимъ органомъ тотъ чешскій языкъ, который искони прирожденъ странѣ и народу, узрѣвъ, какъ проповѣдники чешской рѣчи принуждаются симъ самымъ къ разброду по домамъ и тайнымъ пріютамъ *), вышереченный гражданинъ пражскій, въ пользу проповѣди Слова Божія, даровалъ съ щедростью, благочестіемъ внушенною, пустопорожнюю землю, достойную такого назначенія, въ городѣ Прагѣ, близь приходской церкви свв. апостоловъ Филиппа и Якова, входящую въ ея приходъ для того, чтобы христовы вѣрные слуги имѣли въ предѣлахъ самого города опредѣленное мѣсто, куда могли бы сходиться для слушанія Слова Божія въ праздничные дни. Тѣже Мюльгеймъ и Кржижъ учредили и нѣкую часовню въ честь и во имя свв. Младенцевъ (Sanctorum Innocentum) сообразно канонамъ на преуспѣяніе той же проповѣди и изъ своего имущества, Богомъ имъ посланнаго, одарили ее средствами для содержанія двухъ ея священниковъ и чешскихъ проповѣдниковъ, удержавши на вѣчныя времена за собою и за своими наслѣдниками право патроната надъ капеллою и право представленія клериковъ на проповѣдническія въ ней назначенія. Къ часовнѣ, такимъ образомъ воздвигнутой, учрежденной и одаренной, вѣрные христіане чешскаго королевства, въ особенности же города Праги обнаруживаютъ много благочестія и въ большомъ числѣ стекаются въ ней для слушанія Слова Божія.“

„Къ этому учрежденію присоединилось согласіе и соизволеніе апостолическаго престола, Государя Вячеслава, короля римскаго и богемскаго, предостойнаго отца блаженной памяти Іоанна архіепископа пражскаго, ихъ, Мюльгейма и Кржижа, и священника приходской церкви свв. апостоловъ Филиппа и Якова, ибо все вообще и въ частности вышесказанное, какъ относящееся до преуспѣянія и распространенія католической вѣры, они милостиво основали, воздвигли, властію своею освятили, одобрили и

*) Все это мѣсто весьма близко къ тексту учредительной грамоты Мюльгейма. Mon. hist. Univ. Prag. t. II, p. 300—301.

канонически утвердили, какъ все это полнѣе и яснѣе содержится въ апостолическихъ и другихъ достовѣрныхъ грамотахъ, подъ знаменіемъ и печатью Королевскаго Величества, государя архіепископа и рыцаря Мюльгейма."

„Іисусъ Христосъ, въ своемъ милосердіи и сердоболіи себя самого завѣщавъ богобоязненнымъ людямъ на пищу, въ сѣмени своего слова, черезъ ученія Святыхъ Отцевъ повелѣлъ да не будетъ Слово Божіе связано, и да будетъ дѣйствіе Его проповѣди, по самой исключительной ея для церкви и ея сыновъ пользѣ, самымъ свободнымъ изо всѣхъ прочихъ церковныхъ дѣйствій. И самъ Спаситель нашъ постоянно и превыше всего проповѣдуя *) до самой смерти и въ синагогахъ, въ вѣсяхъ, на площади, на дорогѣ, на морѣ, на горѣ, на поляхъ и въ пустынѣ, проповѣдь Слова Божія одобрилъ, какъ необходимое дѣйствіе церкви, произросшее изъ Его сѣмени, безъ котораго мы уподобились бы Содомѣ и Гоморрѣ **)" и т. д.

Пробужденіе національнаго чувства въ Славянахъ Богеміи и открытое ихъ соревнованіе съ Нѣмцами относится ко времени правленія короля Вячеслава IV. Слабая его воля не могла скрѣпить тѣхъ сложныхъ элементовъ, которые вошли въ политику короля Богеміи въ эпоху честолюбиваго Карла. Его духовныя силы, потрясенныя и разстроенныя, самого его предавали вліяніямъ самымъ разнообразнымъ, чередовавшимися одно за другимъ въ безпорядкѣ и произвольности, вѣрно отражавшей его нравственную безпомощность. Будучи игрушкой собственныхъ слабостей, Вячеславъ попускалъ своимъ именемъ временное преобладаніе во внутренней политикѣ элемента славянскаго въ лицѣ своихъ любимцевъ, въ большинствѣ изъ мѣщанскаго сословія города Праги. Уступая силѣ вооруженно возстав-

*) Monumenta p. XCII а недосмотромъ напечатано *in praedicando* вм. *praedicando*. Недосмотръ повторенъ in Documentis p. 395: „in synagogis, in vicis... in deserto, in praedicando... comprobavit."

**) Все это мѣсто аппеляціи Гуса заимствовано дословно изъ учредительной грамоты Мюльгейма, данной 24 мая 1391 г. См. Mon. hist. Univ. Prag. t. II, p. 300 (N XXV).

шихъ вельможъ, онъ охотно переходитъ изъ рукъ одного изъ своихъ трехъ братьевъ въ руки другаго, довѣряясь имъ и не замѣчая ниже въ самомъ Сигизмундѣ ни тѣни тѣхъ честолюбивыхъ плановъ, которые были ихъ исключительными руководителями. Не угодивши никому, Вячеславъ своей внѣшней политикой, особенно же своими отношеніями къ Риму и Италіи, къ 1400-му году приготовилъ противъ себя открытый заговоръ курфирстовъ, составившихъ подъ вліяніемъ его соперника Рупрехта Клема, актъ его низложенія съ императорскаго достоинства. Въ виду этой опасности, всѣ четверо сыновей Карла IV, почувствовавши въ этомъ актѣ оскорбленіе чести люксембургской династіи, примирились между собою, и, хотя не на долго, маркграфы Іодокъ, Прокопъ и Сигизмундъ соединились съ императоромъ и королемъ Вячеславомъ IV для общаго дѣйствія. „Но въ это именно, рѣшительное мгновеніе, когда приходилось имъ, въ виду грозящей опасности предъ лицемъ всего христіанскаго міра, оборонить честь своего дома,— здѣсь то они и доказали, что, въ основаніи, къ такому дѣлу они не имѣютъ ни сердца ни смысла, что ихъ дѣйствіями исключительно управляетъ самый низкій родъ себялюбія, и что они, наконецъ, способны, съ забвеніемъ самыхъ естественныхъ чувствъ, торговать родной кровью, продавать родную плоть изъ-за какихъ нибудь лишнихъ двухъ марокъ подати. Исторія Богеміи не знаетъ болѣе отвратительныхъ сценъ, чѣмъ тѣ, которыя были даны міру жадностью и себялюбіемъ, коварствомъ и слабостью, насиліемъ и жестокостью урожденныхъ владыкъ ея государства. Ходъ государственной машины остановился по негодности ея руковителей, *и симъ самымъ было дано мѣсто новымъ элементамъ жизни*“ *).

Имя учредителя капеллы виѳлеемской рыцаря Іоанна (Гануша) Мюльгейма неразрывно связано со всѣми событіями исторіи Богеміи въ первую половину Вячеславова правленія. Онъ принадлежалъ къ самому тѣсному кружку его

---

*) Pálacky Geschichte von Böhmen III, 1, p. 126.

любимцевъ (gratiani) *). Этотъ тѣсный кружокъ состоялъ изъ немногихъ, принадлежащихъ къ классу небогатыхъ вельможъ и изъ двухъ лицъ мѣщанскаго сословія: Гануша Мюльгейма, основателя виѳлеемской капеллы, и Петра Писецкаго, начальника монетнаго двора въ Кутной Горѣ **). Не имѣя ближайшихъ свѣдѣній о степени образованія самого Мюльгейма, мы можемъ, впрочемъ, привести, въ пользу духа, господствовавшаго въ кружкѣ любимцевъ Вячеслава IV, славу объ учености одного изъ его членовъ. Сопутствуя Гусу въ его путешествіи въ Констанцъ, въ имперскомъ городѣ Бибрахѣ, панъ Хлумъ съ такимъ успѣхомъ состязался съ мѣстными клериками о вопросахъ теологіи и каноническаго права, что слава его учености разнеслась на далеко: его приняли за доктора теологіи, несмотря на всю его рыцарскую внѣшность. Друзья съ тѣхъ поръ прозвали его „doctoralis de Bibrach“ ***). Самая учредительная грамота виѳлеемской капеллы, та, которая даровала ея учрежденію высшую государственную санкцію и была подписана 13 сентября 1391 г. королемъ Вячеславомъ, заставляетъ предполагать участіе въ ея составленіи лица, одареннаго литературнымъ талантомъ и умѣвшаго заранѣе оцѣнить то значеніе, которое можно было обѣщать проповѣднической должности, при капеллѣ учрежденной ****). Дѣйствительно, въ разные періоды правленія Вячеслава IV мы видимъ приближенными къ его двору многихъ профессоровъ Пражскаго Университета. Особенно богата послѣдствіями была его связь съ врачемъ, профессоромъ медицины, докторомъ правъ и магистромъ свободныхъ искусствъ Альбикомъ изъ Уничова. За врачебныя услуги Вячеславъ отблагодарилъ его архіепископскимъ престоломъ, но Альбику пришлось его занять въ ту бур-

*) Ibidem p. 86 adn. 99. Впрочемъ это же имя въ 1399 г. встрѣчаемъ въ ряду панскихъ именъ принадлежащихъ къ уніи вельможъ, приѣягнувшихъ во враждѣ къ Вячеславу: Bušek z Mülhema Archiv č.I, p.61.

**) Ibidem p. 100.

***) Palacky Documenta M. I Hus. pp. 93—94,

****) Mon. hist. Univ. Prag. II, p. 317.

ную эпоху (1412 г.), когда этотъ престолъ долженъ былъ украшаться не столько учеными заслугами іерарха, сколько энергіей и свѣтской опытностью *). Альбикъ отрекся спустя нѣсколько мѣсяцевъ по инвеституре. Другой изъ его ученыхъ любимцевъ, Николай Евичька изъ Моравіи, одинъ изъ пяти вышеупомянутыхъ чешско-славянскихъ декановъ facultatis artium (1369 г.) былъ не менѣе приближенъ ко двору короля Вячеслава и, сопутствуя ему въ дипломатическомъ путешествіи въ Реймсъ 1398 г., въ качествѣ императорскаго секретаря былъ отправленъ въ Римъ къ Бенедикту XII съ посольствомъ, во главѣ котораго находился знаменитый теологъ кардиналъ Петръ Альи **). При содѣйствіи этихъ приближенныхъ людей нетрудно было выхлопотать при дворѣ Вячеслава IV учредительную грамоту народной капеллѣ и ея значительной фундаціи, и тѣмъ легче, что средства, коими она возникла, проистекали не изъ королевскаго фиска, ежегодно обогащавшагося неистощимыми рудниками Кутной Горы, а изъ скромныхъ достатковъ нѣсколькихъ сельчанъ чешско-славянскаго происхожденія и мѣщанъ города Праги. Учредительная грамота р. Гануша Мюльгейма можетъ служить самымъ утѣшительнымъ доказательствомъ живучести славянскаго элемента даже въ высокой средѣ соревнованія, на которое была вызвана Богемія быстрыми успѣхами цивилизаціи въ правленіе Императора Карла IV и его сына Вячеслава. Въ ней подробно описано распредѣленіе основнаго капитала виѳлеемской фундаціи между нѣсколькими крестьянами деревни Уѣздца (близь города Унгошта), которые были обложены Мюльгеймомъ опредѣленными годичными вносами въ пользу капеллы (въ цѣломъ 8 копъ 50 гр. въ годъ). Имена этихъ крестьянъ слѣдующія: Квѣтъ, Маржикъ, Ешекъ, Ѳома и Матонъ, сплошь сосѣдившіе другъ другу въ вышеназванномъ околоткѣ ***). Виѳлеемская фундація потому

*) Palacky Geschichte von Böhmen III, 1, pp. 115, 273, 288.

**) Ibidem p. 113.

***) Впослѣдствіи Мюльгеймъ перенесъ этотъ оброкъ (9 копъ безъ 10 гр.) на другую деревню Пржеровъ. Wypis z desk zemských w rps. fak. filos. B. 7. f. 237 pv. y Tomka Děje Univ. Praz. p. 114.

имѣетъ ближайшее отношеніе къ Университету и къ его „Богемской націи," что интересы послѣдней были весьма заботливо предусмотрѣны другимъ фундаторомъ, пражскимъ купцомъ Кржижомъ, нареченнымъ Ядвигой прокураторомъ ея Литовской стипендіи. Силою старѣйшей учредительной грамоты, помѣченной 22 мая 1391 г. *), съ утвержденія и каноническаго освященія архіепископскаго викарія Яна Помука, купецъ Кржижъ, пражскій гражданинъ, даровалъ просторное мѣсто для построенія капеллы и вмѣстѣ съ тѣмъ зданіе для помѣщенія ея проповѣдниковъ, капеллана и студентовъ „богемской націи." Раздѣляя помѣщеніе между участниками фундаціи, Кржижъ называетъ и „studentes," „scholares," какъ сожителей проповѣдниковъ и капеллана **). Въ этой же грамотѣ предназначается первымъ виѳлеемскимъ проповѣдникомъ Іоаннъ Протива, незнакомый по актамъ Университета. По праву фундатора, рыцарь Ганушъ Мюльгеймъ представилъ первымъ кандидатомъ на должность ректора и проповѣдника капеллы священника пражской діоцезы Іоанна Противу (de Nova Villa: z Nowé wsi?). Онъ былъ утвержденъ въ этой должности архіепископскимъ викаріемъ Яномъ Помукомъ грамотою, помѣченной 5 іюля 1391 г. ***). Янъ Протива былъ первымъ ректоромъ капеллы, на котораго возложена была обязанность оправдать высокое довѣріе, оказанное чешской націи и Римомъ и мѣстною церковною прелатурой. Объ его проповѣднической дѣятельности не осталось на подлинныхъ, ни косвенныхъ свидѣтельствъ. Своимъ образованіемъ онъ не принадлежитъ Прагѣ, и къ его имени не придается никакихъ ученыхъ титуловъ ****). Исторія ближе

---

*) Mon. Univ. Prag. II, 2, pp. 297—299.

**) „Sed comodum, quod est supra comodum domini Protywae una cum comodo ex opposito ejusdum comodi construendum reservat pro suo capellano ac studentibus suis, quos erigere et dotare *intendit.*" Ibid. p. 398.

***) Mon. Univ. Prag. II, 2, pp. 310—311.

****) „Discretus vir (не „honorabilis" какъ называются обыкновенно магистры artium и доктора decretorum) dominus Ioannes dictus Prothywa de nova villa, presbyterus Pragensis dioecesis." Ibidem.

узнаетъ его позже, въ ту эпоху, когда проповѣдь Гуса привлекала несмѣтное множество слушателей изо всѣхъ сословій г. Праги: онъ явился въ числѣ его обвинителей. Въ 1395 году Янъ Протива еще упоминается ректоромъ и проповѣдникомъ виѳлеемской капеллы *). За этотъ первый періодъ (1391—1395) своего каноническаго существованія капелла и ея каѳедра не завѣщали исторіи ни одного достопамятнаго дѣянія. Напротивъ, современные документы убѣждаютъ въ томъ, что ея ректоръ и проповѣдникъ Янъ Протива нуждался въ покровительствѣ мѣстной іерархіи. Онъ исходатайствовалъ у архіепископскаго викарія Вячеслава, титул. епископа Никопольскаго грамоту на право похоронъ въ землѣ, принадлежащей виѳлеемской капеллѣ, сороводневную индульгенцію всякому благочестивому посѣтителю капеллы, который колѣнопреклоненно передъ алтаремъ Св. Младенцевъ произнесетъ однажды молитву Господню **). Съ Гусомъ по должности ректора и проповѣдника капеллы Янъ Протива не могъ имѣть столкновеній, и тѣмъ менѣе, что Гусъ явился преемникомъ не ему, а Стефану Колинскому. Послѣдній не долго правилъ эту должность и уступилъ ее Гусу въ самый годъ своего избранія (1401). Отношенія Гуса къ Стефану были, очевидно, добрыя, ибо Гусъ поминаетъ его почетнымъ эпитетомъ „zelator patriae ferventissimus ***).“ Стефанъ Колинскій, непосредственный предшественникъ Гуса, въ противуположность съ Яномъ Противою, принадлежалъ вполнѣ Университету и не охотно отвлекался отъ своихъ академическихъ обязанностей. Въ Университетскихъ актахъ магистръ artium Стефанъ Колинскій поминается весьма часто какъ экзаменаторъ баккалавровъ и магистровъ †), какъ диспутаторъ „de quolibet“ ††). Въ качествѣ декана †††)

*) Tomek. Děje Univ. Pr. p. 118.
**) Mon. Univ. Prag. II, 2, pp. 327—328.
***) Tomek. o. c. p. 118 and. 3.
†) Mon. Univ. Prag. I, 1, pp. 234, 249, 255, 261, 280.
††) Ibidem p. 351.
†††) Ibidem pp. 19, 277—283.

онъ внесъ въ статуты факультета artium статью „de quantitate pastus parvorum logicalium *).“ Баккалаврской степени достигъ онъ въ 1382 году, деканскую же должность правилъ въ 1392 г.

Чуждый университету, Янъ Протива смѣнилъ свое назначеніе въ народной чешской фундаціи приходомъ Св. Климента въ Поржичѣ, хотя, являясь въ рядахъ обвинителей Гуса, и называетъ себя, въ память прошлаго, „olim praedicator de Bethlehem.“ Мало осуществивши мысль и завѣщаніе фундаторовъ, послѣ, Свято—Климентовскій священникъ Янъ Протива, видимо, посвящалъ не мало досуга для ревнивыхъ наблюденій надъ болѣе славною дѣятельностью своихъ талантливыхъ преемниковъ. Защищаясь, въ 1414 году, отъ его навѣтовъ, Гусъ съ драмматической живостью изображаетъ этого опаснаго соглядатая сидящимъ на скамьѣ, во время его проповѣди съ поникшей головой, въ сѣромъ плащѣ и съ лицомъ, закутаннымъ въ капуцій. Гусъ проповѣдывалъ на этотъ разъ о священномъ назначеніи проповѣдника очищать въ сердцахъ слушателей зерно добродѣтели отъ плевелъ порока. Кончивши проповѣдь, онъ, предупрежденный друзьями объ искусительномъ присутствіи Яна Противы („ex aliquorum admonitione, quod venit ad tentandum“), обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Kukliku! napiš to a nes na onu stranu! **) Этой насмѣшкою Гусъ побуждалъ закутаннаго (zakukleny) соглядатая записать содержаніе проповѣди и донести о немъ Архіепископу, жившему на „Малой Странѣ“ Праги. Всѣ обвинительные пункты Противы отличаются особенно острымъ характеромъ: онъ умѣлъ выбирать изъ подслушанныхъ имъ словъ Гуса тѣ, которыя особенно отличались личнымъ колоритомъ, отъ которыхъ произнесшему ихъ невозможно было вполнѣ отказаться, какъ бы далеко ни пошелъ онъ въ притворствѣ, какъ бы его совѣсть ни была выдержана въ борьбѣ съ самой собою. Съ тою цѣлью Янъ Протива и поддерживалъ свою связь съ тою свѣтской сре-

*) Ibidem p. 107.

(** Palacky Documenta p. 176.

дою, въ которой возникла мысль о виѳлеемской фундаціи. Съ ней онъ знакомитъ насъ подробно. Допрашиваемый объ источникахъ своихъ показаній, Янъ Протива подробно разъясняетъ, когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ ему удавалось слышать то или другое изъ еретическихъ изреченій Гуса. Многія изъ обвиненій относились къ воспоминаніямъ давнимъ о происшествіяхъ, случившихся 15 лѣтъ назадъ. Въ 1414 году Янъ Протива доносилъ о томъ, что слышалъ въ 1399, 1401 годахъ. Такъ въ 1399 г. Гусъ въ спорѣ съ Бернардомъ, священникомъ прихода Св. Михаила, коснувшись вопроса о пресуществленіи, отклонилъ приведенный его противникомъ авторитетъ Св. Григорія тѣмъ, что писанія его болѣе, де, заслуживаютъ изученія для того, кто ищетъ въ рѣчи совершенства риторскаго искусства, а не для просвѣщенія въ истинахъ религіи. Мысль сорвалась съ языка Гуса въ неосторожномъ словѣ: онъ назвалъ Григорія Богослова чешскимъ словомъ *prlenec*, порицательный смыслъ котораго несомнѣненъ. Гусу оставалось извратить смыслъ слова: „ego voco s. Gregorium prlenczonem i. e. rhythmizatorem optimum, et ipse exponit joculatorem.“ *) Подобнаго рода выраженія возникали, естественнымъ образомъ, чаще всего при интимномъ обмѣнѣ мыслей съ свѣтскими единомышленниками, или вовсе незнакомыми съ оффиціальнымъ словаремъ школы, или по давности забывшими его строгія предписанія. Гусъ любилъ вращаться въ этой средѣ. Даже съ многочисленной публикою виѳлеемской капеллы онъ иногда дѣлится впечатлѣніями и мыслями, которыя выносилъ изъ нея. Такъ въ проповѣди на воскресенье первой недѣли (на 4 главу Евангелія отъ Матѳія), онъ знакомитъ насъ съ однимъ изъ многочисленныхъ свѣтскихъ Виклефистовъ Праги въ слѣдующемъ разсказѣ **): „Слышалъ я отъ моего вѣрнаго, доброй памяти Николая, по прозванію Фаульфиша, который, будучи въ Англіи, познакомился за общимъ столомъ съ однимъ поваромъ, о допросѣ, коему послѣдній подвергся при

*) Documenta l. c. Обвиненіемъ ловко пользуется Stephanus Prior Dolanensis in Antihussi cap. V ap. Pez Thes. anecdot. novissimus IV, 2, p. 369.

**) Spisy česke II, p. 95.

дворѣ своего епископа. Епископъ допрашивалъ повара о причинахъ, которыя заставляютъ его предпочитать англійскій текстъ библіи, не смотря на его запрещеніе. Когда поваръ сталъ защищаться свидѣтельствами Св. Писанія, епископъ прервалъ его: „смѣешь ли ты, ничтожный міряниинъ, въ разговорѣ со мною, епископомъ, приводить Св. Писаніе.“ „Я не думаю,“ отвѣчалъ мірянинъ, „чтобы ты, епископъ, былъ выше Христа, а я, мірянинъ, хуже дьявола; Спаситель выслушивалъ же свидѣтельства Св. Писанія изъ устъ искушавшаго его дьявола *).“

Англійскими новостями и слухами дѣлится Гусъ нерѣдко съ самой обширной публикой. Въ числѣ обвинительныхъ пунктовъ Михаила de Causis находится одинъ—о возмущеніи народа противъ іерархіи и клира. Однажды на проповѣди онъ передавалъ народу, собравшемуся въ капеллу въ огромномъ числѣ, разсказы о томъ, какъ король англійскій лишилъ всего имущества и предалъ смертной казни архіепископа, епископовъ и клериковъ. Въ своемъ отрицательномъ отвѣтѣ на это обвиненіе Гусъ ищетъ для него основанія въ дѣйствительномъ слухѣ, до него дошедшемъ („quamvis audivi“ Documenta p. 172), о томъ, что король, торжествуя свою побѣду надъ клиромъ, предалъ смертной казни одного епископа и нѣсколькихъ монаховъ, перваго обезглавивши, а послѣднихъ повѣсивши.

Обращаясь въ обширномъ кругѣ своихъ знакомыхъ, принадлежавшихъ преимущественно къ сословію купцовъ и ремесленниковъ, Гусъ видимо ничѣмъ не ограничивалъ своей искренности. Протива въ своихъ обвиненіяхъ не ограничивается тѣмъ, что самъ слышалъ изъ устъ Гуса, нерѣдко ссылаясь на общую молву („de communi fama audivi“ Documenta p. 176), иногда указывая и ближайшіе источники **). Гусъ, слыша всѣ эти обвиненія, исходящія изъ глубокаго источника мести и ревности, иногда не воздерживается отъ удивленія: „Quare,“ спрашиваетъ онъ сво-

*) Ев. отъ Мат. гл. IV.

**) „Respondit (Protiwa), quod dici audivit ex communi fama, et ibi fuit praesens *D. Barbara Petri de Mezeřič conthoralis*, quae praemissis interfuit, et ab illa audivit.“ Documenta p. 177.

его давняго врага, „*ex quo est praedicator*, *ut aestimat*, *veritatis*, non me fraterne corripuit, vel non illo anno accusavit, sed per tot annos tacens, mendacia adjunxit?“

Закоренѣлый сикофантъ Янъ Протива, не заботясь о дальнѣйшемъ, спѣшитъ придать своимъ обвиненіямъ характеръ достовѣрности, пріурочивая ихъ, какъ можетъ крѣпче, къ извѣстному времени и мѣсту, и вопрошаемый отвѣчаетъ: „Я слышалъ это изъ твоихъ устъ въ 1401 году въ домѣ торговца посудою Вячеслава, въ присутствіи его самого, домохозяина, его зятя Микески, Іеронима Пражскаго, въ то время баккалавра свободныхъ искусствъ *), и купца Кржижа, гражданина староместскаго г. Праги.

Симъ самымъ Я. Протива указываетъ на тотъ одушевленный свободомысліемъ кружокъ скромныхъ гражданъ пражскихъ, въ средѣ которыхъ возникла мысль объ учрежденіи капеллы виѳлеемской, средствами которыхъ она матеріально преуспѣла, не смотря на всѣ тѣ нравственныя препятствія, кои намѣренно полагалъ на пути ея преуспѣнію онъ, Янъ Протива, ея первый, но недостойный, мало призванный ректоръ. Въ 1401 году, слѣдовательно, въ то знаменательное время, когда, по возвращеніи Іеронима въ Прагу, Стефанъ Колинскій правилъ должность ректора капеллы, въ намѣреніи передать ее своему младшему соратнику, того времени декану факультета свободныхъ искусствъ **), Магистру Іоанну изъ Гусинца, въ ту оживленную эпоху Янъ Протива съ жадностью обогащалъ свою злую память впечатлѣніями, ярко отмѣченными духомъ времени, съ тѣмъ чтобы 13 лѣтъ спустя напомнить ихъ Гусу предъ лицемъ неумолимыхъ судей.

Изъ своего времени Янъ Протива не завѣщалъ капеллѣ ничего, кромѣ тяжбы съ сосѣднимъ приходомъ Свв. Апо-

*) Въ 1401 году, именно, Іеронимъ возвратился изъ своего шумнаго путешествія: „Ao 1399 mag. Ioannes Huss obtinuit dispensationem biennii pro Hieronymo de Praga“ Mon. Univ. Prag. I, p. 338.

**) Ao domini 1401 die 15 mensis Octobris ego Ioannes de Hussynecz, mag. in artibus, fui electus in decanum facultatis artium studii Pragensis.“ Mon. Univ. Prag. I, pp. 368—370.

столовъ Филиппа и Якова за право похоронъ и нѣкоторыхъ другихъ требъ. Тяжбу принялъ на себя въ 1403 г. Гусъ „universitatis studii pragensis rector,“ имѣя себѣ противную сторону въ Николаѣ Цейслмейстерѣ *), священникѣ того прихода, а посредникомъ—профессора Св. Богословія, пелзенскаго архидіякона, Яна Еліе (Ioannes Eliae). Въ келіи послѣдняго (въ коллегіи Карла) тяжба состоялась и пришла къ умиротворенію сторонъ нотаріяльнымъ актомъ отъ 1 апрѣля 1403 г., за засвидѣтельствованіемъ публичнаго нотаріуса Николая Бодиславича Свиденскаго **). Въ числѣ свидѣтелей является въ этомъ актѣ и „Stanislaus de Znoyma, sacrae theologiae baccalarius formatus.“

Предшественниковъ Гуса могло удерживать отъ проповѣди то условіе виѳлеемской фундаціи, по которому проповѣдникъ обязывался обращаться къ народу съ ея каѳедры на языкѣ славянскомъ. Необычность, новость его смущала проповѣдниковъ. Изъ соборной рѣчи Іеронима, выше (стр. 79) приведенной, мы знаемъ, что Гусъ принялся за это трудное дѣло послѣ настойчивыхъ убѣжденій своего друга. И ему стоило не мало борьбы съ преданіями недавней школы рѣшимость проповѣдывать на языкѣ славянскомъ. И только съ Виѳлеемской каѳедры слышали Пражане славянскую рѣчь Гуса ***)! Въ своихъ чешскихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ самъ Гусъ знакомитъ насъ съ тѣмъ благочестивымъ настроеніемъ покорности и смиренія, которое предшествовало его виѳлеемскому призванію. Однажды онъ изображаетъ себя голоднымъ студентомъ ****),

*) Цейслмейстеръ принадлежалъ университету и въ 1398 г. „de natione Bohemorum“ вмѣстѣ съ Мейстерманомъ, Крафтомъ („de n. Pol.“) и Гаррасеромъ экзаменовалъ Іеронима на баккалаврскую степень. Mon. Univ. Prag. I, p. 333.

**) Mon. Univ. Prag. II, 2, pp. 398—406.

***) „Numquam magna feria V praedicavi ad S. Gallum, imo *numquam boemice praedicavi* ad S. Gallum.“ Documenta p. 179.

****) „A jsú ženy lžíce dáblovy, jimiž jiné jie; ale dotud bude jiné lžicí jiesti až i lžíci snie. Jako já kdy sem byl záckem lacnym, udělaje lžíci z chleba, dotud sem jedl hrach, až sem i lzíci snědl i protož hybet' bude svodniciem!“ Spisy I, p. 278.

питающимся однимъ горохомъ; сдѣлавши ложку изъ хлѣба, онъ ѣлъ горохъ до тѣхъ поръ, пока не съѣдалъ и самую ложку. Въ то время онъ не находилъ противнымъ благочестію участвовать въ студенческихъ праздничныхъ процессіяхъ и однажды самъ, переодѣтый, на ослицѣ подражательно исполнялъ епископское шествіе во храмъ *). Онъ откровенно признается въ тѣхъ честолюбивыхъ мечтахъ о будущемъ, которыя волновали его воображеніе на школьной скамьѣ, до посвященія. „Уразумѣвъ Св. Писаніе, я постигъ,“ прибавляетъ онъ, „порочность этихъ желаній“ (Spisy p. 429). Изображая помпу папскихъ шествій и неевангелическій характеръ внѣшнихъ обрядовъ и дѣйствій церковныхъ, Гусъ удивляется ослѣпленію тѣхъ, кто въ благочестіи колѣнопреклоненно передъ ними останавливается. „И самъ я одобрялъ все это, прежде нежели позналъ писаніе и жизнь своего Спасителя“ (Spisy II, p. 127). Слѣды прежняго онъ къ своему прискорбію указываетъ въ себѣ и теперь, когда путемъ раскаянія онъ успѣлъ уже дойти до сознанія грѣховности этихъ дѣйствій. „И я, къ прискорбію, ѣзжу, и каюсь въ томъ, что, по душевной слабости, не хожу на проповѣдь пѣшкомъ, не подражаю въ этомъ своему Спасителю!“ (Ibidem p. 340).

Въ другомъ мѣстѣ онъ упрекаетъ себя въ излишествахъ на пирахъ, и, играя созвучіемъ своего имени, говоритъ: „чего не дѣлаютъ магистры по праздникамъ, устроивая свои роскошные пиры! А между ними, къ прискорбію! Ваалъ общипалъ и *Гуся*, оставившаго не одну изъ своихъ добродѣтелей на пирахъ, пожиравшихъ труды бѣдняковъ“ **).

Во всемъ, что говорилъ и писалъ Гусъ почешски, обращаясь къ народу, онъ изображалъ школу, какъ закрытый сосудъ грѣховности, который удаляетъ для человѣка сча-

---

*) Spisy I, p. 302: „jakoz i já v mladosti byl sem jednú pohříechu *krabošků*.“

**) Spisy I, pp. 123—124. Къ этой игрѣ созвучія своего имени нерѣдко возвращается Гусъ въ своихъ сочиненіяхъ и эпистолахъ. Documenta pp. 40, 55 и чаще; Spisy III, p. 252, 253—254.

стливое время нравственной свободы и самоопредѣленія. Только въ одномъ мѣстѣ сказалось въ немъ болѣе свѣтлое воззрѣніе на значеніе школы, какъ хранительницы даровъ Божіихъ, и то благодаря тому, что въ этомъ мѣстѣ мысль его была отвлечена отъ темныхъ очертаній ему современной школы· душа человѣческая на время потопа нашла свое убѣжище въ ковчегѣ Ноя, который заключилъ ее въ немъ, *какъ въ школѣ* („kterýžto v arše *jako v škole* ji zavřel.“ Spisy III, p. 2). Съ первой поры своего проповѣдническаго призванія Гусъ болѣе и болѣе отчуждался отъ преданій школы, мысленно сближаясь съ той средой, въ которую былъ онъ поставленъ виѳлеемской каѳедрой. Славянская рѣчь Богеміи нашла въ Гусѣ свой органъ, способный первыми своими звуками стяжать себѣ право на вниманіе каждаго, кому она была доступна. Воспринявъ съ творческою живостью всѣ тончайшія особенности построенія чешской рѣчи, какъ они могли быть доступны для него изъ вседневнаго говора во всей его отрывочности, но и во всемъ его разнообразіи, Гусъ созидалъ изъ нея силою своего призванія самыя сложныя конструкціи, готовыя для разнообразнѣйшихъ примѣненій. Творчество его рѣчи возсоздавало въ мысли его современниковъ тѣ ея силы, которымъ суждено было покоиться до самаго появленія Гуса на виѳлеемской каѳедрѣ, и было бы трудно, едва ли возможно, при самомъ близкомъ знакомствѣ съ исторіей чешскаго языка, указать что либо въ вѣкахъ послѣдующаго его развитія, могущее приблизиться къ богатому содержанію рѣчи, съ которою впервые обратился Гусъ къ пражскимъ гражданамъ.

Неповторимый, недосягаемый образецъ чисто-славянской рѣчи, Постилла Гуса можетъ всегда, и въ большей мѣрѣ, чѣмъ самъ народный говоръ Чеховъ, сдѣлаться богатымъ источникомъ обновленія ихъ литературнаго языка. Трудно предречь, когда наступитъ эта эпоха обновленія, но ея возможность живо ощущаетъ всякій, кто, приступая къ языку Гуса съ задачами аналитическими, теряется въ богатствѣ матеріяла для наблюденій самыхъ разнообразныхъ и поразительныхъ по ихъ новости. Остается осуществить

научную оцѣнку его рѣчи во всей ея красотѣ и важности, чтобы возбудить подражанія каждому ея обороту.

Гусъ самъ сознаетъ себя и творцемъ и мастеромъ языка чешскаго. Не скрывая всей трудности дѣла, онъ, въ своихъ чешскихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ, нерѣдко предпосылаетъ латинское выраженіе и, кропотливо его разбирая, съ трудомъ останавливается на выбранномъ имъ чешскомъ выраженіи *). Еще лучше сказалось это сознаніе въ отвѣтахъ его на обвинительные пункты. Инстигаторы процесса in haeresim, противъ него вчиненнаго, сводили обвиненія, извлекаемыя изъ его чешскихъ сочиненій и проповѣдей, въ краткія латинскія положенія, принаровленныя къ школьной терминологіи, принятой „*in compendiis, in summulis theologiae*.“ Тутъ было Гусу не трудно подрывать основанія обвинительныхъ пунктовъ. Въ большей части случаевъ, онъ противупоставлялъ имъ невозможность выразить данное понятіе на чешскомъ языкѣ. „M. Hus praedicat, quod in sacramento altaris post consecrationem accidentia manent cum subjecto.“ Кардинальный пунктъ положенія опровергается простѣйшимъ способомъ: „intricate mentitur, quia nec accidens, nec subjectum potest in Bohemico pertinenter exprimi“ **). Инстигаторъ обернулся: „M. Hus praedicat, quod in eucharistia remanet panis (materialis).“ Обвиняемый отражаетъ тѣмъ же оружіемъ: „Non est verum, quod dixerim, quia nescio dicere proprie eucharistia in boemico pertinenter; et si dicerem „in eucharistia, w dobré milosti neb w dobrém daru ostáwá chléb,“— quid hoc esset dictum ad propositum vel *ad intelligentiam populi?* Nec scio boemice dicere „materialis,“ quod sonaret ad propositum.„—„Item ponitur, quod praedicare publice non erubuit, quod Wikleff est catolicus doctor:“ „Catholicus in Boemico nescio bene dicere, nisi dicatur „obecný;“ si autem dicatur „křestánský,“ tunc dico et dixi, quod Wikleff, ut spero, fuit bonus christianus“ ****). Но еще труднѣе было инсти-

*) Spisy II, pp. 216, 265, 305—306, 390, 397, 399, 402 и т. д.

**) Documenta p. 179.

***) Ibidem pp. 179, 182.

****) Ibidem p. 167.

гаторамъ настаивать на тѣхъ обвинительныхъ пунктахъ, которые основывались на одной игрѣ словъ, ими непонятой. Такъ однажды на проповѣди, Гусъ, играя созвучіемъ имени Виклефъ съ чешскимъ глаголомъ *wiklam* или *wikli* (3 pers. sing. praes. *wikle* vacillat), произнесъ: „O *Wikleff*, Wikleff, nejednomu ty hlawu *zwikleš*! an již mnohými *wikle*, a zwláště kněžími lakomými.“ Случай былъ формулированъ въ слѣдующихъ, лишенныхъ смысла, словахъ: „It. ponitur, quod dixit subsequenter in praedicatione: Illum virum venerabilem Ioannem Wikleff haereticant, qui vera dixit: někomut' hlawu zwikle“ (?!). Гусу, въ опроверженіе, оставалось лишь расказать самый случай, какъ онъ былъ *).

Задача, внушенная Іеронимомъ, была исполнена Гусомъ въ высшей мѣрѣ. Онъ самъ лучше другихъ сознавалъ дѣйствіе своей проповѣди. Слова: „nolite arbitrari, me venisse conciliatum pacem in terris: non veni conciliatum pacem, sed bellum, veni enim ad dissociandum filium a patre suo, et filiam a matre, et nurum a socru“ (Matth. X), Гусъ примѣняетъ къ своему времени въ слѣдующихъ словахъ: „Это самое совершается нынѣ въ Прагѣ· отецъ возстаетъ на сына, и сынъ на отца; дочь разлучается съ отцемъ и съ матерью. Одни радостно внимаютъ слову Божію, другіе, видя въ немъ ересь, проклинаютъ“ **).

Гусъ достигъ такаго вліянія на народъ полнымъ врожденіемъ своей науки мыслямъ народа, его расположеніямъ и обычному его міросозерцанію. Онъ долженъ былъ расширить кругозоръ понятій, съуживавшій его сознаніе привычными формами школьной логики, стѣснявшій его совѣсть присягою клерика ***). Изъ его чешскихъ сочиненій извлекается ученіе объ ереси, настолько же похищающее у церкви всякое право на авторитетъ, насколько совле-

---

*) Documenta pp. 168, 177, при чемъ прибавляя: „venerabilem non aestimo, quod dixerim, quia in Boemico non bene approrpriatur,“ отказываясь симъ самымъ отъ своего почетнаго магистерскаго эпитета.

**) Spisy I, p. 235.

***) Spisy III, p. 108: „člověk má varovati svědomie prielis sirokeho, i svědomie prieliš uzkého.“

кающее съ ея тѣла всѣ внѣшніе покровы достоинства. Еретикомъ считаетъ Гусъ того лишь, кто, сердцемъ отчуждаясь отъ духа христіанскаго вѣроученія, соприкасается духовно съ языческимъ суевѣріемъ.

Для разъясненія этой своей мысли Гусъ не съ перваго раза обращается къ тѣмъ обличительнымъ инвективамъ на грѣховный клиръ, которымъ образцы онъ могъ бы заимствовать у своихъ предшественниковъ: тема его о духовномъ родствѣ съ міромъ языческимъ была ими достаточно разработана. Гусъ, произнося свои виѳлеемскія проповѣди, приготовляя къ изданію свои чешскія сочиненія, настроивался на иные мотивы. Гдѣ могъ, онъ указывалъ на племенную рознь Славянъ съ Нѣмцами, въ ея существеннѣйшихъ точкахъ, всегда мѣтко имъ избираемыхъ. Говоря о симоніи, онъ ищетъ основаній для закоренѣлости ея обычаевъ. Всего легче ихъ было бы найти въ началахъ церковной администраціи, общихъ всему католическому міру. Но Гусъ, отлагая эту сторону вопроса, берется за черты племеннаго характера Славянъ и Нѣмцевъ и въ нихъ ищетъ спецификаціи подобнаго всемірнаго явленія. Чехи, погрѣшая, говорятъ: „Tej však od starodavna tak jest;“ Нѣмцы же узаконяютъ зло своимъ народнымъ изреченіемъ: „Ist unze rech“ *). Наоборотъ этой спецификаціи, безъ мѣры расширяя понятіе объ ереси, онъ ищетъ своихъ далекихъ образцовъ на удаленномъ славянскомъ югѣ, въ босанскомъ царствѣ, среди тамошнихъ двоевѣрныхъ богумиловъ, въ ту эпоху (XIV—XV стол.), имѣвшихъ себѣ поддержку во всѣхъ слояхъ Сербскаго народа, начиная съ сельскаго населенія, изначала мало проникнутаго духомъ христіанской религіи, и кончая высшими ступенями трона **). Въ образецъ ереси онъ выбираетъ изъ двоевѣрныхъ догматовъ

*) Spisy I, 439. Инвективы на симонію были очень распространены до Гуса, судя по тому, что онъ весьма часто употребляетъ, какъ общепринятое, всѣмъ понятное, народное ироническое наименованіе *šimackove* (simoniaci). Ibidem I, 343, 401, 416, 420.

**) Rad jugoslavenske akademije VIII, p. 135 и слѣдд.

богумильскихъ такіе именно, которые исключительно коренятся въ исконныхъ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ: онъ осуждаетъ ученіе Богумиловъ о двухъ богахъ добромъ и зломъ, первомъ—творцѣ небеснаго міра, второмъ—творцѣ земнаго *).

Отъ подобныхъ еретическихъ ученій, трудно искореняемыхъ и основанныхъ на искони врожденномъ народу суевѣріи, Гусъ отличаетъ тѣ, имъ, впрочемъ, сродныя заблужденія которыя находятъ себѣ основаніе болѣе въ личномъ несовершенствѣ людей и въ умственной незрѣлости народа. Здѣсь, согласно съ ученіемъ церкви, всякое заблужденіе прощается, не вмѣняется въ ересь, какъ не изъ сердца исходящее. Излагая въ самомъ началѣ своего сочиненія о симоніи („O svatokupectví"), господствующее ученіе церкви о упорствѣ, какъ существеннѣйшемъ и необходимомъ признакѣ ереси, Гусъ въ противуположность подобной истинной ереси, упорно-нераскаянной, приводитъ два примѣра невольнаго заблужденія: одинъ въ образѣ магистра въ школѣ, передъ диспутомъ или въ предисловіи къ трактату отрекающагося отъ всякаго возможнаго заблужденія; другой заимствуя изъ области тѣхъ суевѣрій, которыя, какъ видно, удалось ему наблюсти въ самой Богеміи, въ средѣ ея сельскаго населенія. „Такимъ образомъ освобождаются отъ грѣха ереси," говоритъ онъ въ указанномъ мѣстѣ **), „и простоумные, мало просвѣщенные люди, изъ которыхъ многіе представляютъ себѣ Св. Троицу женщиною, а Богу Отцу приписываютъ старшинство возраста передъ Богомъ Сыномъ."

Стремясь уяснить своей паствѣ ту точку зрѣнія, которая была имъ занята въ громкихъ и открытыхъ контраверсахъ съ церковью, Гусъ всѣми мѣрами старается облегчить ея пониманіе для тѣхъ, кто былъ мало причастенъ къ тайнамъ церковной администраціи и не просвѣщался въ нихъ на факультетѣ декретовъ. Однажды въ вышепри-

*) Spisy I, 39, 47, 48. „Дьявола творца нарицающе человѣкомъ и всей твари божіи." Rad VII, p. 120.

**) Spisy I, p. 390. Ближе о народной Троицѣ ibid. II, p. 228.

веденномъ сочиненіи о симоніи *), онъ открываетъ судъ съ папою и находитъ въ домашнемъ запасѣ народной демонологіи способнаго адвоката для своего противника въ извѣстномъ *скржеткѣ* **). При его посредничествѣ состоялась такая тяжба. „Намъ возразятъ: никто не смѣетъ противорѣчить тому, что установилъ папа. Вѣрный христіанинъ и готовъ бы былъ допустить это, если бы папа не постановлялъ ничего злаго. Если же онъ постановляетъ что либо злое, какой вѣрный христіанинъ допуститъ это? Въ этомъ должны будутъ намъ уступить сами *папскіе герольды*, ибо они же учатъ *въ своихъ школахъ*, что одинъ папа можетъ рушить постановленія другаго, пока и его постановленія не будутъ разрушены за нимъ слѣдующимъ. Какой вѣрный христіанинъ станетъ утверждать, что запрещеніе проповѣди въ капеллахъ, ея ограниченіе приходами и монастырями было бы благимъ узаконеніемъ, когда оно столь явно противорѣчитъ ученію І. Христа. Но, можетъ быть, появится изъ своего облака *Скржетекъ* и скажетъ, что никто не можетъ судить дѣйствій папы, что никто не можетъ его вопросить: почему ты такъ поступаешь? И тогда повелите сему *Скржетку* умолкнуть и не кощунствовать, ибо человѣку приписывать божеское невозможно. Онъ есть тотъ единый, кого никто не можетъ покарать, чьихъ поступковъ, худы ли они, или добры, никто не можетъ судить, съ кого никто не можетъ спросить: почему ты такъ поступаешь? И можетъ ли *Скржетекъ* достойнымъ образомъ воспретить мысленное осужденіе злыхъ дѣйствій, чьи бы они ни были, совершаемы ли они были папою или какимъ бы то ни было смертнымъ. Отъ всякаго зла да остерегается человѣкъ! А такъ какъ алчность возрастаетъ и въ особенности среди духовенства, то да остережется всякій вѣрный христіанинъ отъ паденія во грѣхѣ алчности и симоніи и да будетъ онъ бдителенъ къ тѣмъ *дьявольскимъ* ухищреніямъ, которыми оправдываютъ этотъ грѣхъ.—Но *дьяволъ* имѣетъ еще и въ томъ оправданіе, что папа не

*) Spisy I, pp. 409—411.
**) См. выше ст. р. 7.

торгуется съ ищущимъ епископскаго достоинства и вовсе не говоритъ съ нимъ о деньгахъ, а лишь принимаетъ то, что тотъ добровольно ему приноситъ. На это отвѣчаетъ дѣйствіе Св. Петра, который, не принявши отъ Симона денегъ, дабы не быть причастнымъ его торгашеству, сказалъ ему: да пребудутъ деньги твои съ тобою тебѣ на осужденіе, такъ какъ ты думалъ купить ихъ цѣною даръ Божій! Но, можетъ быть, *Люцекъ* *) скажетъ: Симонъ произнесъ—Возьмите деньги и даруйте мнѣ силу,—тогда какъ здѣсь не говорится ничего, а молча до дарованія или послѣ него вручаются деньги. Но на это *Люцекъ* услышитъ такой отвѣтъ *отъ пекаря Годка или торговки Годы*: если у насъ кто торгуетъ хлѣбъ, то мы считаемъ хлѣбъ купленнымъ, не различая того, что покупатель отдалъ свои деньги за него до той минуты, когда взялъ хлѣбъ въ руки, или послѣ нея. *Люцекъ* продолжаетъ: папа не имѣлъ воли склонной къ принятію денегъ. Любезный Люцекъ! тогда онъ, въ подражаніе Петру, сказалъ бы: да будутъ твои деньги тебѣ на осужденіе! И тогда никто бы болѣе не дерзалъ приходитъ къ папѣ съ деньгами, какъ никто не дерзалъ ихъ предлагать Петру, послѣ Симонова примѣра. И намъ ли вѣрить безкорыстію папы, приносящимъ ему огромные деньги за пражское архіепископство всякій разъ, когда желаемъ имѣть новаго архіепископа.“—Въ другомъ мѣстѣ тотъ же *Скржетекъ* является угрозою тѣмъ неблагочестивымъ священнослужителямъ, міряномъ и особенно дѣтямъ, которые, небрежно произнося молитву и урывая цѣлые слоги то въ началѣ, то въ срединѣ, то въ концѣ произносимыхъ словъ молитвы, невѣдомо для самихъ себя роняютъ эти урывки въ сосудъ *Скржетка*, собирающаго ихъ для того, чтобы вмѣнить ихъ въ грѣхъ на предстоящемъ судѣ **).

---

*) Образовано отъ сложнаго имени собственнаго *Lucifer*, съ усѣченіемъ втораго члена сложенія, по аналогіи чешскихъ именъ ласкательныхъ: Vaclav Vacek, Boleslav Bolek и пр.

**) Гусъ въ этомъ поэтическомъ увѣщаніи основывается на приведенной имъ народной пословицѣ: „Protož jest příslovie toto: *Ulomky hodinnych slov zbierá Skřietek.*“ Spisy I, 307.

Такъ примѣняясь къ нравственному уровню своей паствы, Гусъ очень рѣдко даетъ возможность наблюсти оттѣнокъ мысли, въ которомъ бы отражалась школа. При напряженномъ вниманіи намъ удалось въ трехъ большихъ томахъ его чешскихъ сочиненій и проповѣдей найти только два мѣста, въ которыхъ мысль Гуса обусловилась схоластической методой мышленія. Одно изъ нихъ содержитъ въ себѣ отголосокъ цвѣтущей эпохи схоластики. Въ немъ находитъ себѣ разрѣшеніе одна изъ многочисленныхъ схоластическихъ квестій, прежде тщетно его искавшихъ *): Гусъ сравниваетъ соотношеніе между разрѣшающей властью священника и искупленіемъ, предуготованнымъ Спасителемъ, съ соотношеніемъ между человѣкомъ, рукой и топоромъ въ дѣйствіи рубки дровъ, распространяя это и другими примѣрами **). Въ другомъ мѣстѣ ***), онъ вводитъ понятіе о лихвѣ въ область теологіи и осуждаетъ посредствомъ произвольной посылки о Богѣ, какъ о творцѣ времени, лихву, какъ продажу чужой собственности. Во всемъ остальномъ трудно наблюсти что нибудь, чтобы могло отчуждать отъ себя мысль и вниманіе неподготовленнаго школою слушателя. Напротивъ, чаще всего Гусъ вопросы, постановленные до него на основаніи чисто и исключительно теологическомъ, не безъ вреда для ясности мысли и для цѣльности ея развитія, сводитъ на почву этики. Такъ напр. понятія о предопредѣленіи (praedestinatio) и предвѣдѣніи (praescientia), до него не сходившія, даже въ ученіи Виклефа, съ почвы чисто теологическаго аргумента о Всемогуществѣ Міроздателя ****), имъ были сведены къ самымъ практическимъ его крайностямъ. Остав-

*) „Insolubilis in illa philosophantium schola tunc temporis questio habebatur, an porcus, qui ad venalitium agitur, ab homine an a funiculo teneatur; item, an capucium emerit qui cappam integram comparavit.“ Jo. Sarisberiensis Metalogicus apud Tennemann VIII, I, p. 60 adn. 11.

**) Spisy I, p. 30.

***) Ibidem p. 214.

****) Fr. Böhringer Iohannes von Wycliffe. 1856. pp. 189—197.

ляя безъ всякаго вниманія утѣшительную для христіанина сторону этого догмата, онъ предлагаетъ лишь ту его точку, которая всего ближе соприкасается съ темнымъ, безотчетнымъ фатализмомъ смертно погрѣшившей души: въ его рукахъ догматъ о предопредѣленіи низошелъ до значенія угрозы грѣховному клиру. Онъ возвращается къ нему не разъ, и всегда въ томъ же духѣ и съ тою же цѣлью, именуя по чешски того, кого надлежитъ почитать за предопредѣленнаго къ добру, *vyvolený*, того же, кто искони предузнанъ во злѣ—*předvěděný* *). Примѣра Гусъ ищетъ на любомъ *мужичкѣ* спасенномъ и на *епископѣ* Іудѣ—погибшемъ **). При такой исключительно-практической постановкѣ вопросовъ по природѣ своей чисто-теологическихъ Гусъ не могъ обходиться безъ противорѣчій съ самимъ собой. И дѣйствительно, въ томъ же „Объясненіи десяти заповѣдей,“ на разстояніи немногихъ главъ, Гусъ излагаетъ ученіе о томъ, что во всякой заслугѣ равно какъ и во всякомъ осужденіи имѣетъ рѣшительное и ихъ опредѣляющее значеніе одна свободная, личная воля человѣка. Весьма охотно развивая это ученіе, Гусъ основывается въ немъ на *народной пословицѣ*: „*Sva vóle jest i ráj i peklo*“ ***).

И дѣйствительно, Гусу, при всемъ желаніи, нельзя было въ его проповѣдяхъ долго медлить на философскихъ, а тѣмъ еще менѣе на теологическихъ аргументахъ: онъ отвлекался отъ нихъ цѣлымъ міромъ понятій морали и народной мудрости, который составлялъ все умственное достояніе его публики. Желая быть ей понятнымъ, онъ долженъ былъ держаться ея уровня. Мистики нѣмецкіе, отчасти современные Гусу, отчасти отдѣленные отъ его эпохи немногими десятилѣтіями, находили иныя точки соприкосновенія теологіи съ простыми сердцами, не просвѣщенными ея догматами. Мейстеръ Экартъ ****), проповѣдуя на урочное мѣ-

*) Spisy II, p. 252.

**) Spisy I, p. 243.

***) Ibidem p. 191.

****) M. Экартъ около 1307 г. былъ въ Богеміи въ качествѣ генеральнаго викарія и проповѣдывалъ. Deutsche Mystiker des XIV Jah-

сто Евангелія, шелъ противнымъ путемъ: онъ исторгалъ мысль слушателей изъ круга обыденныхъ понятій и въ вѣрѣ каждаго изъ нихъ указывалъ для нихъ самихъ до тѣхъ поръ невѣдомый источникъ истины, и каждое новое слово геніальнаго проповѣдника было новымъ и тяжелымъ испытаніемъ сердечной чистоты его слушателей. Выдерживали это испытаніе лишь тѣ, въ которыхъ имѣло силу дѣйствительное призваніе отложиться отъ суетной оболочки мысли и дать большій просторъ сердечному исповѣданію Божественныхъ истинъ: тѣ внимая великому учителю, не выходили изъ того восторженнаго состоянія, которое самому проповѣднику внушалось глубокимъ и неподражаемымъ по чистотѣ пониманіемъ Евангелія. Едва ли и самъ Гусъ не сознавалъ, что таково истинное призваніе проповѣдника. Во главѣ своего сочиненія „Wýklad viery“ онъ полагаетъ различіе между предметами вѣры и направляетъ сердца читателей къ Богу, какъ единому, *въ Котораго* вѣруетъ христіанинъ. Истинный христіанинъ, по его ученію, долженъ безраздѣльно, своимъ внутреннимъ чувствомъ, исповѣдывать свою вѣру *въ Бога* и на ней основывать все свое посильное постиженіе Его существа, отрѣшая этотъ высшій предметъ своего исповѣданія ото всѣхъ другихъ: „*Věděti máme, že cierkev věriti, ale ne v cierkev věriti mame*“ *). Твердо установивши въ самомъ языкѣ, силою грамматическаго правила различіе въ управленіи объектомъ глагола „вѣровать,“ Гусъ оставилъ это имъ затронутое понятіе на самой поверхности своего ученія.

Жизнь и окружавшая среда выводила его изъ области мистическаго исповѣданія вѣры и погружала въ тѣ вопросы морали, которые возбуждались потребностями дня. Было бы несправедливымъ утверждать, чтобы Гусъ въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ никогда не выходилъ изъ своего дружескаго, интимнаго общенія съ своей паствою. Из-

rhunderts. Zweiter Band. Meister Eckhart ed. Pfeiffer. 1857; pp. XI, 340—370.

*) Spisy I, p. 26. „Každé osobě božské přidává viera „*v*“.... Protož k nekterému kúsu nenie pridano „v.“ Ibidem p. 9.

рѣдка оно прерывалось для карательныхъ обращеній къ ней, носившихъ на себѣ его неизмѣнный сангвиническій отпечатокъ. Благодаря подобной вспышкѣ, мы имѣемъ его пера живое описаніе разнообразной публики, сходившейся въ церкви: „свѣтскіе люди приходятъ отчасти для того, чтобы показаться въ богатомъ платьѣ, отчасти и съ цѣлью свидѣться, кого побуждаетъ къ тому нѣжная пріязнь. Нѣкоторые даже смѣются въ церкви, а другіе, въ особенности женщины, ссорятся, бранятся, сталкивая другъ друга съ мѣстовъ. Молодые господа ищутъ своихъ красавицъ, и куда бы онѣ не обратились, они слѣдятъ за ними, и, входя, кланяются имъ прежде чѣмъ преклониться предъ Св. Тѣломъ въ алтарѣ. Видалъ я и такихъ, которые, обратясь задомъ къ алтарю, заговариваютъ съ ними, смѣются. А крестьяне, тѣ совсѣмъ не молятся, а стоятъ, какъ дубины, или таращатъ глаза,—куда кто повернется; горожане же тоскуютъ по своемъ ремеслѣ, боясь пропустить прибыльный торгъ“... *) Забвеніе святыни со стороны міряиъ было постепенно вызываемо проступками противъ благочестія со стороны самого непризваннаго духовенства. Гусъ, призывая Бога во свидѣтели своей правдивости, разсказываетъ слѣдующее **): „Однажды я слышалъ, будучи на проповѣди у священника Св. Генриха, что въ Новомъ Мѣстѣ, какъ онъ проповѣдывалъ, обращаясь къ паствѣ въ слѣдующихъ словахъ: Знайте, дѣтки! что три черта шли на нашъ праздникъ. Одинъ съ цѣлью запирать сердца ваши при исповѣди грѣховъ: дѣтки! это злой чертъ! Другой хотѣлъ уста ваши закрыть, чтобы вы не молились и не хвалили Господа: этотъ еще злѣе того! Третій шелъ съ цѣлью закрыть ваши кошельки: а! милые дѣтки! вотъ онъ—самый злой изо всѣхъ! А потому, мои милые дѣтки! не дайте злѣйшему изо всѣхъ дьяволовъ закрыть ваши кошельки! Приступайте же къ таинству, открывши ихъ.“

Избравши путь, противный нѣмецкимъ проповѣдникамъ, Гусъ нерѣдко облегчалъ доступъ въ святыню Слова Бо-

*) Spisy I, pp. 130—131.
**) Spisy I, pp. 80—81.

жія, затрогивая явленія, близкія къ сердцу каждаго изъ его слушателей, и въ самомъ словѣ своемъ, въ выборѣ выраженій, отражалъ всю ихъ конкретность во всей ея наготѣ *). Поэтому прозопопея составляетъ любимую риторическую фигуру въ его проповѣдяхъ и сочиненіяхъ. Такъ напр. тотъ общественный недугъ Праги, къ которому возвращается такъ часто Гусъ въ своихъ проповѣдяхъ, лихоимство, изображается имъ въ одномъ мѣстѣ, исполненномъ запальчивости, въ видѣ *paní lichvy* („госпожи лихвы"), отождествляемой здѣсь съ воровствомъ (Spisy I, p. 213). Говоря о бракѣ, совершаемомъ по неволѣ, Гусъ отрицаетъ его дѣйствительность въ томъ случаѣ, если онъ былъ вынужденъ угрозою смерти, за тѣмъ исключеніемъ, когда время и взаимная симпатія заставитъ забыть первое условіе. Послѣднее выражаетъ онъ словами, заимствованными, по всему вѣроятію, изъ какой-либо народной пѣсни о *Манькѣ* и *Гостѣ*: jedne až potom „*slíbila sě Mankovi Hosta*" **). Въ другомъ мѣстѣ онъ порицаетъ иной родъ невольныхъ браковъ, избирая такія имена: *Петръ* даетъ обѣтъ *Доротѣ*, которую родители хитростію замѣняютъ *Анною* ***). Особенно замѣчательно со стороны склонности Гуса къ олицетвореніямъ слѣдующее мѣсто изъ его объясненія X заповѣдей ****). Изображая алчное духовенство слугами Бога Ваала (Bél), онъ, называя склонныхъ къ излишествамъ священниковъ *bélité*, ихъ женъ—*bélkyně*, ихъ дѣтей—*bélenci* *****), обращается къ пророку Даніилу съ слѣдующими словами: „И нѣтъ уже теперь надобности, чтобы ты, Даніилъ, о мужъ святыхъ вожделѣній! судомъ своимъ разсѣявалъ постыдныхъ! теперь это понимаютъ уже и *Годекъ* и *Климешъ* и

*) Выборъ выраженій нерѣдко отмѣченъ неразборчивостью, дѣлающею невозможнымъ ихъ воспроизведеніе. Spisy I, pp. 117, 125, 130, 140, 148, 183, 197, 205, 277—278, 286, 409; III, 188, 199—200 и слѣд.

**) Т.-е., (невольный бракъ не дѣйствителенъ), развѣ если можно будетъ сказать: „полюбилась *Маньку Госта.*" Spisy I, p. 198.

***) Spisy III, p. 206.

****) Spisy I, p. 123.

*****) Съ отношеніемъ къ XIV гл. книги пророка Даніила.

Пабешъ *), и съ ихъ дѣтьми“. Въ этомъ получаетъ свое выраженіе и чувство самодовольства проповѣдника, цѣнящаго успѣхи паствы, здѣсь налично принимающей похвалу и поощреніе учителя! **)

Антиклерикальное настроеніе Гуса всею силою негодованія и всего тяжеле обрушилось на ту часть клира, которая составляла его среду въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова,—на университетъ и тотъ его личный составъ, который чаще всего Гусъ именуетъ чешскимъ словомъ *žákovstvo* (отъ сл. *žák* студентъ). Благодаря этому чувству, мы находимъ немало мѣстъ въ чешскихъ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ Гуса, которыя не могутъ никогда потерять своего значенія для историческаго очерка древнѣйшей эпохи Пражскаго Университета. И тѣмъ драгоцѣннѣе они, что въ нихъ исторія имѣетъ свидѣтеля, прожившаго съ Университетомъ и его лучшее время и то преждевременное его паденіе, которому самъ же Гусъ былъ главнымъ и притомъ не косвеннымъ, а прямымъ виновникомъ. Гусъ, какъ отступникъ, находящійся въ непрерывной живой контраверсѣ съ церковью и со всѣмъ, что держится связи съ нею, находясь внѣ впечатлѣній своей прежней среды, въ памяти своей иногда любилъ возсоздавать свое университетское прошедшее и всегда въ духѣ крайне отрицательномъ, для клира неблагопріятномъ. Вышеприведенное чешское названіе университетскаго сословія соединяется постоянно съ насильственными дѣйствіями власти: ими, де, она всемѣрно старается удержать въ рукахъ слабѣющее право на ум-

---

*) Личныя чешскія имена собственныя, извѣстныя изъ древнихъ документовъ. Iungmann s. vv.

**) Считаемъ нелишнимъ въ заключеніе здѣсь привести небольшой выборъ изъ народныхъ пословицъ, употребленныхъ Гусомъ въ его сочиненіяхъ и проповѣдяхъ. Vše vhod dobro (I, 290); čert nechaje klešti i chopí se kovaře (I, 420); čert čertu oka nevykline (II, 173); ženu kovár d'abel v kuchyni zapálí (I, 202); venec nese, a panenstvie již straceno v lese (I, 203); málo jest veriti na hlavě vienku, nevědúc, co ostalo v súdku (I, 206) etc. Для очерка общественныхъ нравовъ и народныхъ обычаевъ чешскія сочиненія и проповѣди Гуса представляютъ богатый источникъ, еще далеко не исчерпанный.

ственную диктатуру. У Гуса *жаковство* нерѣдко является снабженнымъ атрибутами палача. Первомученики гуситизма, единомышленники пострадавшихъ смертью трехъ смѣлыхъ исповѣдниковъ, студентовъ Мартина, Яна и Сташка, подвергались, по свидѣтельству Гуса, въ соборномъ пражскомъ храмѣ побоямъ и бичеванію отъ рукъ пражскихъ студентовъ *). „И вообще", говоритъ въ другомъ мѣстѣ Гусъ, „имѣли этотъ обычай и студенты и священники соборнаго храма пражскаго: разъ ихъ упрекнетъ кто-либо изъ добрыхъ христіанъ во лжи, допускаемой ими въ ихъ проповѣдяхъ, какъ они его схватываютъ и подвергаютъ тутъ же въ храмѣ Божіемъ побоямъ, терзаніямъ, пощечинамъ, а потомъ отводятъ въ общее помѣщеніе хоровыхъ клериковъ при соборномъ храмѣ и тамъ ихъ снова подвергаютъ тѣлеснымъ истязаніямъ (mrskali). Въ такомъ назначеніи являются въ проповѣдяхъ Гуса молодые клерики церковнаго хора, не оставившіе еще передъ посвященіемъ своего студенческаго званія. „Еслибы какой-нибудь мирянинъ далъ одному изъ нихъ щелчекъ въ носъ (v nos štilec), они сейчасъ же бы сказали, что храмъ оскверненъ; а когда они сами окровавятъ его, подвергая въ немъ истязаніямъ, это не вмѣняется ни во что. Но прійдетъ на нихъ тотъ царь и епископъ, Христосъ съ бичемъ и скажетъ имъ: домъ мой—домъ молитвы" и пр. **). „Bludny Wiklefista!" (Spisy I, 54; II, 93) это обличительное воззваніе на еретика, было могущественнымъ орудіемъ въ устахъ фанатическихъ защитниковъ правовѣрія. Преслѣдуя ересь въ ея слабѣйшихъ отраженіяхъ, правовѣрные клирики поощряютъ свѣтскихъ людей, въ противодѣйствіе всему трезвому и искреннему, къ сочиненію нечестивыхъ, отвратительныхъ (oplzlé a ohavné) пѣсенъ, способныхъ лишь къ раздраженію чувствъ и къ настроенію мыслей на грѣхъ; и такихъ пѣ-

*) Spisy I, p. 399.

**) Spisy II, 124. Cf. Iungmann s. v. *obecnice*. Вездѣ *жаковство* является дополнительнымъ понятіемъ къ *церкви*, которой будущее связано съ Университетомъ, какъ разсадникомъ клира. Spisy I; 26, 52, 74 и т. д.

снотворцевъ они называютъ „хорошими людьми“ (*dobré lidi*). Мало того: сами клирики посвящаютъ свои дарованія сочиненію подобныхъ пѣсенъ, и все для возбужденія грѣховной чувственности. Плоды такого настроенія Гусъ указываетъ въ слѣдующемъ. „Мнѣ самому даже давалъ одинъ студентъ письма къ нему какой-то монахини, въ него влюбленной, и я долженъ признаться, что во всю мою жизнь мнѣ не удавалось слышать такихъ похвалъ изъ устъ женщины: въ нихъ она превозносила *бѣднягу* (*biedníka*) превыше ангеловъ, архангеловъ и всѣхъ небесныхъ хоровъ.“ *) Прикрытое наружною оболочкой благочестія, общеніе клира съ свѣтомъ поддерживалось, по всему вѣроятію, преимущественно въ средѣ панскаго и рыцарскаго сословія, члены котораго не всегда предавались клерикальной карьерѣ, по окончаніи своего университетскаго ученія, чему примѣръ мы уже видѣли въ р. Ѳомѣ. Къ нимъ можетъ относиться характеристическое для времени названіе „učeny literat,“ однажды употребленное Гусомъ, **) въ отличіе отъ болѣе общаго названія „učené lidi,“ которымъ приписываетъ Гусъ порочное свойство неблагодарности ***).

Притворное благочестіе университетскаго клира находитъ себѣ въ Гусѣ обличителя безпощаднаго, не различающаго никакихъ оттѣнковъ. Если Матвѣй изъ Янова, не безъ хорошихъ основаній, полагалъ различіе между декретистами и теологами своего времени, то предъ судомъ Гуса стиралось всякое различіе въ отверженномъ сословіи поклонниковъ и льстецовъ Антихриста. Иронически именуя декретистовъ „práv-ukové, jenž slovú juristé,“ онъ ихъ караетъ за то предпочтеніе, которое даютъ они людскимъ учрежденіямъ надъ Закономъ Божіимъ; не менѣе юристовъ, подвергаются осужденію и теологи, именуемые „mudrci

*) Spisy I, pp. 54, 259; II, p. 93. Cp. I, 274: „Naplnila piesen jedné jéptišky, v niž die: Omdlévám já, když svého milíka ne wídám.“

**) Spisy III, p. 113.

***) Spisy I, p. 207. Cp. I, p. 74: „knežie a žáci klekají pred papeži, biskupy *a prede pány*.“ p. 87.„.. žaci, knežie i laici jsú hotovejsie, *aby se líbili pánóm, plniec jich přikázanie*, nez přikázanie bozie.“

philosophi,“ познающіе бога не изъ священнаго писанія, а изъ собственныхъ соображеній и доводовъ *).

Въ другомъ мѣстѣ, Гусъ ближе къ правдѣ и въ большемъ согласіи съ Матвѣемъ изъ Янова, такъ говоритъ о ненавистныхъ ему декретистахъ, противуполагая ихъ судьѣ праведному. „Таковъ судья праведный, не соображающійся съ тѣмъ, чему учатъ práv-ukové т. е. тѣ, которые, недоучившись въ Законѣ Божіемъ, слывутъ въ человѣческихъ учрежденіяхъ юристами и учатъ, что судья долженъ судить по свидѣтелямъ, хотя бы и зналъ, что они ложны **) И еще яснѣе опредѣляетъ Гусъ область вѣдѣнія пражскихъ декретистовъ, говоря (Spisy II, p. 120): „тѣ студенты, которые учатся правамъ папскимъ, не выучившись тому, что завѣщалъ Спаситель.“

Гусъ начерталъ въ своихъ проповѣдяхъ соціальную реформу, далеко заходящую за предѣлы тѣхъ исключительно-церковныхъ вопросовъ права, которые разработывались въ курсахъ пражскаго факультета декретовъ. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ вопросахъ права, какъ бы они далеко ни заходили, онъ старается прежде всего дать почувствовать свое недовольство и негодованіе той привелигированной части „жаковства“ пражскаго, которая имѣла отношеніе къ правамъ, т. е. университету юристовъ. Гусъ самъ сводитъ свои длинныя рѣчи къ слѣдующему краткому смыслу: „О! если бы мы держались ученія Спасителя,“ говоритъ онъ въ указанномъ мѣстѣ, „кто бы смѣлъ явно преступать Заповѣди Божіи? Кто бы рѣшился на явные грѣхи блуда, лихвы, симоніи, игры въ кости, если бы немедленно за совершеніемъ грѣха слѣдовало бы отлученіе преступника отъ христіанской общины? Не было бы нужды ни въ какихъ людскихъ учрежденіяхъ! ни въ судахъ, ни въ духовныхъ, ни въ свѣтскихъ! Забывши завѣтъ Спасителя, человѣчество наметало столько всяческихъ установленій, что и конца имъ нѣтъ“ ***). Увлекаясь чисто теоретическими помы-

---

*) Spisy II, pp. 368—369.
**) Spisy I, pp. 188—189.
***) Spisy I, p. 240.

шленіями о соціальномъ паденіи современнаго ему общества, Гусъ не можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ. Осуждая безразлично все, онъ не зналъ, или забывалъ тѣ улучшенія въ соціальномъ и юридическомъ бытѣ общества, которыя совершились въ его время доброю волею лицъ, стоявшихъ во главѣ государства. Въ своихъ нападкахъ на судебные порядки, онъ негодуетъ на учрежденія, въ его время уже упраздненныя. За обычаи земскаго права чешскаго, хороши они были или дурны, всего менѣе несли отвѣтственность студенты и профессоры факультета декретовъ. Напротивъ, университетъ въ лицѣ своего канцлера, на сколько могъ, содѣйствовалъ смягченію суровости ихъ, нерѣдко идущей въ разрѣзъ съ голосомъ христіанской совѣсти. Такъ, Архіепископъ Арнестъ своею властію воспретилъ совершать клятвленныя испытанія горячаго желѣза и холодной воды, не смотря на все недовольство и противодѣйствіе бароновъ королевства *). Другія препятствія къ отправленію правосудія въ странѣ устранилъ самъ императоръ Карлъ IV. „Онъ премудро усмотрѣлъ, что лукавство и обманъ злоупотребляютъ излишне длинною и опасною формулою судебной клятвы. Желая предотвратить лукавство и обманы, Императоръ сократилъ формулу клятвы и постановилъ соблюдать въ странѣ эту краткую формулу на вѣчныя времена. Краткая формула въ латинской версіи звучала такъ: „De quibus me talis inculpat, de iis sum innocens. Sic me Deus adjuvet, et omnes sancti Dei.“ Прежняя стародавняя формула присяги повторяла въ себѣ слова жалобы истца и была такъ длинна, что немногіе могли ее выдержать“ **). Проходя безъ вниманія и оцѣнки эти мѣры, принятыя государственною властію ко благу подданныхъ, Гусъ въ своихъ инвективахъ на нее вмѣняетъ ей то невольное зло, въ которомъ она наименѣе повинна, то зло, которое зародилось въ борьбѣ христіанства съ язычествомъ. Побѣда надъ этимъ зломъ въ свое время торжествовалась всѣмъ клиромъ, глава котораго былъ ея

*) Scriptores rerum bohemicarum t. II, p. 378.

**) Ibidem p. 398 (ad annum 1368).

виновникомъ. Злая объ немъ память въ первый и въ послѣдній разъ прозвучала изъ устъ Гуса! „Также и свѣтскіе господа сильно мстятъ за всякое преступленіе ихъ постановленій: кто малѣйше пропуститъ срокъ явки къ земскимъ доскамъ, тотъ теряетъ все. Но они ничего не скажутъ о томъ, кто утромъ не помолится Богу, кто въ продолженіи цѣлаго года не ходитъ въ церковь. Ошибись въ присягѣ хотя однимъ словомъ, и тяжба проиграна, какъ бы ни былъ справедливъ тяжущійся; а затѣмъ —лги, сколько хочешь, кощунствуй, не знай молитвы Господней, они не покараютъ ниже словомъ“ *).

И тѣмъ болѣе пристрастно сужденіе Гуса, что въ другомъ мѣстѣ онъ самъ называетъ эти юридическіе обычаи „bobonkami,“ симъ указывая на суевѣріе, какъ на ихъ прямой источникъ **). И поддерживали эти обычаи не юристы, а стряпчіе ***), пользовавшіеся ими какъ придирками, помощію коихъ они нерѣдко выручали своихъ неправыхъ кліентовъ. Особенно же когда на судѣ идетъ дѣло *хлапское*, ****) они безпрестанно обращаются къ засѣдающимъ панамъ съ восклицаніями подобными: „Господа! спросите же, могъ ли онъ начать рѣчь? могъ ли онъ встать? Надлежащимъ ли образомъ положилъ персты свои на крестъ? Такъ ли онъ поклонился, отошелъ? Могъ ли онъ распоясаться? Господа! Онъ неправильно его назвалъ! Онъ положилъ болѣе двухъ перстовъ! Онъ ошибся въ словѣ!“ Да и кто же перечислитъ всѣ тѣ суевѣрныя придирки, которыя они вымышляютъ для посрамленія правды!?“ *****) Для ухищренія декретистовъ Гусъ употребляетъ особенное слово *koblúček* (шапочка), характеризуя имъ тѣ глозы, клау-

---

*) Spisy I, p. 149. „Свѣтскіе господа“ въ приводимомъ мѣстѣ изображаются слабыми подражателями церковныхъ судей и изобрѣтателей юридическихъ промысловъ (nalezkové, adinventiones).

**) Р. Ѳома употребляетъ это слово въ томъ же смыслѣ. Knižky sestery p. 9, 101.

***) Т. е. *rečníci* (procuratores) Spisy I, p. 256.

****) *Chlapští rečníci.*

*****) Ср. I, 297.

зули, которыми они обходили законъ, покрывая глаза судей этими вымышленными заслонами правды †).

Не по отношенію къ обществу только Гусъ осуждаетъ школу. И на внутренній ея бытъ бросаетъ онъ тотъ же для нея невыгодный свѣтъ. „Мнѣ кажется,“ говоритъ онъ (I, 447), „что большинство обыкновенно отдаетъ дѣтей въ школу съ исключительною цѣлью посредствомъ ея стяжать богатство, свѣтскій почетъ, чтобы впослѣдствіи и родственниковъ своихъ повести тѣмъ же путемъ. Да и дѣти, имѣя это цѣлью, охотнѣе предаются ученію! А потому мы и видимъ, что чаще всего духовные люди ведутъ дурную жизнь, не будучи къ лучшей призваны. Такъ какъ богатство духовныхъ непрестанно возрастаетъ, въ силу этого возрастаетъ и число студентовъ и священниковъ: каждому лестно жить и богатѣть такимъ легкимъ способомъ! А потому у насъ такъ дороги сельскіе наемники (otroci), потому гибнетъ пашня, нѣтъ слугъ: каждый крестьянинъ хочетъ имѣть сына прелатомъ!“

Первые шаги пражскаго *жака* на его клерикальной карьерѣ были затрудняемы формальностями, погружающими въ мысли и заботы о корысти. „На посвященіи писари взимаютъ съ жаковства: за первое посвященіе берутъ они за бумагу 1 гр. и 1 гал., за второе 2 гр. и 2 гал., за третье по 3 гр. 3 гал., и симъ самымъ посвященіе дѣлается достойнѣйшимъ! Кое-гдѣ даютъ и золотой и болѣе, платятъ особенно за постриженіе. и привратнику, и пріемщику, слагая всю вину на епископа. И потомъ можно найти листъ посвященія гдѣ нибудь въ углу, въ грязи *)!“ Въ самой школѣ сердце юноши легко очерствляется тѣми непосильными взиманіями за ученіе, къ которымъ бѣдные студенты принуждаются алчными магистрами, украшающимися роскошной одеждой, роскошно живущими. И называются эти деньги *pastus* (т. е., *pastva — aby roskošně se*

†) Spisy I, 101, 338, 447 („lstivý klobúček“).
*) Spisy I, 419, 434.

pásli) *). Учители въ своей алчности доходятъ, наконецъ, до того, что и добраго совѣта ученикамъ своимъ не хотятъ подать, не получивши платы. „Наши *докторы* не хотѣли отвѣтить и поучить *баккалавровъ и студентовъ*, когда тѣ спрашивали ихъ, обязаны ли они, согласно съ предписаніемъ буллы, давать помощь папѣ изъ собственныхъ ихъ средствъ, Богомъ имъ посланныхъ **)." Сообразно съ такими воспоминаніями о школѣ, Гусъ въ своемъ сочиненіи о „симоніи" посвящаетъ значительную часть IX главы (I, 452—460) изображенію лицемѣрныхъ дѣйствій магистровъ и докторовъ пражскихъ, въ средѣ которыхъ, съ чувствомъ глубокаго раскаянія, даетъ мѣсто и себѣ, изображая себя въ облаченіи „magistri regentis, tabardati." ***) „Участіе въ симоніи разнообразно. Повинны въ ней и тѣ, которые способствуетъ ей своею защитой. Къ Симоновцамъ послѣдняго рода принадлежатъ весьма многіе міряне и клирики, особенно же *магистры и юристы папскіе, обороняющіе симонію въ школахъ*, оправдывающіе ее разными способами: то тѣмъ, что папа не можетъ торговать святыней, что, притомъ, никого и нельзя, собственно говоря, обвинить въ симоніи, развѣ тѣхъ, кто обличенъ и осужденъ ихъ же судомъ; а что, впрочемъ, взимается за трудъ; а всѣ эти оправданія имѣютъ одинъ свой единственный источникъ въ томъ, что и всѣ эти юристы грядутъ тѣмъ же путемъ Симоновцевъ и желаютъ имѣть много оброковъ. Послѣднее и главное ихъ оправданіе заключается въ помышленіи о томъ, что они магистры Св. Писанія и, что особенно важно, докторы, т. е., учители папскихъ правъ, и что вслѣдствіе этого самаго Богъ не вмѣняетъ высокому магистерскому званію ихъ грѣховъ: да обладаютъ они

*) Spisy I, 389. „Idem est quod minerval seu didactrum" Mon. Univ. Prag. 1, pp. 17, 76, („de pastus quantitate"), 77, 86 („de quantitate pastus exercitiorum"), 88, 107 („d. q. p. parvorum logicalium"), 83, 115 („de modo extorquendi pastum via excommunicationis"), 126.

**) Spisy II, p. 29.

***) „*Tabardum tabardus*: tunica longa; chlamys, toga: *Tunica tabardata*." Ducange.

многими оброками, и да возрастаетъ ихъ стараніями роскошь и надменность, и да воздается имъ должный почетъ въ собраніяхъ людскихъ, въ школахъ, на улицахъ!

„Затѣмъ они и носятъ длинныя мантіи, подшитыя бѣлками, горностаемъ, куницей, шелкомъ, длинныя и широкія мантіи, въ которыхъ они любятъ показываться народу.“ „Cavete a scribis, qui stolati incedere amant, et in foris salutationes, et in synagogis primas sessiones, et in coenis prima accubandi loca! *)“

„Тщательно остерегайтесь магистровъ! и остерегаться въ нихъ того именно слѣдуетъ, чтобы не подражать ихъ злымъ дѣяніямъ и не повиноваться имъ во злѣ! И священники и прелаты не осуществляютъ того, чему учатъ; но изо всѣхъ нихъ всего менѣе магистры! Довѣрчиво я внималъ въ школахъ рѣчамъ магистровъ о послушаніи, о смиреніи, нищетѣ и постоянствѣ и о другихъ добродѣтеляхъ, рѣчамъ настойчивымъ и сильнымъ, заставлявшимъ вѣрить тому, что предписанія всѣхъ исчисленныхъ добродѣтелей ими исполнены. На дѣлѣ же я не нашелъ въ нихъ ни одной изъ этихъ добродѣтелей: напротивъ, всякое ихъ дѣйствіе полно гордости, алчности, нетерпимости и непостоянства. Они обременяютъ человѣчество издаваемыми ими постановленіями, среди распрей продираются къ высшимъ церковнымъ достоинствамъ, выражаютъ гнѣвъ, если имъ не покланяются, какъ богамъ, какъ-то странно надмѣваются, если за столомъ ихъ не посадятъ на первое мѣсто и *ведутъ безконечныя распри о первенствѣ въ школахъ.* Я даже знаю, что одинъ *магистръ, монахъ, по имени Маржикъ* добылъ отъ папы буллы на первенство надо всѣми магистрами. Папа, силою своихъ буллъ, приказалъ уступить ему первое мѣсто, подъ страхомъ лишенія бенефицій, священства и всѣхъ достоинствъ, даже подъ страхомъ отлученія и, несмотря на все это монаху магистру Маржику не удалось добиться первенства. Зла была и неуступчивость, проистекающая изъ гордости, но не менѣе зла и его настойчивость: гордость съ обѣихъ сторонъ достигла своихъ

*) Marci XII.

вершинъ: такъ любятъ магистры занимать первыя сѣдалища въ собраніяхъ и украшать широкими оторочками свои платья, мантіи, табарты и биреты. О! къ сожалѣнію! и я носилъ эти табарты, платья съ крыльями и мѣховые биреты! И нельзя было мнѣ ихъ не носить, когда магистерское достоинство и доступъ къ нему такъ былъ прегражденъ, что достичь его невозможно было никому, кто не запасся этимъ уборомъ.“

„Мой рѣшительный, послѣдній номыселъ о магистерскомъ достоинствѣ таковъ: тотъ только и заслуживаетъ этого достоинства, кто стремится къ нему для исповѣди Правды Господней, кто смѣлѣе ее высказываетъ, кто смѣлѣе обороняетъ Правду. И я уже убѣдился въ томъ, что простые и бѣдные священники, бѣдные міряне и женщины упорнѣе обороняютъ Правду, нежели доктора Св. Писанія, которые по побужденіямъ страха уклоняются отъ правды и не смѣютъ ее высказывать. И, о! къ сожалѣнію! и я бывалъ такимъ же, и я не смѣлъ искренно и открыто проповѣдывать правду. О! сколько ихъ,—*князей, магистровъ, священниковъ*, не дерзающихъ исповѣдывать Христа изъ боязни отлученія, бѣгущихъ отъ лица правды изъ боязни преложить тѣлесную жизнь на смерть.“ Исповѣдь Гуса, извлеченная изъ IX гл. его „книги о симоніи“ тѣмъ болѣе знаменательна въ отношеніи историческомъ, что показанія ея, столь любопытныя для исторіи университета, оправдываются во всѣхъ частностяхъ данными оффиціальныхъ университетскихъ актовъ. Споры и тяжбы о первенствѣ мѣста въ совѣтахъ, процессіяхъ (in consiliis, processionibus, offertoriis), въ спискахъ (in rotulis) и во всѣхъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ актахъ школьныхъ, привели къ тому, что еще въ 1392 г. была назначена комиссія изъ 6 магистровъ, избранныхъ изъ состава всѣхъ факультетовъ университета, и ею выработанный статутъ былъ прочтенъ въ засѣданіи университетскаго совѣта 28 марта того же года часто упоминаемымъ Николаемъ Губиномъ и впослѣдствіи внесенъ въ книгу статутовъ подъ титуломъ „De concordia facultatum in universitate“ *). Предсѣдатель комиссіи, „arbiter arbitra-

*) Monum. Univ. Prag. III, pp. 18—19.

tor,“ съ единогласнаго рѣшенія своихъ „coarbitratores“ объявилъ дѣйствующимъ и обязательнымъ слѣдующій порядокъ: университету предшествуетъ ректоръ; за нимъ слѣдуютъ магистры теологіи, доктора каноническаго права, доктора права гражданскаго, магистры медицины; за ними слѣдуетъ деканъ факультета семи свободныхъ искусствъ, предшествуя лиценціатамъ всѣхъ факультетовъ и многочисленному сонму окончившихъ полный курсъ богословія, баккалавровъ (baccalarii formati, s. dispositi) и курсоровъ теологіи *); въ ихъ средѣ находило себѣ соотвѣтствующую степень почета и магистерское достоинство in artibus, ибо порядокъ, въ которомъ слѣдовали другъ за другомъ baccalarii formati и baccalarii cursores, условливался старшинствомъ ихъ производства въ степень магистра in artibus, которую большинство богословскихъ баккалавровъ пріобрѣтало до окончанія курса богословія. Шествіе замыкалось лиценціатами in artibus (всегда возрастомъ младшими) и баккалаврами остальныхъ факультетовъ **). Пеня за его нарушеніе была назначена весьма строгая: факультетъ, коему принадлежитъ нарушитель *конкордіи*, вмѣненной въ статутъ, платилъ 2000 фл., изъ которыхъ одна часть шла въ пользу праваго, другая же въ пользу университета; самъ же нарушитель отлучался на мѣсяцъ отъ всѣхъ университетскихъ актовъ, а въ случаѣ упорства, терялъ свое мѣсто и занималъ послѣднее за шествіемъ ***). Гусъ въ тотъ годъ, когда *конкордія* состоялась, какъ простой студентъ (suppositum), въ шествіи мѣста имѣть не могъ, на слѣдующій по ней годъ онъ получилъ его въ рядахъ баккалавровъ семи свободныхъ искусствъ. Въ эти годы университетъ преуспѣвалъ какъ въ ученіи, такъ и въ томъ внѣшнемъ благоустройствѣ, которое составляетъ столь необходимое условіе для процвѣтанія школы. Кромѣ внут-

---

*) „Baccalarii *cursores* sunt theologiae candidati primi generis, qui ad *cursum* theologicum explicandum admittuntur, Bibliorum nempe, postea libri Sententiarum Petri Lombardi“. Ducange.

**) Statuta univ. Prag. pp. 18—19.

***) Ibidem pp. 19, 21.

ренней *конкордіи* факультетовъ совѣтъ университета истощалъ всѣ возможныя усилія для того, чтобы добыть изъ Рима запоздавшія привилегіи и уставъ консерваторій *), коимъ бы обезпечивалась судебная автономія университета въ дѣлахъ всякой инстанціи. Въ 1397 году, слѣдовательно въ слѣдующемъ по производствѣ Гуса въ степень магистра artium, дарована была университету привилегія судебной автономіи, и симъ самымъ исполнилось давнее желаніе Университета,—имѣть свое „conservatorium" **). Съ дарованіемъ судебной автономіи состояли въ неразрывной связи всѣ матеріальные интересы академіи; наконецъ, самый внутренній ея строй и объемъ ректорской власти обусловился ею же. Своихъ консерваторовъ имѣла каждая изъ націй академіи, за исключеніемъ Саксонской: Чешская —въ Прагѣ, Баварская—въ Майнцѣ, Польская—въ Бреславлѣ. Всѣ эти три епископскіе престола были удалены отъ саксонскихъ областей, въ которыхъ владѣли въ Прагѣ учащіеся бенефиціяты саксонской націи. До 1397 г. эта многочисленная и богатая нація должна была довольствоваться въ своихъ тяжебныхъ дѣлахъ двумя, къ опредѣленнымъ двумъ пунктамъ назначенными (irrevocabiles), субконсерваторами, которыхъ ей удѣлили три остальныя націи. По папской привилегіи 1397 г., бенефиціяты могли пользоваться безпрепятственно доходами съ своихъ бенефицій, и тогда возрасла потребность въ усиленномъ органѣ консерваторія для саксонской націи. Она потребовала отъ остальныхъ націй или упраздненія титула „irrevocabiles" отъ двухъ существующихъ субконсерваторовъ, или ихъ численнаго усиленія. Съ общаго согласія, для этой цѣли наряженная коммиссія отдѣлила отъ консерваторія остальныхъ трехъ націй по два субконсерватора съ каждой, слѣдовательно шестерыхъ субконсерваторовъ съ качествомъ irrevocabilitatis. Эти иностранные (extranei) прокураторы по имущественнымъ и бенефиціяльнымъ тяжбамъ пражскихъ магистровъ, баккалавровъ и студентовъ были связаны съ

*) „Conservatores privilegiorum Academiae".

**) Statuta univ. Prag. pp. 31—41.

университетскою властію тѣмъ узаконеніемъ, по которому ни одинъ вызовъ на судъ и никакой актъ тяжбы не былъ дѣйствителенъ, если тяжущійся не былъ снабженъ ректорскимъ сигнетомъ *), оплачиваемымъ пошлиною въ 3 гроша со студента, въ два съ баккалавра и въ 1 гр. съ магистра. Симъ самымъ, слѣдовательно, возрасталъ на столько же университетскій фискъ, насколько и объемъ ректорской власти. Послѣдній былъ опредѣленъ булою папы Бонифація IX, въ одно время съ остальными привилегіями (21 декабря 1397 г.) **). Отъ лица императора Вячеслава IV была исходатайствована була, содержащая въ себѣ дарованіе ректору власти (concedimus potestatem) изслѣдовать (inquirendi) всякаго рода преступленія, совершаемыя членами университета, или кѣмъ бы то ни было противъ членовъ университета, опредѣлять характеръ и вмѣняемость этихъ преступленій, равно какъ и порядокъ суда, противъ нихъ вчиняемаго, безъ обычныхъ формальностей, по собственному усмотрѣнію (summarie, simpliciter et de plano, sine strepitu et figura judicii procedendi), и безъ всякой апеляціи (appellatione remota). Самое наказаніе за эти преступленія опредѣлялось, по смыслу булы, произволомъ ректора: „ipsa que crimina, delicta et excessus *juxta canonicas sanctiones* corrigendi et puniendi, ac carceres publicas et privatas pro hujusmodi correctione et punitione fiendis eligendi et tenendi potestatem concedimus". Булою предусмотрѣны и тѣ случаи, въ которыхъ ректоръ могъ бы осуществлять свою обширную юрисдикцію помощію „свѣтской руки" (invocato *auxilio* brachii saecularis). Это несоразмѣрное бремя правъ возлагалось на клерика, лишь бы онъ былъ ректоромъ университета, и не облегчая его во вниманіе къ малому его клерикальному достоинству: не будучи ниже каноникомъ, ниже пребендатомъ, ректоръ могъ довольствоваться низшею степенью священства (in minoribus ordinibus duntaxat constitutus). Позже, уступая просьбамъ, папа Инокентій VII булою отъ 13 января 1405 года

*) „Signetum est idem quod sigillum, praecipue si minus est." Dufresne.
**) Monumenta histt. univ. Prag. II, 2, pp. 370—374 (№ XLV).

расширилъ власть пражскаго ректора, присоединивъ къ ней, въ виду частыхъ упраздненій архіепископскаго престола, и канцлерское право возводить въ степени магистровъ, докторовъ и даровать право ученія (licentiam docendi) *).

Исходатайствованіе изложенныхъ привилегій удалось пражскимъ магистрамъ при помощи значительныхъ денежныхъ издержекъ. Возмездіе принято было тою полной рукой, какою были удѣлены привилегіи. Мѣра пользованія столь широкими привилегіями была обусловлена университетскимъ совѣтомъ и четырьмя изъ его среды избираемыми ректорскими консиліяріями **); цѣна же ихъ должна была немѣдленно осуществиться звонкою монетой. Торжество ходатаевъ обошлось тяжелой поголовной податью со всѣхъ безъ изъятія членовъ университета. Коммисіей четырехъ магистровъ было найдено справедливымъ обложить коллегіатовъ Всѣхъ Святыхъ 18 грошами подати, коллегіатовъ Карла двѣнадцатью, коллегіатовъ Вячеслава (Regis) восемью. Мѣра встрѣтила сочувствіе со стороны членовъ коллегій, избирателей въ ректорское достоинство. Послѣднее становилось спорнымъ пунктомъ между университетскими партіями. Облекшись ректорскою властію, коллегіатъ давалъ своей партіи преобладаніе надъ противною, во всемъ, что было ею обусловлено. Контрибуція была предложена, по обнародованіи папскихъ привилегій, въ присутствіи публичнаго нотаріуса и свидѣтелей. По старшинству первый далъ свое согласіе проф. Св. Богословія магистръ Menso de Beckhusen, уплатившій здѣсь же, въ засѣданіи (parata in pecunia) свои 16 гр. и немедленно оставившій залу совѣта. Также легко приняли контрибуцію остальные коллегіаты. Для младшихъ членовъ академіи уплата соотвѣтствующей доли контрибуціи была распредѣлена по націямъ, и въ принудительныхъ мѣрахъ къ ея осуществленію недостатка не было. Нѣмцы, засѣдавшіе въ совѣтѣ въ безотносительномъ большинствѣ, владѣли клю-

*) Monum. histt. univ. Prag. II, 2, pp. 413—416 (№ LV).
**) Statuta pp. 40—41: tit. „de signeto et usu privilegiorum“.

чемъ къ привилегіямъ и печатью университета. Ректорскіе выборы рѣшались ими. Всѣ послѣднія событія во внутренней жизни академіи клонились къ ихъ выгодѣ. Здравое пониманіе выгодъ не допускало и мысли о возможности внутренней интриги и раздора въ ихъ средѣ. Смятеніе внутренняго порядка академіи должно было произойти извнѣ, изъ среды, сильной своею законодательною властью.

Обращаясь къ той средѣ, откуда изошла законодательнымъ путемъ состоявшаяся реформа національнаго состава академіи, мы еще разъ напомнимъ себѣ то безпомощное состояніе, въ которомъ современные документы и хроники изображаютъ намъ дворъ Вячеслава IV. На немъ получало новое оправданіе извѣстное правило: лишь тотъ призванъ управлять другими, кто обладаетъ собой, чьи душевныя силы не потеряли своего внутренняго равновѣсія. На недалекомъ разстояніи отъ 1397 г., когда были введены въ дѣйствіе статуты, основанные на вышеизложенныхъ папскихъ привилегіяхъ, 23-го марта 1398 г. Вячеславъ IV торжественно въѣзжалъ въ Реймсъ съ цѣлью уговориться въ общихъ дѣйствіяхъ съ родственнымъ ему королемъ Карломъ VI по дѣлу о папскомъ расколѣ. Въ числѣ сопровождавшихъ его мы находимъ р. Гануша Мюльгейма, его секретаря пражскаго проф. Николая Евичьку. Уже тогда, слѣдовательно, когда въ руки университетскаго совѣта, при его посредствѣ, было дано столь опасное орудіе интриги, тогда онъ уже находился подъ вліяніемъ лицъ, умѣвшихъ и въ это время и позже пользоваться безсиліемъ его воли въ видахъ интриги. Интимная среда, въ которую онъ себя поставилъ, не вносила въ его жизнь ничего отрезвляющаго. Королевскіе послы, пришедшіе 25-го марта съ приглашеніемъ Вячеслава къ столу въ королевскомъ дворцѣ, такъ впослѣдствіи изображали состояніе вѣнчаннаго гостя:.... „Omnibus notum erat, quod rudissimus existens et incomptus moribus, curialitates regias penitus negligebat, gulaeque et vino deditus, comessationes quotidianas reiterans, nunc ventre pleno se jam sopori dederat; et sic in convivio regio, amore sui sumptuosissime praeparato, non potuit in-

teresse." *) Не смотря на всѣ преимущества, которыя давалъ ему императорскій санъ, онъ не могъ прійти ни къ чему. Только этими тяжелыми впечатлѣніями можно объяснить тотъ дерзкій и карательный тонъ, который осмѣлился принять позже въ 1409 году французскій посолъ въ увѣщаніи, произнесенномъ отъ имени короля Карла VI въ торжественной аудіенціи, данной ему Вячеславомъ въ Прагѣ. **)

Къ тому времени университетская интрига, начавшаяся въ 1397 году, успѣла вполнѣ созрѣть, и устами королевскаго посла Парижская alma предостерегала свою Пражскую питомицу отъ угрожавшаго ей паденія. Содержаніе рѣчи, главнымъ образомъ, относится къ папскому же расколу (между Бенедиктомъ и Григоріемъ), и въ ней находимъ прямыя упоминанія о Реймскомъ свиданіи и тамъ заключенномъ договорѣ: ***) всѣ тѣ ея мѣста, гдѣ говорится объ „unitas", „unio", хотя и менѣе опредѣленныя по содержанію, должны быть отнесены къ мысли объ умиреніи папскаго раскола. Указывая на папскій расколъ, какъ на соблазнительный примѣръ для всего христіанскаго міра, ораторъ приводитъ мѣстныя распри за pallium между искателями епископскихъ каѳедръ: святыня подвергается оскорбленію, и миро, коимъ сегодня помазалъ епископъ свою паству, завтра подвергается проклятію его соперникомъ. ****) Всему подобному раздору церкви ораторъ ищетъ умиротворителя въ Пражскомъ Университетѣ. *****) Въ немъ собраны *всѣ націи во едино*: такъ,

*) Chronique du religieux de St. Dénys apud Palacky III, I, p. 112 adn. 125.

**) Oratio legati Caroli VI Francorum regis ad Wenceslaum Romanorum et Bohemiae regem. Fontes. Scriptores VI, 2, pp. 174—187.

***) „Si rex promissum jam tibi in civitate Remensi (1398) compleverit, et Tu non praetereas dictorum mutuo ad memoriam revocare." Fontes l. c. p. 178.

****) Ibidem p. 175.

*****) Ibidem: „Pragensis Universitas" (не „Parisiensis", какъ ошибочно прочелъ Гёфлеръ). Рука Гуса, которой принадлежитъ списокъ приводимой рѣчи, можетъ быть, замѣнила слово „Pragensis" словомъ „Parisiensis?"

волею великаго и святаго Карла (IV) вскормленный грудью св. имперіи и окрѣпшій въ духѣ единства, онъ призванъ къ тому, чтобы быть оплотомъ и твердыней противъ разбивающихся о него ересей и раздоровъ, и не призванъ онъ къ тому, чтобы болѣе хранить о нихъ молчаніе. И тѣмъ болѣе Пражскій Университетъ можетъ быть въ дѣлѣ раскола предъизбраннымъ голосомъ св. имперіи, что доселѣ онъ не былъ ни дарами, ни обѣтами привлеченъ къ лицепріятію кого-либо изъ соперниковъ тіары. „И не можетъ онъ быть названъ невѣдущимъ *), ибо со всѣхъ концовъ, твоей христіанской (Вячеславовой) имперіи онъ вмѣщаетъ въ себѣ людей ученѣйшихъ, опытнѣйшихъ, и, притомъ, въ большомъ числѣ." Горькое ядро рѣчи отравляетъ ее въ цѣломъ составѣ, какъ въ началѣ, въ срединѣ, такъ и въ концѣ ея. Въ самомъ ея началѣ произнесъ ораторъ: „изъ раскола произрастаютъ ереси и заблужденія: смертной враждой къ брату заражается сердце брата, и другъ покидаетъ друга, и въ средѣ искренне и чисто исповѣдуемой вѣры, гдѣ Галъ не разнствуетъ съ Мадьяромъ, и Алеманъ съ Грекомъ, и Испанецъ съ островитяниномъ Кипра, гдѣ Галъ чувствуетъ себя Бритомъ и наоборотъ, Бритъ — Галомъ, въ этой средѣ зараждается вражда, и нація возстаетъ на другую, дотолѣ ей родственную." **) Въ этихъ словахъ содержится и напоминаніе величія, котораго достигъ Пражскій Университетъ въ эпохѣ роковой розни его національностей и предостереженіе отъ близкой гибели. Лично укоряя Вячеслава французскій ораторъ произнесъ: „*Potestas dormit in dormitante* et non consequitur suos affectus! Christianissime rex! nullo modo patiaris, quod scribentes omnium temporum gesta, te *inutilem* memorent *principem*." ***)

Изъ этихъ порокомъ и коснѣніемъ ослабѣвшихъ рукъ вышла реформа университета! Если умственная косность Вячеслава долгый рядъ лѣтъ противодѣйствовала всѣмъ

*) "Nec potest nuncupari indocta" (не „nunciari", какъ ошибочно прочелъ Гёфлеръ). Fontes l. c. p. 176.

**) Fontes l. c. p. 174.

***) Ibidem p. 180.

попыткамъ пробужденія, то тѣмъ легче было окружавшимъ его любимцамъ сдѣлать его волю послушнымъ орудіемъ внушеній, для него самого совершенно неясныхъ, ни въ ихъ началѣ, ни въ ихъ послѣдствіяхъ. Законодательная власть въ его лицѣ становится орудіемъ интриги, теряя все свое достоинство. Исполненіе ея сопряжено съ состояніемъ безправія, рѣзко характеризующимъ эпоху. Мѣра законодательной власти въ самую эпоху своего исполненія, равно какъ и въ своихъ послѣдствіяхъ, сопутствуется цѣлымъ рядомъ насилій, убійствъ—тайныхъ и явныхъ, и ни одинъ актъ этого исполненія не получаетъ печати права: эпоха не завѣщала потомству ни одного нотаріальнаго акта. Наши свѣдѣнія о реформѣ, всѣ безъ исключенія, хронографическаго происхожденія. Какъ они ни достовѣрны, все же нельзя не ощущать характеристическаго недостатка въ документахъ публичнаго права. Несмотря на все свое расположеніе къ народному дѣлу Чеховъ, „Chronicon Universitatis“, свидѣтель современный событіямъ, *) предваряетъ и сопровождаетъ реформу происшествіями, по духу ей родственными. Вѣрно слѣдуя чредѣ времени, такъ воспроизведемъ текстъ современной хроники: „Въ 1408 г. въ воскресенье, въ день Св. Доминика съ утра были прибиты подметныя письма, содержащія въ себѣ грубѣйшія клеветы на Г. Архіепископа Пражскаго, канониковъ *и нѣкоторыхъ Чешскихъ магистровъ*.“

„Въ томъ же году въ день Рождества Господня *магистръ Зденекъ Лабунскій ударилъ въ лицо одного студента* въ преддверіи церкви св. Гала **), послѣ чего другой студентъ ранилъ кліента Магистра Зденка, по имени Касату, въ лѣвую сторону головы. Касата, такъ раненый, дошелъ до церкви Св. Якова и тамъ упалъ. Пораженный апоплексическимъ ударомъ правой стороны, онъ не говорилъ почти полгода.“

---

*) Ср. выше стр. 35 *). Fontes I, 2, 1, pp. 9—11.

**) Церковь эта всегда служила каѳедрою для болѣе знаменитыхъ проповѣдниковъ. Въ ней проповѣдывали: Конрадъ Вальдгаузеръ, Стефанъ Палечъ, Іоаннъ Гусъ и др.

„Въ 1409 году въ субботу передъ праздникомъ Очищенія Пресвятой Дѣвы (2 февраля) были созваны Магистры всѣхъ четырехъ націй. Имъ было прочтено посланіе Государя Короля, коимъ Его Величество повелѣваетъ тремъ нѣмецкимъ націямъ имѣть одинъ голосъ, а націи Чешской имѣть три голоса: въ экзаменахъ, выборахъ, совѣщаніяхъ и пр. Тѣ три націи не хотѣли принять этого приказанія къ исполненію и по этой причинѣ впослѣдствіи времени удалились."

„Въ томъ же году на пятой феріѣ, ближайшей по праздникѣ Св. Станислава, приблизительно въ XIII часъ дня, въ припадкѣ страха, были сданы ректоромъ Пражскаго Университета маг. Генингомъ Балтегагеномъ знаки ректорскіе т. е. печать университетская и матрикулы. Они были сданы имъ въ факультетской камерѣ, въ соприсутствіи магистровъ четырехъ націй, всѣхъ гласныхъ староиѣстскихъ и г. нотаріуса, начальника монетнаго двора кутногорскаго Николая. Послѣ сего была читана нѣкая грамота Государя Короля публично, во дворѣ Карловой коллегіи, въ коей Его Величество приказываетъ *магистра Зденка Лабунскаго принять въ ректора* а Симона Тишновскаго въ декана факультета семи свободныхъ искусствъ. И такъ, вскорѣ за симъ, удалились магистры, бакалавры и студенты всѣхъ трехъ націй, каждый во свояси, а впослѣдствіи времени сошлись въ Липскѣ (Лейпцигѣ), гдѣ въ томъ же году папою Александромъ V и было утверждено главное ученіе."

„Въ томъ же году, въ канунъ Тѣла Христова, задержанъ былъ бакалавръ искусствъ Смитдакеръ, сынъ Генслина, убившій нѣкоего юношу снятіемъ головы и схоронившій его въ новомъ, тщательно задѣланномъ сосудѣ, который и былъ найденъ въ домѣ, именуемомъ „Домажлицкій." Спустя нѣсколько дней онъ былъ казненъ обезглавленіемъ."

„Въ 1410 г., въ день св. Тимоѳея, *былъ задержанъ Магистръ Зденекъ и отведенъ въ темницу.*"

„Въ томъ же году нѣкій Полякъ, по занятію глашатай и разнощикъ писемъ, вмѣстѣ съ своими покровителями, злословилъ на Виклефа, за что и былъ въ Старомъ Мѣстѣ бичеванъ, въ день св. Марка Евангелиста."

Страхъ, въ припадкѣ котораго магистръ Балтенгагенъ *) сдалъ ректорскіе знаки, объясняется устрашающими обстоятельствами акта, описанными подробнѣе, чѣмъ въ приведенной хроникѣ, въ обвинительныхъ статьяхъ противъ Гуса, составленныхъ Михаиломъ de Causis въ Констанцѣ. **) „Вопервыхъ, зовомый Гусъ, имѣя намѣреніе посѣвать заблужденія, впослѣдствіи имъ осуществленное, и зная, что встрѣтитъ сопротивленіе со стороны нѣмецкихъ магистровъ Пражскаго Университета, считалъ для себя опаснымъ тѣ три голоса, при помощи которыхъ Нѣмцы могли бы дѣлать заключенія противъ него, имѣющаго поддержку лишь въ одномъ голосѣ чешской націи. По этому побужденію имъ было устроено такъ, что Нѣмцы остались при одномъ голосѣ, а онъ и его сторона получили три, тогда какъ *издавна* была подѣлена академія на существующія націи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы три нѣмецкія націи имѣли три голоса, чешская же одинъ, и всякій вступавшій въ нее, присягалъ въ вѣрномъ храненіи этого древняго соглашенія. Настояніемъ зовомаго Гуса, помощію исполнительной власти свѣтской руки, было востребовано отъ трехъ нѣмецкихъ націй, чтобы онѣ отказались отъ своихъ трехъ голосовъ и остались при одномъ въ ближайшемъ же предстоящемъ актѣ избранія ректора, и, какъ скоро они отказались отъ соучастія въ этихъ кривоприсяжныхъ выборахъ, Университету, въ осуществленіе реформы, данъ былъ ректоръ (Зденекъ Лабунскій). Видя это, Нѣмцы упредили актъ отреченія своимъ отшествіемъ изъ Праги, къ которому ближайшимъ побужденіемъ для нихъ было и чувство самосохраненія. Такъ опустѣло это высшее ученіе, создавшее по разнымъ факультетамъ столь многихъ великихъ мужей.“ Вникая въ свидѣтельства, отмѣченныя характеромъ особенной подлинности, мы заключаемъ изъ нихъ, что мысль о реформѣ и ея настойчивое преслѣдованіе принадлежитъ исключительно Гусу; осуществленіе же ея тому лицу, которое явилось представителемъ исполнительной власти при

*) „Metu compulsus tradidit“ Fontes l. c. p. 9.

**) Fontes l. c. p. 205. Михаилъ de Causis былъ Чехъ, иначе именуемый „de Smradař.“ Documenta p. 174.

торжественномъ чтеніи королевской грамоты, нотаріусу Николаю. Тѣ изъ магистровъ коихъ самъ Гусъ считалъ своими единомышленниками, лишь молча попускали его намѣренія, скрывая молчаніемъ ихъ неисполнимость. Едва реформа состоялась, какъ всѣ они отшатнулись какъ отъ нея, такъ и отъ ея виновника.

Изъ вѣрныхъ *устъ* можно возстановить серію событій, по свидѣтельствамъ и обвинительнымъ статьямъ, внесеннымъ въ акты Констанцскаго собора. Публичный нотаріусъ Вячеславъ изъ Водерадъ показывалъ такъ: „я слышалъ изъ устъ Гуса, какъ онъ, проповѣдуя къ народу, сказалъ: „дѣти! Слава Богу Всемогущему за то, что мы выгнали Нѣмцевъ и достигли того желаемаго (*habemus propositum*), на чемъ настаивали. Мы побѣдили, благодаря господину (нотаріусу) Николаю Августа, просьбы котораго передъ королемъ были особенно вліятельны.*) Не менѣе достовѣрныя показанія убѣждають въ томъ, что лично ни Гусъ ни Іеронимъ не повліяли на дворъ. Напротивъ, докторъ Назо свидѣтельствуетъ, что король Вячеславъ, легко согласился съ правотою жалобъ, которыя принесли ему магистры трехъ обиженныхъ націй. Раскаяніе въ поспѣшномъ рѣшеніи дѣла онъ согласно съ своимъ несдержаннымъ характеромъ тотчасъ же выразилъ въ слѣдующихъ словахъ къ Гусу и Іерониму, пришедшимъ вслѣдъ за нѣмецкими магистрами: **) „Tu (i. e. M. Hus) semper facis mihi disturbia cum socio tuo Jeronimo. Et *si illi, quorum interest, non providebunt*, ego faciam vobis ignem fieri.“ Можно даже утверждать, что до того времени, когда состоялась университетская реформа, Гусъ умѣлъ тщательно скрывать всѣ свои мысли, всѣ свои намѣренія: въ ней онъ былъ впервые узнанъ. Отзывъ о немъ, данный въ 1414 г., передъ дорогой въ Констанцъ, инквизиторомъ пражской діоцезы епископомъ Николаемъ, ***) заставляетъ думать, что даже предъ

---

*) Fontes l. c. p. 201. Documenta pp. 183—184.

**) Ibidem p. 217.

***) „Inquisitor hæreticæ pravitatis, episcopus Nazaretensis“, заслужившій эпитетъ „cumdaemone“, если не искать въ немъ народнаго, итальянскаго прозвища „Condemone“, съ Палацкимъ in Documentis p. 542.

его лицемъ Гусъ умѣлъ скрывать истинное значеніе своихъ дѣйствій, слагать свою за нихъ отвѣтственность, обманывать призрачною уступчивостью, привлекать, подкупать. *Инквизиторъ* такъ свидѣтельствуетъ о Гусѣ: „Я много разъ видался съ М. Іоанномъ Гусомъ, ему въ пирахъ состольничая, бывалъ на его проповѣдяхъ; и ни въ обращеніи съ нимъ, ни въ общихъ съ нимъ изысканіяхъ о матеріяхъ Св. Богословія, ни въ чемъ и никогда не находилъ я его заблуждающимся, но, напротивъ, во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ я узнавалъ истинно-католическаго мужа и не находилъ въ немъ ничего, чтобы отзывалось заблужденіемъ или ересью.“ *) Ипокриза и мистификація, расчитанная на многіе годы, приводили любознательнаго Гуса въ пыточную камеру, гдѣ онъ вступалъ даже въ бесѣды съ инквизиторами, во время исполненія ими обязанностей, возложенныхъ на нихъ церковью. Отвѣчая на обвинительную статью „о преимуществѣ клятвы живымъ Богомъ передъ клятвою образомъ или пергаменомъ,“ Гусъ расказываетъ о себѣ слѣдующее: **) „Я произнесъ это передъ инквизиторами еретиковъ маг. Маврикіемъ и епископомъ Ярославомъ и передъ викаріемъ, которые, во время мученій, коимъ они подвергали священника Авраама, обратились ко мнѣ со словами: онъ не хочетъ поклясться. И въ ихъ присутствіи я сказалъ Аврааму: ты не хочешь поклясться! И Авраамъ отвѣтилъ мнѣ: я имъ клялся живымъ Богомъ, что буду говорить истину; но они настаиваютъ на клятвѣ евангеліемъ и распятіемъ. Тогда я, Іоаннъ Гусъ, сказалъ инквизиторамъ, что Св. Іоаннъ Златоустъ называетъ глупыми тѣхъ, кто вымогаетъ клятву твореніемъ, какъ бы клятва твореніемъ имѣла большее значеніе, чѣмъ

---

*) D. Nicolaus non compulsus aut coactus, sed sponte libere ac publice ibidem recognovit, dicens haec vel similia verba *in vulgari Bohemico.*“ Documenta p. 242. Ложное положеніе, въ которомъ очутился инквизиторъ Николай въ Констанцѣ, подробно описано въ интересномъ письмѣ анонима dat. Constantiae, 1415, 2 Apr. in Documentis pp. 541—543.

**) Documenta pp. 184—185.

клятва Творцемъ. И тутъ же во гнѣвѣ произнесъ викарій, по имени Kbel: ha magister! vos venistis huc ad audiendum non ad arguendum. Я сказалъ ему: Вы хотите осудить этого священника, утверждая, что онъ держится вальденскихъ заблужденій, тогда какъ онъ вамъ клялся Богомъ: справедливо ли это? И многое другое говорилъ я имъ." *) Смѣлость и самоувѣренность предъ лицемъ опасности имѣла свое противовѣсіе въ осторожности и скрытности, которыя руководили волею Гуса въ другихъ случаяхъ. Онъ выжидалъ что сила ближайшихъ событій приметъ на себя все бремя отвѣтственности за его искусительныя дѣйствія!

Такъ, когда на соборѣ поднялся Стефанъ Палечъ и произнесъ: „не только иностранные, но и изъ Чешской націи многіе доктора ради него и его распоряженій были изгнаны! И доселѣ нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ изгнаніи, въ Моравіи!" Гусъ отперся: „Не правда! не ради меня они были изгнаны! Меня и въ Прагѣ не было въ день ихъ отшествія!" **) Тѣмъ съ большею боязливостью и ею внушаемой скрытностью ожидали исхода интриги тѣ чешскіе магистры, въ которыхъ Гусъ готовъ былъ видѣть своихъ единомышленниковъ. Даже тѣ немногіе, которые по личной пріязни считали всякое дѣло Гуса общимъ, и тѣ предостерегали его. Магистръ Маркъ такъ увѣщевалъ его: „Любезный магистръ Іоаннъ! ты хорошо знаешь, что мы рядомъ съ тобой стали противъ Нѣмцевъ, и однако—граждане пражскіе не негодуютъ ни на кого изъ насъ, кромѣ тебя одного, утверждая, что ты изгналъ Нѣмцевъ, *ты лишилъ Пражанъ средствъ жизни*; равнымъ образомъ, Нѣмцы не столько намъ угрожаютъ, сколько тебѣ одному. ***) Еще яснѣе показалъ ему слабую сторону дѣла магистръ Андрей Бродскій. ****) Гусъ умолялъ его сказать: правое ли дѣло онъ началъ? Андрей отвѣ-

---

*) „Habet pro se etiam generaliter omnes hæreticos." Michael de Causis in articulis pro condemnatione M. I. Hus.

**) Fontes l. c. p. 217.

***) Fontes VI, 2, p. 156 (№ 12).

****) Fontes II, 1. p. 199.

тилъ: „о Гусъ! нѣтъ намъ освободителя въ этомъ дѣлѣ.“ На что Гусъ возразилъ: „надѣюсь, что мы его будемъ имѣть!“ „И въ послѣдствіи“, разсказываетъ Гусъ, „когда я лежалъ въ немощи, я спросилъ опять его (т. е. Андрея Бродскаго), когда онъ пришелъ къ моему одру болѣзни съ маг. Іоанномъ Эліе: справедливо ли намъ имѣть три голоса? И оба они отвѣтили мнѣ: о! еслибы Богъ далъ! *Мы* же не можемъ достичь этого! На это я имъ сказалъ: вотъ онъ! глашатай съ царской грамотой къ университету! вотъ она, читайте! Прочтя грамоту, они возрадовались и одобрили. Я близокъ къ смерти, сказалъ я имъ; если я умру, настаивайте вы на справедливости и на освобожденіи нашей народности.“ Къ счастію, кромѣ этихъ отрывочныхъ извѣстій, достаточныхъ для отвѣта лишь на первые вопросы пытливости, мы имѣемъ обширную апологію реформы, въ которой апологетъ собралъ все, что въ глазахъ его, пораженныхъ безправіемъ, современиковъ могло ее оправдать. Апологія написана во дни реформы и озаглавлена словами: „Anno domini 1409 currente haec facta sunt per magistrum Hus et alios magistros.“ Въ ней, наконецъ, находимъ отвѣтъ на вопросъ, съ которымъ такъ часто, но тщетно обращался Гусъ къ своимъ друзьямъ: „*an justum esset habere Bohemos tres voces*?“ Кардинальная точка въ доказательствѣ правоты чешскаго большинства держится на противуположеніи принятаго академическимъ обычаемъ и утвержденнаго присягами порядка, по которому три націи получили естественное преобладаніе надъ одною, тому новому распорядку, который сочли Чехи хорошимъ, справедливымъ и *истиннымъ*: bonum, justum, *verum*. Въ противуположность этимъ эпитетамъ, коими они украсили реформу, эпитетъ *prisca* при словѣ *consuetudo* былъ замѣненъ эпитетомъ *mala*. Итакъ, вращая свою аргументацію на игрѣ отвлеченныхъ понятій *consuetudo*: *veritas*, апологетъ полагаетъ ея основный камень въ слѣдующемъ: dominus dicit (in. ev. Io.): *ego sum veritas*; non dicit: *ego sum consuetudo* *). Не говоря о схоластической

*) Fontes VI, 2, pp. 160—161. Наша антитеза: „Dominus dicit: *ego sum veritas*; non dicit: *ego sum caritas*“ (?!)

искусственности такого примѣненія оно не выдерживаетъ критики тѣхъ школьныхъ предписаній логики, кои были тогда обязательны для каждаго: „argumentum ab auctoritate negative non valeat.“

Всего болѣе затрудняетъ апологета документальная сторона дѣла. Мы выше показали что въ интересахъ національности пользоваться учредительными грамотами вполнѣ невозможно,—„*impossibile in causa*“. По примѣру прежнихъ ходатаевъ (1385 г.), снова поднялась игра съ словами „evocare“, „gratitudinis participium“ и пр. Но все же апологетъ долженъ былъ признаться, что „expresse, in propria forma“ учредительныя грамоты не содержатъ въ себѣ дарованія трехъ голосовъ богемской націи университета. Здѣсь онъ, хотя и безсознательно, примѣняетъ выше приведенное логическое правило объ отрицательномъ безсиліи авторитета самымъ неумѣстнымъ образомъ: ибо учредительныя грамоты *вовсе ничего* не говорятъ и не могли говорить о національностяхъ университета и потому за „auctoritas“, къ которой бы было примѣнимо это правило, приняты быть не могутъ. *) Въ замѣнъ вполнѣ отсутствующихъ документальныхъ доказательствъ древняго времени, апологетъ ищетъ опоры въ новѣйшихъ грамотахъ Вячеслава и въ ихъ способѣ обозначать три *не славянскія* націи словами „natio theotonica **)“. Единственное число и самое слово *una*, еслибы оно даже придавалось въ этихъ случаяхъ къ словамъ „natio theotonica“, не имѣютъ ни какой юридической доказательности потому самому, что такой способъ обозначенія имѣетъ смыслъ чисто предикативный, а не юридическій.

„*Veritate manifesta cedat consuetudo*“,—слова апологіи, на

*) Ibidem: Hic non est valor (Гёфлеръ color) in ista argucia, quae tantum valet sicut illa: non habetur expresse in litteris papalibus et imperialibus, quod tres homines habere deberet rex Wenceslaus in Boemia, igitur non debet rex W. habere tres homines in Boemia et cet. sim. (!?).

**) Ibidem p. 157.

которыхъ зиждется вся ея аргументація, содержатъ въ себѣ, по собственному молчаливому сознанію ея автора, то логическое заблужденіе, по коему доказуемое принимается за доказанное, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова—petitio principii. Апологетъ въ отчаяніи покинулъ свое доказательство изъ самыхъ документовъ и началъ аргументацію снова, съ того конца, который къ ней еще менѣе относится чѣмъ сами документы. По понятіямъ времени государь при учрежденіи университета имѣлъ значеніе лишь покровителя (fautor) такого клерикальнаго учрежденія, которое заимствуетъ свою силу и авторитетъ отъ верховнаго главы церкви (папы). Покинувши тщетныя доказательства изъ документовъ, онъ переходитъ къ доказательству изъ ихъ верховно-королевской интерпретаціи, давая такимъ посредствомъ всему сказанному значеніе безаппелляціонное, не допускающее противузаконнаго упрямства въ пререканіи: „interpretatio bullae aureae *per principem* facta" (p. 163): ее онъ вмѣняетъ современной наукѣ! На этомъ апологетъ остановился съ чувствомъ удовлетворенія, и во всемъ остальномъ исходитъ онъ изъ этой точки. Самыя присяги разрѣшаются ею, и всякое ей противное постановленіе становится тщетнымъ, недѣйствительнымъ, пустымъ (cassum, irritum, inane). Выступивъ изо всѣхъ границъ логики, онъ приписываетъ crimen rebelii всѣмъ страдательно неповинующимся, однимъ (Нѣмцамъ) отшедшимъ немедленно и навсегда изъ Богеміи, другимъ (Чехамъ) удалившимся на время въ Моравію, тогда какъ сама государственная власть безмолвствовала и не находила никакой причины къ преслѣдованію. Изыскивая доносы, апологетъ обвиняетъ отходящихъ въ государственной измѣнѣ, и тѣхъ именно, „qui ad partem *Clem* (Ruperti R. R.) de universitate Pragensi nutriti (transgressi sunt). *) Какъ ни мало относится клерикальная служба пражскихъ студентовъ къ ихъ академическимъ присягамъ, онъ изъ нея выводитъ преступленія невозможныя по самой природѣ дѣла.

Мысленно переходя къ первобытной эпохѣ разселенія

*) Fontes l. c. p. 162.

народовъ, апологетъ дѣлитъ вселенную на исконныя *трибы:* tribus Bavarorum, tribus Bohemorum и т. д. Древле Богемію населяли одни истые Чехи (veri Boemi), и они по Второзаконію XXVIII составляютъ „regnicolas Wenceslai praecipuos". Изъ указаннаго мѣста Второзаконія апологетъ заимствуетъ всѣ свои выраженія, и, придавая Вячеславу всѣ тамъ изображенные грозные эпитеты Іеговы, предизбираетъ чешскую націю университета, какъ „nationem *rectricem* praecipuam" иностранцевъ же (extraneos) приглашаетъ „ad gratitudinis participium", „ad humiliter expetendum micas de mensa propinationis *)." Въ точное соотвѣтствіе съ начертанной Јеронимомъ программой, конечная цѣль реформы выходитъ вполнѣ изъ границъ академической жизни: она достигается занятіемъ всѣхъ вліятельныхъ и важныхъ назначеній въ государствѣ („in consiliis, in primis regiminis locis, in gubernationibus" p. 157) Чехами, какъ людьми свѣтскими, такъ и клериками. Всего короче разсчитывается апологетъ съ своими учителями. „Нѣмецкая нація возражаетъ намъ" говоритъ онъ въ самомъ концѣ апологіи (pp. 164—165): „тѣмъ, что при основаніи ученія нѣмецкіе магистры преобладали, правили (rexerunt) Чехами и подѣлили университетъ на націи *по своей волѣ.* Изъ этого они выводятъ вѣчное рабство націи Богемской.— Но, согласно съ Ап. Павломъ (къ Гал. IV)**), наслѣдникъ, доколѣ находится въ дѣтствѣ, ничѣмъ не отличается отъ раба, хотя и господинъ всего. Онъ находится подъ смотреніемъ попечителей и домоправителей до срока, отцемъ назначеннаго. Такъ и Чехи, будучи вначалѣ, по причинѣ недостаточности въ наукахъ, дѣтьми и какъ бы рабами Нѣмцевъ, до времени пребывали въ дѣтствѣ, будучи наслѣдниками своего царства. Ихъ умѣрялъ въ этомъ самъ ихъ отецъ, т. е., императоръ, говоря имъ такъ: возросши въ наукахъ, будете господами и унаслѣдуете царство. Нынѣ, съ Божіей помощью, исполнилась мѣра времени, и

*) „Lex canonica et lex civilis docent incolas extraneos tamquam *servos* compati"; „non est bonum accipere panem filiorum et mittere *canibus.*" (*Vae victis*?!)

**) Гёфлеръ p. 165 „ad Galatas X" (!).

чешскіе магистры умножились числомъ и наукою возросли превыше магистровъ нѣмецкихъ *)!!!..

Состояніе Пражскаго Университета, въ которомъ его застала реформа, было цвѣтущее. Его связи оживлялись частыми переходами въ его составъ баккалавровъ другихъ академій (Mon. Univ. Prag. I, pp. 326, 332, 346, 366, 369 и т. д.) Количество студентовъ въ 1409 г. возросло до цифры 7500. По свидѣтельству Энея Сильвія (cap. XXV), присягнувшіе противъ реформы удалились изъ Праги въ числѣ 5000: „Magistri ac discipuli Teutonici generis jurejurando adacti, una die supra duo millia Pragam reliquere; nec diu post circiter tria millia secuti, apud Lipsiam, Misnae civitatem, trium dierum itinere a Praga distantem, universale studium erexere.“ Приблизительную цифру 7500 Томекъ **) выводитъ изъ сложенія даннаго Энея Сильвія съ 2000 магистровъ, баккалавровъ и студентовъ, удержавшихъ за собою поле и присутствовавшихъ, по свидѣтельству современнаго извѣстія, при объясненіи Гуса съ старомѣстскими гласными въ 1412 г.

Реформа введена, какъ сказано, назначеніемъ невыборныхъ ректора и декана факультета искусствъ. Liber decanorum такъ прерываетъ свою обычную серію (Mon. Univ. Prag. I, p. 403): Anno Domini 1409. Die nona mensis Maji ego Simon de Tyssnow, mag. in artibus propter dissensiones et discordias quatuor nationum in universitate, et magistrorum in facultate artium, qui discordantes in electione decani non poterant pro decano concordare, per serenissimum principem et dominum Wenceslaum, Romanorum regem semper augustum et Boemiae regem, sum facultati artium in decanum ejusdem facultatis praesentatus et per scabinos majoris civitatis Pragensis, nec non per famosum Nicolaum, consiliarium praedicti domini regis, tamquam executoris regalium literarum in possessionem positus, et

---

*) Позже мы увидимъ, что лучшіе представители, коими справедливо могла гордиться „natio bohemica“, были не на сторонѣ реформы.

**) „O počtu študentu w učeni Pražském“ v. čas. čes. Mus. XX, pp. 212—230.

per praedictam facultatem acceptatus. Juravi eidem officio fideliter praesidere."

Незадолго до реформы 1409 г., мы видимъ *истаго Чеха* на вершинѣ академическаго достоинства: въ 1407 г., Маг. Андрей Бродскій былъ облегченъ высокимъ достоинствомъ вице-канцлера Академіи (Mon. Univ. Prag. I, p. 391), тотъ самый вышеприведенный собесѣдникъ Гуса, который, будучи душею преданъ народному дѣлу, старался примирить его съ условіями права, идеей справедливости. Позже мы встрѣчаемъ его въ ряду констанцкихъ обвинителей Гуса въ ереси "de remanentia panis" (Doc. pp. 179, 183). Онъ же содѣйствовалъ на соборѣ обличенію университетской интриги и мѣры виновности въ ней Гуса (Ibidem p. 181). Андрей Бродскій видимо былъ связанъ съ Гусомъ тѣсными узами пріязни. Онъ выступилъ противъ него публично не прежде, какъ искусивши свою пріязнь къ нему частымъ съ нимъ общеніемъ. Исторія не сохранила памяти о томъ, что послужило первымъ поводомъ къ разрыву. Извѣстно лишь, что Гусъ написалъ Андрею письмо, къ сожалѣнію, не сохранившееся, въ которомъ Андрей нашелъ „multa contra se criminosa sed injuriose scripta." По долгомъ размышленіи и колебаніи, Андрей рѣшился отвѣтить Гусу изъ побужденія христіанской любви *). Изъ этого отвѣтнаго посланія, становится вполнѣ яснымъ, что Гусъ желалъ вовлечь въ свою судьбу тѣхъ изъ своихъ друзей, которые были особенно высоко поставлены какъ въ церкви, такъ и въ Академіи: „Scribitis enim", говоритъ маг. Андрей, „socio meo dilecto D. Petro, quod ex participatione mea vobiscum sum excommunicatus, profanus et irregularis" **). Поставленный въ эту горькую необходимость, маг. Андрей напоминаетъ ему, когда въ послѣдній разъ они видѣлись, и гдѣ должно искать причины ихъ разрыва: „Bene quidem multis temporibus bibi et comedi vobiscum; sed ab illo tempore, quo

---

*) S. d. (anno 1414) in Documentis pp. 518—522.

**) Ibid p. 519. P. 520: „Nominatis in litera personam nobilem cui vestram infamiam imponitis, quod etiam multo minori facere nullatenus deberetis".

processus contra vos sunt publicati, neque ego vos vidi, neque vos me vidistis.“ Приманкою, какъ и всегда, служилъ Виклефъ, и, конечно, въ тѣхъ его сочиненіяхъ, которыя, будучи далеки отъ вопросовъ религіи и не содержа въ себѣ, по тому самому, ничего еретическаго, всегда служили первымъ, облегчающимъ вступленіе шагомъ къ болѣе близкому посвященію въ ересь. И начало и конецъ письма имѣютъ отношеніе къ этой уловкѣ: „Numquid Wiclef crucifixus est pro nobis? aut in nomine ipsius baptisati sumus?“ говорится въ началѣ письма, заключающагося слѣдующими словами: „Spero in Deo omnipotenti, quod ad viam Wiclef, quam diu vixero, me non inducetis etc.“ Все это обширное посланіе внушено маг. Андрею желаніемъ уяснить старому другу его истинное положеніе и разсѣять ослѣпленіе страсти. Ея слѣды онъ указываетъ въ сочиненіяхъ друга *). Съ тѣхъ поръ маг. Андрѣй пересталъ считать Гуса другомъ, какъ онъ отказалъ въ повиновеніи матери своей св. церкви: съ той поры рушилось ихъ во Христѣ братство. Неповиновеніе вовлекло его въ преступленіе заповѣдей Божіихъ. „Lex praecipit: Non concupisces; et vos unacum vestris discipulis aliena tollere praedicatis.“ „И занося серпъ свой на жатву ближняго, ученики ваши, по вашему же наставленію и съ вашею же помощью, втираются въ чужіе удѣлы. И гдѣ же ваша проповѣдь? Гдѣ же предостереженіе ваше: „не возжелай“ и пр. „О магистръ! (но не израильскій!) вы не стыдитесь утверждать, что претерпѣваете отлученіе и гоненія за нападки ваши на преступленія клира! Но кто же можетъ говорить о претерпѣваемомъ имъ гоненіи, кто самъ преслѣдуетъ ближнихъ, кто ихъ грабитъ, кто безчеститъ ихъ ударами въ лице, кто ихъ позоритъ, подвергаетъ ограбленію монастыри и церкви! Не вы ли и ваши ученики?!“ „Вы считаете себя *предопредѣленнымъ*? Но, умоляю! кто васъ въ томъ завѣрилъ? и какимъ залогомъ *предопредѣленія* вы обладаете? А если вы сами неувѣрены въ этомъ вашемъ *благомъ*

*) „Omnes vestri *quaterni* (τετράδες, тетради) sunt detractionibus et conviciis pleni.“ Documenta p. 519.

предопредѣленіи, почему вы предполагаете, что Богъ не наложилъ на васъ того отлученія, коимъ васъ обременили люди? Вы говорите въ письмѣ: смотрите! Я открыто хожу по городу, и меня замѣчаютъ плебаны, священники, и всѣ знаютъ, что я пребываю въ Виѳлеемѣ, и однако не прерываютъ богослуженій?!!*) Почтенный магистръ! не вѣрю чтобы васъ *всѣ* замѣчали на прогулкахъ! Вы слишкомъ поспѣшны въ осужденіи столь многихъ! Не судите, да не судимы будете! Напротивъ! извѣстно, что едва узнали о вашемъ пребываніи, какъ службы Божіи были прекращены! Достоинъ ли уваженія тотъ магистръ, который хвалится своимъ коварствомъ и тѣми опасностями, въ которыя онъ вовлекаетъ имъ своихъ ближнихъ?" и пр. Такъ прощались съ Гусомъ друзья его по Академіи въ посланіяхъ, внушенныхъ ничѣмъ инымъ, кромѣ доброй воли привести въ ясность свои къ нему отношенія. Къ счастію, приведенное нами посланіе маг. Андрея, кромѣ высокаго его нравственнаго содержанія, отмѣчено и вѣчной свѣжестью мысли, и той силой выраженія, до которой можетъ только достигнуть вполнѣ созрѣвшее литературное дарованіе.

Маг. Андрей не преминулъ стать и на ту историческую точку зрѣнія, съ которой оправдывали Гуса, какъ преемника временемъ ему предшествовавшихъ мистическихъ проповѣдниковъ. „Я утверждаю, что никто бы васъ не осудилъ къ отлученію отъ Церкви, еслибы вы ничего не проповѣдывали кромѣ того, что вы проповѣдывали противъ клира, ибо съ древнѣйшихъ еще временъ Миличь, Конрадъ (Вальдгаузеръ), Щекна и другіе, что ихъ ни есть, проповѣдывали противъ клира, и, однако, никто изъ нихъ не былъ осужденъ къ отлученію" (Doc. p. 520).

Королевская грамота нанесла смертельный ударъ академіи. **) „Liber decanorum facultatis artium" съ 1409 г. обращается въ скорбный листъ недуговъ Академіи, завершаю-

---

*) Аргументъ, къ которому, помимо этого письма, Гусъ прибѣгалъ нерѣдко, напр. Spisy II. pp. 206—207.

**) Читатель ниже, въ заключеніи главы встрѣтитъ ея дословный текстъ.

щійся ея преждевременною смертью. Несмотря на усиленный пріемъ баккалавровъ Краковскаго Университета (Mon. Univ. Prag. I, p. 412 sequ.), вскорѣ оказались горькіе плоды кратковременнаго торжества. Въ 1413 г. никто изъ магистровъ не хотѣлъ принять на себя обременительнаго диспута „de quolibet“. За неявкою добровольнаго диспутатора прибѣгли къ баллотировкѣ, и былъ избранъ Симонъ Тишновскій, октроированный деканъ 1409 г. На все готовый Симонъ принялъ избраніе, но осуществленіе его откладывалъ годъ отъ году. (Ibidem pp. 424, 426, 428, 434: „electio, reelectio: dimissio, dilatio“). Первая отсрочка состоялась 8 Генваря. Въ этотъ же день было постановлено не собирать экзаменаторовъ на степень магистра: „quaesitis magistrandis et non inventis 8. die mensis Ianuarii in plena congregatione facultatis conclusum est, quod non petantur examinatores, et sic dimissum est examen magistrandorum“. Въ слѣдующемъ 1414 г. никто не явился къ экзаменамъ ниже на баккалаврскую степень, ни въ апрѣльскій, ни въ сентябрьскій срокъ *). Изъ году въ годъ повторяются постоянныя жалобы на неявку студентовъ къ экзаменамъ на степень баккалавра **). Требованія понижались: въ 1415 г. нѣкоторымъ изъ баккалавровъ были прощены нѣкоторыя части аристотелевыхъ physicorum (Mon. Univ. Prag. I, p. 435). Въ продолженіи трехъ лѣтъ не являлся никто къ экзамену на степень магистра. Канцлеръ архіепископъ Конрадъ созвалъ Университетъ, и были избраны три экзаменатора, „qui apertionem examinis minime valuerunt obtinere, et sic etiam illo anno, jam quarto scilicet, non est apertum examen magistrandorum“ (ibidem p. 450); съ 1441 г. въ матрикахъ чаще и чаще встрѣчаются имена иностранныхъ баккалав-

---

*) „Aperto examine pro gradu baccalariatus nullus venit ad intitulandum et ob hoc erat dimissum.“ Mon. Univ. Prag. I, p. 428.

**) A° 1415: nullus venit ad intitulandum; A° 1416: quia solum venerat unus, ideo examen dimissum est pro illa vice; quia nullus venerat, ideo dimissum erat examen; A° 1417: quia nullus comparuit, pro hac vice omissum est; A° 1418: quia nullus comparuit, ideo examen fuit omissum.

ровъ и магистровъ, переходившихъ въ пустѣющій Пражскій Университетъ изъ Вѣны, *Лейпцига*, Кракова, Эрфурта, Гейдельберга, Болоньи, Падуи, Феррары. *) Въ 1463 г. полуразрушенныя *лекторіи Платона и Аристотеля* грозили окончательнымъ разрушеніемъ и поврежденіемъ сосѣднихъ зданій collegii Caroli. Факультетъ свободныхъ искусствъ собрался и разсуждалъ о неотлагательныхъ мѣрахъ къ поддержанію зданія. По обсужденіи оказалось, что лекторіи въ ближайшіе предшествующіе годы, уже поглотили 50 копъ грошей, употребленныхъ на ихъ возстановленіе, что трата была безполезна, ибо вслѣдъ за тѣмъ разрушилась стѣна. „*Такъ какъ лекторіи Платона и Аристотеля не приносятъ академіи никакой пользы*, положено было" факультетскимъ постановленіемъ разрушить и остальныя ихъ части, а очищенное пространство **) предоставить временному пользованію коллегіатовъ Карла съ обязательствомъ уступить его факультету свободныхъ искусствъ при первомъ востребованіи. Занятія студентовъ падали съ каждымъ годомъ ниже. Въ статуты ежегодно интитулуются предписанія противъ нерадѣнія: такъ, подъ 26 Окт. 1471 г. баккалавры, остающіеся при Университетѣ или въ его бурсахъ, правящіе школами, принуждаются къ участію въ диспутахъ, „his tamen exemtis, qui se aliis negotiis victitandi gratia utpote arti scriptoriae, introligaturae librorum et consimilibus contulere." ***) Въ то же время ректоръ І. Рокицана внесъ статутъ о мѣрахъ принужденія ****) къ слушанію книгъ Аристотеля „si promotionibus universitatis voluerint gaudere".

Побѣда надъ Нѣмцами торжествовалась громко. Съ шумомъ празднествъ, доводившихъ побѣдителей до самозаб-

---

*) Mon. Univ. Prag. I, 2, pp. 17, 18, 20, 21, 23, 24, 26, 28, 30, 31, 34, 35, 43, 44, 45, 50 etc. etc.

**) 28 футовъ длины и 32 съ небольшимъ фута ширины. Mon. Univ. Prag. I, 2, pp. 81—82.

***) Mon. Univ. Prag. I, 1, p. 121—122.

****) „Suspensione a mensa ad certos dies, aut etiam exclusione a locis, quae tenuerent, prout videbitur expediens fore et utile pro bono Universitatis". Ibidem I, 1, pp. 122—123.

венія, смолкли голоса пражскихъ учителей! Канцлеръ Архіепископъ Збинекъ, предваривши Пражанъ пастырскимъ увѣщаніемъ, 16 Іюля 1410 г. канонически сжегъ на своемъ малостранскомъ дворѣ сочиненія Виклефа, всѣ ихъ экземпляры, которые можно было отобрать. Гусъ съ учениками отвѣчалъ немедленно публичными диспутаціями въ защиту каждаго изъ сожженныхъ трактатовъ Виклефа. Диспутаціи были возвѣщены программою, списки которой были прибиты къ дверямъ коллегіи и церквей *). Современная событіямъ, chron. Univ. сохранила точныя слова программы. По ней Гусъ бралъ на себя защиту виклефова ученія о св. Троицѣ (Trialogus?), Яковъ Мизенъ—Діалогъ, Прокопъ Пелзенскій—трактатъ объ идеяхъ, баронъ Здиславъ Вартенбергскій, иначе Звиретицкій—объ общихъ понятіяхъ (de universalibus), Симонъ Тишновскій—о способахъ доказательства (de probationibus propositionum). Диспутаціи открылись Гусомъ 27-го Іюля 1410 г., слѣд. на одинадцатый день по сожженіи книгъ; удерживая обычай школы, нѣкоторые изъ нихъ защитѣ предпосылали схоластическую протестацію: „Volui cathedram ascendere et tractatum de universalibus contra condempnatores defendere, protestando more scholastico et solito, quod neque in hoc actu neque in alio“ etc. (Zd. Wart.); „ideo publice protestor“ etc. (Sim. Tys). **) Сверхъ объявленной программы, Янъ Ичинскій имѣлъ диспутацію „pro tractatu materiae et formae“. ***) Нѣкоторые изъ защитниковъ Виклефа, для привлеченія публики оживляли со-

---

*) „Intimaciones fuerunt ostiis collegii et ecclesiarum intimatae“. Chr. Univ. in cod. Bibl palat. theol. № 99 (7650), f. 98.

**) Cod. bibl. palat. theolog. № 4002 f. 37 v., 38 r.

***) Ibid. ff. 33 r. In.: „Cupiens aliquid de mea tenuitate et penuria protectioni veritatis adiicere, sufficientem seriem non invenio; sed quia deus tam potens tam clemens ad protegendum, informandum et in bono consuadendum“ etc. Finis: “Stabunt ad decretum Iudicis rationem de suis reddentes opinionibus, qui dampnationem M. I. Wykleff et combustionem, quod sunt licita, compobaverunt.“ Вмѣсто ординарной протестаціи, диспутаторъ, вѣроятно, младшій изо всѣхъ, произнесъ: „Ideo ut eorum mandato non obediam.... et ut combustionem nocivam debite reprehendam“ et sim.

держаніе произносимаго юмористическими эпизодами. Одинъ изъ нихъ сохраненъ анонимомъ въ „Invectiva contra Hussitas“: „dic, quaeso, mi tractatule! ob quam condempnatus es causam? num propter avaritiam, simoniam, luxuriam aut superbiam, quam in clero arguebas?“ И затѣмъ диспутаторъ отвѣчалъ самому себѣ, какъ бы отъ лица вопрошаемаго: „Certe non in me hoc, sed dialogi et trialogi continetur libris“. *)

Гусъ вызвалъ церковь къ строгому запрещенію и преслѣдованію сочиненій Виклефа многолѣтнимъ и усиленнымъ ихъ распространеніемъ. Чтеніе философскихъ трактатовъ Виклефа въ школѣ не запрещалось, и инвективы Гуса противъ Церкви, воспретившей трактаты, одобренные многолѣтнимъ школьнымъ употребленіемъ, не выдерживаютъ прикосновенія критики. Церковь молчаніемъ одобряла ихъ школьное примѣненіе; она противустала противъ дивульгаціи тѣхъ изъ нихъ, кои своимъ теологическимъ содержаніемъ были опасны правовѣрію (dialogus, trialogus). Послѣдніе проникали всюду—въ свѣтскіе кружки и въ келіи обителей, удаленные и отторженные отъ свѣта пріюты благочестія. Стефанъ, пріоръ картузской обители въ Оломуцѣ, въ предисловіи къ обширному полемическому сочиненію своему *Medulla tritici*, направленному противъ Діалога и Тріалога, въ предисловіи, съ коимъ онъ обратился къ М. Іоанну Кбелю, такъ жалуется на дѣятельное распространеніе этихъ сочиненій: „свои нечестивѣйшія баснословія распространяютъ они (т. е. Гуситы) такъ безстыдно, что, пройдя иныя страны сосѣднихъ намъ государствъ, въ нашемъ отечествѣ они проникаютъ всюду: во дворы князей, въ общежитія и на каѳедры священнослужителей, въ школы учащихся, въ шумныя толпы черни обоего пола, въ пещеры пустынниковъ, въ уединенныя кельи монаховъ картузіевъ, принесшихъ обѣтъ молчанія, всюду не видя преграды ни въ стѣнахъ, ни въ добрыхъ нравахъ, ими охраняемыхъ, всюду проникая, они всѣ пройденныя пространства зара-

*) Fontes. Scriptores II, 1, pp. 621—622.

жаютъ своими вредоносными криками.“ *) Самъ пріоръ Стефанъ не наполнилъ бы столькихъ страницъ гнѣвной полемикой, еслибы Trialogus не попалъ и въ его руки, „оскорбленныя прикосновеніемъ этихъ ежовыхъ иголъ“. **)

Въ „Посланіяхъ къ Гуситамъ“, писанныхъ по свѣжему слѣду событій, пріоръ Стефанъ такое распространеніе сочиненій Виклефа приписываетъ одному Гусу ***): „Магистръ Гусъ по одному лишь тому, что писанія Виклефа украшены безстыдными нововведеніями, противными обряду Святой Церкви, ихъ, равно какъ и все, чтобы ни сказалъ Виклефъ, выдавалъ за образецъ благочестія и истины и публично проповѣдывалъ свою въ томъ увѣренность; онъ разсылалъ переписанные экземпляры Тріалога Маркграфу (Моравскому) Іодоку и другимъ высокопоставленнымъ людямъ, переводилъ его для людей свѣтскихъ и для женщинъ съ латинскаго на языкъ чешскій“. ****) Черезъ годъ по сожженіи сочиненій Виклефа и публичной ихъ защитѣ, къ лѣту 1412 года страсти университетской молодежи, постоянно раздражаемыя Гусомъ и Іеронимомъ, возросли до взрыва. Къ этимъ днямъ дозрѣло чувство мести за сожженіе книгъ Виклефа. Въ Маѣ 1412 г. пришли въ Прагу двѣ грамоты папской всепрощающей индульгенціи за крестъ на Владислава Неаполитанскаго. *****) Воспользовавшись успѣхами своей проповѣди среди всѣхъ сословій Праги, Іеронимъ и Вокъ Вокса Вальдштейнъ, юноша изъ панскаго сословія, приближенный короля Вячеслава, сдѣлали ея улицы позорищемъ соблазнительной процессіи съ папскими буллами, осужденными на сожженіе. На роскошно убранную колесницу былъ

*) Pezii Thesaurus anecdotorum novissimus IV, 2, p. 158.

**) „Divino munere liber suus, quem Trialogum appellavit et edidit, in manus meas venit casu fortuito, *pungens undique quasi erycius.*“ Pez l. c. p. 193 (Medullae tritici cap. IX).

***) „Aliis, *qui adhuc supersunt,* timentibus Deum, magistris pro posse prohibentibus“. Pezii Thesaurus anecdotorum novissimus IV, 2, p. 527 (epistolarum p. II).

****) Инквизиторская ревность не оставила ни слѣда этой пропаганды.

*****) Текстъ грамотъ in Monumentis M. I. Huss I, ff. CLXXI r. — CLXXIII v. (Ed. 1558 Noribergae).

посаженъ переряженный студентъ, котораго наружность, одежда и самыя движенія, полныя нечестія, предназначены были ко внушенію народу чувства презрѣнія къ поддѣльнымъ грамотамъ, висѣвшимъ вмѣстѣ съ печатями съ его плечъ и головы. Колесницу окружали скоморохи. Такъ, среди нечестивыхъ криковъ и судорожныхъ подражаній со стороны ослѣпленной неожиданностью толпы, процессія, пройдя весь Старый Городъ въ его окружности, остановилась въ Новомъ Мѣстѣ, неподалеку отъ королевскаго дворца, и тамъ, у позорнаго столба предала грамоты сожженію. *)

Въ заключеніе нашего очерка внѣшнихъ судебъ Пражскаго Университета старшей эпохи мы приведемъ сужденіе о немъ, ни съ какой стороны не могущее быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи, — сужденіе отцевъ констанцкаго Собора, данное ими въ посланіи о гуситскихъ дѣлахъ къ отсутствующему Императору Сигизмунду:

„Insuper illud egregium *Studium Pragense,* quod inter cetera majora orbis nostri connumerabatur clenodia, qualiter occasione illius sectae pereat, et in nihilum redactum sit, non sine maxima compassione illorum, qui illud in statu suo viderunt, plenius novit vestra majestas. Nam ipsi primo alias nationes, quae eis in erroribus adversabantur, ut errores suos possent, nullo contradicente, libere praedicare, repulerunt, neminem contrarium moribus suis ibi passi sunt morari, et quotquot resistentes senserunt, directe vel indirecte, usque ad exilium pepulere. Sicque de tam spectabili universitate fecerunt locum habitationis desertae, vastitatem solitudinis abhorrendae: Cujus magnitudinem ad ipsum contingentem ex dictae Universitatis desolatione, exprimere pro praesenti longum foret. Nam om-

*) Въ изображеніи этого событія мы держались разсказа свящ. Мартина Лупача (Fontes VI, 2, p. 172), какъ болѣе достовѣрнаго свидѣтеля сравнительно съ констанцкими источниками, изданными отчасти еще Фонъ-деръ Гардтомъ M. c. c. IV, p. 672, отчасти же Палацкимъ in Documentis p. 642. Мартинъ Лупачь описалъ его въ письмѣ отъ 1468 г. по памяти лѣтъ своего студенчества, которое привлекло его самого къ участію въ процессіи.

nium studiorum Germanicae nationis illud maximum non immerito famabatur, ad quod de singulis regnis et dominiis Alamanniae adolescentes simul et adultae aetatis homines, virtutis et studii amore confluebant et thesaurum philosophiae et scientiae quaerentes, illum ibi copiose invenerunt. Quot viros illuminatos ea universitas produxerit, Magistri et Doctores ejusdem Universitatis in diversis mundi partibus dispersi testantur, quorum doctrina plurima egregia loca et solennes civitates generaliaque studia tam sacris moribns qnam ecclesiasticis disciplinis reguntur. Scholasticae personae, multi doctrinae cupidi scholares, hunc locum olim tanquam bonis artibus plenum cumulate petiverunt. Nunc vero conscientiosus, maxime alienigena, fugit tantos errores ibi vigentes, quibus metuit coinquinari. Haec mala et has turbationes, summa cum molestia, omnique cum piarum mentium consternatione audivit et indesinenter audit praesens sancta synodus.“ *)

Тонъ высокой благосклонности не дозволилъ Отцамъ Собора назвать по имени виновника паденія. Имя его мы находимъ названнымъ въ памятникѣ того же времени и происхожденія, по содержанію болѣе интимномъ. Поэтъ Констанцкаго Собора, Ѳома Аугсбургскій помянулъ виновника паденія Пражскаго Университета въ слѣдующихъ словахъ (Fontes VI, 2, p. 360):

Dar vmb so ist der Huss verflucht
Daz er dye schul ze Prag verbust.

Wenceslaus dei gratia Romanorum rex semper Augustus et Bohemiae rex. Honorabiles, dilecti devoti! Quamquam omnium hominum commodis intendere generaliter teneamur, non tamen eisdem in tantum debemus favere sollicite, ut eorum forsan, qui pro locorum et temporum vel aliquarum aliarum rerum opportunitatibus constricti, nobis quadam sorte junguntur, dispendiis subjaceant et jacturae. Nam etsi omnem hominem omnis teneatur homo diligere: restat tamen, ut haec ipsa dilectio ex ordinata solummodo proveniat caritate; propter

*) Van der Hardt Magnum concilium constantiense IV, pp. 1079—1080

quod extraneum propinquo in amore praefigere, ordinatae caritatis est praeposteratio, cum verus amor semper incipiat a se ipso, et per consequens in posteros per proximitatis lineam derivetur.

Cum itaque natio Teutonica, jure incolatus regni Bohemiae prorsus expers, in singulis universitatis studii Pragensis agibilibus, ut relatio veridica ad nos deduxit, tres voces sibi vendicavit ad usum, natioque Bohemica, ejusdem regni justa haeres, tantummodo una gaudeat et fruatur: nos vero iniquum et valde indecens arbitrantes, ut de profectu incolarum, quibus recta competit successio, exteri et advenae abundanter affluant, et illi defectuum incommodis sentiant se oppressos: mandamus vobis praesentium virtute firmiter et districte, omnino habere volentes, quatenus mox visis praesentibus, contradictione et renitentia quibuslibet procul motis, nationem Bohemicam in singulis consiliis, judiciis, examinibus, electionibus et quibuscunque aliis actibus et dispositionibus universitatis praedictae, ad instar ordinationem, qua gaudet natio Gallica in universitate studii Parisiensis ac ceterae in Lombardia et Italia potiuntur nationes, ad tres voces admittere modis omnibus debeatis, sinentes eam vocum hujusmodi privilegio ex nunc in antea in perpetuum pacifice uti et gaudere; aliter non facturi, prout indignationem nostram gravissimam volueritis arctius evitare. Datum in Montibus Chutnis, die XVIII, mensis Ianuarii, regnorum nostrorum anno Bohemiae quadragesimo sexto, Romanorum vero tricessimo tertio.

Honorabilibus rectori et toti universitati studii Pragensis, devotis nostris dilectis.

II.

Научная оцѣнка Гусова ученія состоялась одновременно съ его осужденіемъ. Верховный Трибуналъ, предавшій его проклятію, приступилъ къ сужденію, вооружившись всѣмъ, что могло оправдать въ глазахъ современниковъ и потомства высокое достоинство его рѣшенія, его безапелляціонность. Самая редакція обвинительныхъ статей, представляющихъ окончательный выводъ изъ продолжительныхъ и настойчивыхъ преній всего яснѣе отражаетъ то чисто научное настроеніе, которое преобладало въ мысляхъ Констанцкихъ Отцовъ. Движеніе общественныхъ страстей, возбужденное проповѣдью Гуса, въ такой сильной мѣрѣ, заставляло нерѣдко его самого забывать тѣ исходныя точки, изъ которыхъ онъ выходилъ. Оставивши ихъ въ забытой школѣ, онъ передъ лицемъ Трибунала нерѣдко былъ принуждаемъ возвращаться къ нимъ и снова провѣрять мысленный путь имъ совершенный.

Въ личномъ составѣ Констанцкаго Собора и въ самомъ порядкѣ его дѣлопроизводства содержится лучшее ручательство въ безпримѣсно научномъ его направленіи. Теологи Іоаннъ Герсонъ и Петръ Дальи, юристы Забарелла и Филастръ многообразно участвовали во всемъ процессѣ Гуса. Мало того, что всѣ предварительныя работы инстигаторовъ прошли ихъ цензуру; они лично старались миротворно повліять на волю и расположеніе мыслей подсудимаго. Подѣлившись на пять націй *), Отцы собора, ка-

---

*) Van der Hardt I, 157—160: Theodoricus Vrie „de praeclaro ordine concilii in quinque nationes distributi.“

залось бы, выдѣлили изъ своей среды одну изъ пяти націй, нѣмецкую, которая, въ злую память прошлаго, могла бы стать озлобленнымъ, пристрастнымъ судьею Гуса. Правда, мы видимъ въ рядахъ обвинителей Гуса и лейпцигскихъ изгнанниковъ, но на движеніе дѣла они не имѣли никакаго преимущественнаго вліянія. Напротивъ, несмотря на вызывающія обращенія къ нимъ Гуса, они, повинуясь приказаніямъ, молчали. Такъ, въ засѣданіи 7 іюня 1415 г., отвѣчая на послѣднюю изъ статей, противъ него тогда прочтенныхъ, содержащую въ себѣ обвиненіе въ разстройствѣ Академіи *), Гусъ, отпираясь отъ участія въ немъ, указалъ на Альберта Варентрапа, лично присутствовавшаго, который пострадалъ при реформѣ болѣе другихъ, будучи смѣненъ въ деканской должности октроированнымъ Симономъ Тишновскимъ: **) „Ac ne putetis me falsa dicere, adest hic Albertus Warentrapius, qui tum erat decanus facultatis artium, et una cum aliis Germanis in discessum juraverat. Is si vera dicere velit, facile me hac suspicione liberabit.“ „Sed *hic Albertus* cum vellet aliquid dicere, *non est auditus*,“ извѣщаетъ референтъ, давая за симъ мѣсто въ преніи чисто объективному показанію доктора Назона выше нами приведенному (стр. 135).

Нѣмецкая нація Собора, вмѣщавшая въ себѣ представителей клира чешскаго и польскаго, не посвящая никакого особаго рвенія процессу Гуса, предана была всѣми своими лучшими силами успѣшному осуществленію своего проэкта. Онъ клонился къ ограниченію папской власти и къ болѣе точному опредѣленію привиллегій куріи на такъ называемыя reservationes casuum, аннаты и пр. Всѣ эти опредѣленія должны были состояться, по проэкту нѣмецкой націи, въ пользу и къ выгодѣ *университетскаго клира*; они составляли главную сторону церковной реформы и должны были прійти къ исполненію до избранія папы (Мартина V). Духъ, господствовавшій въ нѣмецкомъ проэктѣ реформы,

*) „Quod scholam quoque Pragensem *per discordias dissolvit*.“ Van der Hardt M. c. C. IV, p. 312.

**) Mon. Univ. Prag. I, 401—403.

и самыя его выраженія возбудили бурю, преимущественно въ средѣ націй романскихъ (Французской, Итальянской, Аррагонской). Защищаясь отъ навѣтовъ враговъ въ засѣданіи 14-го сент. 1417 г. Нѣмцы принуждены были къ завѣренію въ заподозрѣнномъ правовѣріи. *) Уступая интригѣ, нѣмецкая нація, несмотря на то, что имѣла во главѣ своей Императора Сигизмунда, допустила избраніе Мартина V, до исполненія акта церковной реформы. Тѣмъ не менѣе Нѣмцы настояли на новомъ порядкѣ голосованія который вліялъ на всѣ рѣшенія Собора. Согласно съ нѣмецкимъ проэктомъ въ рѣшающемъ голосованіи (vox definitiva) принимали участіе наличные доктора Св. Богословія и правъ — каноническаго и гражданскаго. Эта статья не смотря на сильное противодѣйствіе, нашла могущественнаго защитника въ кард. Петрѣ Дальи и была предложена, еще въ ноябрѣ 1414 г. „in Ordine procedendi" въ формѣ особой записки (cedula) кард. Петра Дальи. **) Въ смягченныхъ выраженіяхъ впослѣдствіи, въ 1418 г. нѣмецкая нація Собора представила тотъ же проэктъ папѣ Мартину V въ формѣ XVIII артикуловъ писанныхъ, ея нотаріемъ Гумпертомъ Фабри. Во II, IV и V артикк., ограничивая право куріальной резерваціи церковныхъ удѣловъ тѣми случаями, кои опредѣлены „in Corpore juris," нѣмецкая нація, обѣщаясь сообразоваться въ раздачѣ своихъ бенефицій съ качествомъ мѣстъ и лицъ и съ требованіями времени, тѣмъ не менѣе выговариваетъ, „quod viris literatis et studiosis prae ceteris provideatur." ***) Притязанія на пре-

---

*) „Protestatio Nationis Germanicae facta in concilio Constantiensi" ap. Van der Herdt IV, 1419—1426: „De nobis asserere videntur, *eandem nationem ecclesiasticae unionis impeditricem*: imo, sicut quorundam scripta videntur innuere, fautoria (i. e. favore) haeresis quondam Iohannis Wicleff et Iohannis Huss maculatam."

**) Van der Hardt. II, 224—227.

***) „Gecmaniae nationis articuli de reformatione supremi status ecclesiastici in Constantiensi Concilio in principio anni 1418 Martino V, papae exhibiti" apud Van der Hardt I. p. 999. Окончательную сводную редакцію кодкордатовъ націй см. въ актахъ одного изъ послѣд-

имущества и привиллегіи ученаго клира простирались иногда даже за предѣлы справедливаго. Была рѣчь объ исключительномъ ихъ правѣ на изъятіе отъ власти мѣстной прелатуры (exemtiones), при томъ даже условіи, если этотъ вредный для благосостоянія церкви обычай будетъ вполнѣ искорененъ изо всѣхъ другихъ областей церковной администраціи. *) Согласно съ симъ, дѣло Гуса постоянно было окрашено тою средой, изъ которой первоначально вышло его ученіе. Древнѣйшій историкъ Констанцскаго Собора, записывавшій его событія по ихъ свѣжимъ слѣдамъ и посвятившій свои обширныя *памяти верховному покровителю Собора* Императору Сигизмунду, богословъ Теодорикъ Фри, родомъ Саксонецъ, въ главную вину вмѣняетъ Гусу и Іерониму то, что они „*studium solenne* erroribus suis et ambagibus destruxerunt, quod quasi mater electa multos peperit filios, religionis amatores“ въ другомъ мѣстѣ называя обоихъ виновниковъ паденія Пражскаго Университета: „stultilogi isti, tumidi et superbi haeresiarchae, *artistae nonulli.*“ **)

Вѣнскій Университетъ, нѣкогда угнетенный соперникъ Пражскаго, въ лицѣ своихъ представителей, стоялъ во

нихъ засѣданій собора (43-го) у Фанъ-деръ-Гардта IV, стр. 1533 и слѣдд. Подробно у Гефеле въ Conciliengeschichte VII, 349—359 („Das deutsche Concordat“).

*) Предложеніе встрѣтило противодѣйствіе со стороны оксфордскаго проф. Уллерстона въ его Petitiones ap. Van der Hardt. I, p. 1147: „Et si dicatur, quod religiosi et alii in Universitatibus die nocteque studentes in lege Domini, bene merentur exemptionis beneficium, ad hoc respondeo, quod nulli quantumlibet studiosi, qui non quaerunt quae sua sunt“ etc.

**) Theodoricus Vrie окончилъ свои памяти Anno MCCCCXVII in profesto sanctissimae Elisabeth viduae, слѣд, въ послѣдніе дни Собора. Приводимыя мѣста см. у Фанъ-деръ-Гардта I, стрр. 87, 123. Гуса онъ называетъ „Vir versipellis, haereticus pertinax“ (p. 170). Ср. свидѣтельство нѣкоего анонимнаго Картузія отъ 19-го мая 1415 г. „Here praesens fui in examine ejus (i. e. I. Hus), et numquam vidi ita audacem et temerarium ribaldum, et qui ita *caute sciret respondere de tegendo veritatem*“ apud Hefele l. c. p. 147.

главѣ нѣмецкой націи Собора. Его членъ, маг. Николай Динкельсбюль былъ назначенъ отъ нѣмецкой націи ея депутатомъ въ комиссію, избравшую папу Мартина V (Oddo cardinalis de Columna). Самымъ обильнымъ источникомъ, глубоко посвящающимъ въ высокіе интересы просвѣщенія, которыхъ главною защитницею на Соборѣ явилась его нѣмецкая нація, служатъ эпистолы депутата Вѣнскаго Университета маг. Петра Цаха изъ Пулки, къ Ректору и Совѣту, довѣрившему ему столь важное представительство. *) Магистру Петру и другимъ одушевленнымъ цѣлью упрочить за университетскимъ просвѣщеннымъ клиромъ почетное и независимое положеніе въ церковной іерархіи, приходилось бороться со многими препятствіями. Магистръ Петръ извѣщаетъ своихъ довѣрителей о состояніи дѣла въ письмѣ отъ 24 авг. 1415 г. (№ VIII) **) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „я бы желалъ отъ васъ, почтенные отцы! получить тайное наставленіе о томъ способѣ, коимъ можно бы было вѣрнѣе упрочить за университетами и учеными людьми, въ нихъ преуспѣвшими, извѣстные церковные удѣлы, или, лучше сказать, какъ бы эти церковные удѣлы облагодѣтельствовать людьми учеными и способными ими управлять, на тотъ именно случай, если право поставленія будетъ удержано за Апостольскимъ престоломъ, или же будетъ возвращено мѣстной власти. Озаботиться симъ необходимо для церковной пользы. Вы согласитесь съ этимъ, если знаете, какъ мало предано просвѣщенію большинство прелатовъ и папскихъ сановниковъ. Если этому не помочь, то за упадкомъ университетовъ а слѣдовательно, и ученыхъ людей, наступитъ, къ гибели христіанскихъ душъ, господство невѣждъ во всемъ христіанскомъ мірѣ.“

Въ своемъ правовѣріи, нѣмецкіе магистры почитали въ Парижскомъ университетѣ свою *almam*: „Cum aliis

---

*) Уцѣлѣвшія эпистолы Петра Пулки изданы Фиргаберомъ въ Archiv für die Kunde der Österreichischen Geschichtsquellen XV pp. 12—70. О личности Пулки см. у Ашбаха l. c. pp. 424—428; о Динкельсбюлѣ тамъ же на стрр. 430—440.

**) Archiv etc. l. c. p. 29.

ejusdem nostrae matris (Viennensis) alumpnis haec offere habeam (т. е. Mag. Petrus) ut ipsa nostra Universitas (Viennensis) *matris suae universitatis Parisiensis* vestipia quanto vicinior ceteris pedisequa tanto plenius insequatur.*)" Несмотря на это безусловное почитаніе Парижскихъ докторовъ въ вопросахъ догмы, нѣмецкая нація надалеко разошлась съ ними въ вопросахъ реформы. Черезъ три мѣсяца послѣ приведеннаго выраженія подданническихъ чувствъ, Маг. Петръ извѣщалъ о содержаніи эпистолы Парижскаго университета, читанной на Соборѣ, вполнѣ противоположномъ стремленіямъ нѣмецкой націи: въ ней Парижскій университетъ убѣждаетъ не заводить рѣчи о поставленіяхъ на церковные удѣлы до избранія папы и удержать за куріей право поставленія на неизбирательные удѣлы, коими обыкновенно пользовались бѣдные клирики во время своего ученія.**) Вопросъ о возвышеніи ученаго контингента въ церковныхъ назначеніяхъ былъ нервомъ всей дѣятельности въ средѣ нѣмецкой націи, вслѣдствіе чего Маг. Петръ такъ часто возвращается къ нему въ своихъ эпистолахъ***). Вопросъ этотъ былъ тѣмъ щекотливѣе, что, касаясь его, нельзя было не сталкиваться въ интересахъ или съ папскими сановниками, представителями куріяльныхъ интересовъ, или съ присутствовавшими на засѣданіяхъ Собора и націи, представителями мѣстной прелатуры, коихъ права грубо задѣвались притязаніями университетскаго клира. Особенно ясно отражаются всѣ эти затрудненія и ими порождаемыя сомнѣнія въ письмѣ маг. Петра отъ 18 окт. 1417 г. (O. c. p. 57): „Что до промоціоннаго списка (rotulus)****), то пришлите его сюда, хотя

---

*) Archiv etc. p. 18 (N III: 18 Apr. 1415)

**) Ibidem p. 27 (N VII: 26 Iulii 1415): . . . „quod beneficia non electiva, quibus communiter pauperes sustentantur in studiis .... apud Romanam curiam remanerent."

***) Ibidem pp. 43—44, 57, 60, 61 etc.

****) Rotulus proprie charta, in speciem rotae convoluta, designat registrum, tabulam seu catalogum, in qua conscribuntur baccalarii et magistri. „Magistri et doctores nostri sua assistentia honorare poterunt universitatem nostram et *inrotulatos* efficaciter *promovere*." Archiv l. c. p. 61.

я сомнѣваюсь, чтобы всѣ дѣла, касающіяся пользъ университетовъ и самыхъ промоцій, были счастливо окончены на текущемъ Соборѣ, не смотря на то, что, повидимому, обо всемъ уже заявлено Собору и что уже условились касательно промоторовъ: трудно привести къ единомыслію въ столь короткій срокъ столь многочисленное собраніе людей изъ разныхъ государствъ, жившихъ подъ вліяніемъ весьма различныхъ обычаевъ, весьма различныхъ физическихъ условій. Всего же труднѣе будетъ добиться университетской привилегіи о подсудности, такъ какъ мѣстный прелатъ (еп. Пасаускій?) присутствуетъ лично *): онъ, въ своемъ противодѣйствіи, встрѣтитъ сочувствіе со стороны всѣхъ, видящихъ въ этой привилегіи умаленіе власти мѣстной прелатуры. Выжидать присылки помянутаго списка, чего желаютъ мои старшіе друзья, для меня лично становится почти невыносимымъ: такъ отвратительны для меня порядки, господствующіе въ куріи. Если, впрочемъ, списокъ будетъ присланъ до закрытія Собора, я охотно останусь еще недѣли на двѣ, или на мѣсяцъ и буду присутствовать при его представленіи. Вмѣстѣ съ его присылкою слѣдовало бы Университету написать ко всѣмъ его докторамъ, магистрамъ и лиценціатамъ, здѣсь присутствующимъ, каждому лично, настойчивыя убѣжденія въ томъ, что имъ надлежитъ соприсутствовать представленію списка для вящей чести и пользы Университета: увидавъ такое множество магистровъ и докторовъ, отвлеченныхъ отъ своего служенія всемірной церковной республикѣ, папа склонится къ болѣе щедрымъ милостямъ“. До послѣднихъ дней Собора маг. Петръ находилъ основаніе опасаться за судьбу университетовъ: онъ именно боялся, что право поставленія на существующіе удѣлы подѣлитъ курія между своими кандидатами и мѣстною іерархіею, оставивши за университетскимъ клиромъ только ту милостыню, которая останется за нею по замѣщеніи лучшихъ бенефицій куріяль-

*) „Propter personalem praesentiam ordinarii.“ Achiv. p. 57.

**) „Quod universitatibus non provideatur nisi per rotulos et gratias expectativas.“ Ibid. p. 63. (27 Dec. 1417. № XXIX).

ными кандидатами *), тогда какъ притязанія университетскаго клира весьма опредѣленно простирались на шестую часть каѳедральныхъ канониватовъ и на четвертую часть коллегіатовъ **). Послѣ долгихъ сомнѣній, отъ 1-го марта 1418 г. маг. Петръ извѣщаетъ, наконецъ, своихъ довѣрителей о томъ, что нѣмецкой націи удалось помириться съ прелатами на шестой долѣ всѣхъ бенефицій.

Изъ среды нѣмецкой націи вышли всѣ инстигаторы процесса in haeresim, вчиненнаго на Соборѣ противъ маг. Яна Гуса. Ихъ работамъ давали высшее освященіе науки первенствующіе doctores theologi Парижскаго Университета, его канцлеры, кардиналы Герсонъ и Дальи. Они не только держали ихъ послѣднюю редакцію, но и самое торжественное чтеніе обвинительныхъ статей на засѣданіяхъ собора нерѣдко прерывали для замѣчаній, обнаруживавшихъ точное знакомство какъ съ самыми статьями, такъ и съ сочиненіями Гуса, послужившими матерьяломъ для обвиненій ***). Такъ, въ засѣданіи 18 іюня 1415 г., при чтеніи 17-й статьи изъ 26, извлеченныхъ ex libro de ecclesia, содержащей въ себѣ хулу на кардиналовъ, Дальи замѣтилъ: „какъ въ предшествующихъ статьяхъ, такъ и въ этихъ смыслъ ереси много смягченъ противъ подлинныхъ словъ сочиненія. Право Іоаннъ Гусъ! Ты не соблюлъ мѣры ни въ своихъ проповѣдяхъ, ни въ сочиненіяхъ! Тебѣ бы слѣдовало сообразовать проповѣди съ твоими слушателями! И какая была польза проповѣдывать народу противъ кардиналовъ въ отсутствіи послѣднихъ: имѣли бы

---

*) Provisio certo jure subnixa et non pure de gratia.“ Ibidem.

**) Magistri nostri de universitatibus Germaniae sollicitissime laboraverunt ad obtinendum 6-tam partem in kathedralibus canonicatibus et prebendis, et 4-tam in collegiatis et omnibus beneficiis aliis curatis et non curatis. Imo fuissent contenti in 6-ta omnium indistincte.“ Ibid. p. 69.

***) Впрочемъ, считаемъ нужнымъ здѣсь же замѣтить, что обвинительныя статьи были составлены только по тремъ сочиненіямъ Гуса: 1) „de ecclesia; 2) „contra Stephanum Palecz liber“; 3) „contra Stanislaum de Znoyma.“

11

хотя какую нибудь цѣль эти слова, если бы были произнесены передъ мирянами, но въ присутствіи самихъ кардиналовъ, для соблазна!" *) При чтеніи 18-й статьи Дальи снова не воздержался отъ тождественнаго замѣчанія: „По истинѣ добросердечны были составители статей: самыя сочиненія содержатъ въ себѣ гораздо болѣе суровый смыслъ" **). Въ заключеніе засѣданія кард. Дальи повторилъ еще разъ: „non possum satis admirari et pietatem et humanitatem domini Paletz, qua usus est in ponendis articulis contra Iohannem Hus." ***) Научная оцѣнка ученія Гуса представляетъ далеко не единственную и не первостепенную сторону въ процессѣ. Было бы не справедливо утверждать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы схоластическая обработка обвинительныхъ статей составляла лишь формальную его сторону ****). Какъ увидимъ, Отцы Собора при обличеніи самыхъ важныхъ точекъ ереси напр. пресуществленія, считали необходимымъ, даже среди страстныхъ преній, исходить изъ точекъ зрѣнія верховно-теоретическихъ и касаться духовнѣйшихъ вопросовъ ученія, чуждыхъ практическимъ крайностямъ пражскаго движенія. Но было ли бы справедливымъ вмѣнять Отцамъ Собора обязанность прислушиваться къ звукамъ дикаго разгрома, коими Пражане отзывались на констанцскія событія? Научная обработка ученія была единственнымъ возможнымъ средствомъ внушить судьямъ и свидѣтелямъ процесса спокойное настроеніе, готовое рушиться при чтеніи наиболѣе вызывающихъ статей. И не всѣ статьи такъ легко подчинялись ей! Субъективный характеръ ученія сталъ неисчерпаемымъ источ-

---

*) Van der Hardt M. c. C. IV, p. 317.

**) Art. XVIII. *Nullus haereticus ultra censuram ecclesiasticam est relinquendus judicio seculari, morte corporis puniendus.* Ibidem. p. 317—318.

***) Van der Hardt IV, p.328.

****) Приводя презрительный отзывъ Младеновича о схоластическихъ преніяхъ на Соборѣ, Палацкій говоритъ: „Darnach bemesse man, ob *dieser Schulstreit* der Nominalisten und Realisten einen so grossen Einfluss auf den ganzen Verlauf des Hussitismus hat haben können"? Geschichte von Böhmen III, 1 p. 350 adn. 460.

никомъ всякаго рода чисто произвольныхъ опредѣленій, различій, подобій. Въ образецъ подобныхъ неподдающихся схоластикѣ статей мы приведемъ 20-ую изъ статей, извлеченныхъ ex libro de ecclesia: „*Obedientia ecclesiastica est obedientia secundum adinventionem sacerdotum ecclesiae praeter expressam autoritatem scripturae*". *) Это чисто лигнинистическое опредѣленіе основывается на произвольномъ различеніи obedientiae ecclesiasticae отъ *ob. spirituali, secundum legem dei debita*, слѣдующей предписаніямъ св. Писанія, по субъективному разумѣнію каждаго отдѣльнаго лица. Гусъ не возразилъ ничѣмъ, признался въ изложенной статьѣ. Обвиненіе извлечено изъ 17-й главы libri de ecclesia **). Подробно излагая ученіе, Гусъ лишь изрѣдка приводитъ *примѣры* изъ Св. Писанія, ни въ чемъ на немъ существенно не основываясь, и всего менѣе—въ чисто субъективномъ различеніи двухъ видовъ повиновенія (distinctio arbitraria). Чтеніе статьи сопровождалось глубокимъ молчаніемъ Отцовъ Собора.

Кромѣ соборныхъ актовъ, составляющихъ главный источникъ знакомства съ ученіемъ Гуса, подведеннымъ подъ мѣрку научной критики, мы имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство самого судьи, канцлера Парижскаго университета, Іоанна Герсона, изгнаніемъ запечатлѣвшаго искренность своихъ научныхъ убѣжденій. Строжайшій номиналистъ по своимъ философскимъ убѣжденіямъ и глубокій мистикъ по методѣ, которою было имъ обработано созерцательное богословіе, Герсонъ 8 лѣтъ спустя по закрытіи Констанцскаго Собора въ немногихъ словахъ передалъ потомству тѣ мысли, которыя руководили Соборомъ въ процессѣ Гуса. Онъ высказалъ ихъ главнымъ образомъ въ двухъ трактатахъ строго аподиктическихъ: 1) *De modis significandi propositiones quinquaginta* и 2) *De concordia metaphysicae cum logica propositiones quinquaginta* ***). Второй изъ двухъ приведенныхъ трактатовъ занимательнѣе

*) Van der Hardt IV, p. 318.
**) Opera Hussi. Ed. Norim. 1558. t. I, pp. 229 b.—233 a.
***) I. Gersoni opera IV, 816—821; 821—830.

по своему историческому содержанію и по большей близости къ процессу Гуса: вслѣдствіи этого и самая *doctrina nominalium* (opp.: *d. realium universalium*) во второмъ трактатѣ представляется съ большею живостью въ той самой фазѣ, въ которой она процвѣла въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка въ Парижской высшей школѣ подъ высокимъ покровительствомъ двухъ ея канцлеровъ, другъ за другомъ слѣдовавшихъ,—кардинала Петра Дальи и Іоанна Герсона (Iean Charlier). Мы воспроизведемъ важнѣйшія для нашей цѣли мѣста изъ трактата *de concordia metaphysicae cum logica*.

„Мышленіе *метафизиковъ* *) въ томъ находитъ признаніе своей истинности и тогда только можетъ оно быть названнымъ изощреннымъ до совершенства, если оно приноситъ съ собою острое разрѣшеніе вопроса о бытіи, по его объективной сущности, принимаемой въ смыслѣ формальномъ. И, напротивъ, въ томъ заключается слабость мышленія *логиковъ* **), если оно ограничивается однимъ опредѣленіемъ матерьяльнаго значенія словъ. Въ этой ступени мышленія они по разумнымъ причинамъ составляютъ для метафизиковъ предметъ презрѣнія. Но всѣ изощренія метафизическаго мышленія обращаются ему же въ осужденіе, если оно стремится найти въ самыхъ вещахъ и въ ихъ вещественномъ бытіи бытіе объективное. Безумнымъ нельзя не назвать сужденія о вещахъ по ихъ фантазіи, отождествленія ихъ внѣшняго бытія съ тѣмъ, какъ они представляются напр. людямъ, въ состояніи бѣшенства, экстаза, сна. Такіе люди предаются на яву сновидѣніямъ, подобія вещей принимая за самыя вещи. Поэтому мышленіе метафизика должно стремиться къ условіямъ и къ природѣ познавательной силы мышленія. Различіе по-

*) Т. е. реалисты.

**) Т. е. номиналистовъ, къ школѣ которыхъ принадлежитъ самъ Герсонъ. Въ этомъ мѣстѣ, касаясь ихъ слабой стороны, онъ ихъ называетъ *терминистами* („Ruditas autem Terministarum“...), насмѣшливымъ названіемъ, коимъ они обозначались ихъ врагами, реалистами.

знавательныхъ дѣйствій человѣческаго мышленія объясняетъ различіе объективныхъ представленій о вещахъ и самыхъ способовъ ихъ формальнаго обозначенія. Создавая вещи, Богъ мыслилъ ихъ не матерьяльно, не относительно, не измѣнчиво, не зависимо, не ложно, не ошибочно, не сокращая ихъ существа, тогда какъ, осуществившись во внѣ, эти созданныя вещи обусловливаются матерьяльною зависимостью, относительностью, измѣнчивостью; ихъ существо, въ ихъ внѣшнемъ бытіи, выражается не полно, сжато, ложно. И, на оборотъ, мышленіе Создателя не доступно разуму твари, развѣ при помощи милости.“

„Въ томъ и заключается ошибка реалистовъ, незнающихъ или презирающихъ логику, что они приписываютъ Творцу принадлежности вещи и къ нему относятъ формы вещей, сужденія *) о нихъ твари, и самые знаки созданныхъ вещей. Совершенство не только метафизическаго, но и вообще философскаго мышленія предполагаэтъ въ стремящемся къ нему знаніе словесной философіи (philosophiae sermocinalis), т. е., метафизикъ тогда лишь достигаетъ совершенства, когда, во первыхъ изслѣдованіемъ познаетъ внутреннее значеніе словъ, согласное съ ихъ *грамматическими* сочетаніями, и во вторыхъ, когда изслѣдованіемъ познаетъ внѣшнюю природу мысленныхъ объектовъ (rationes obiectales), въ ихъ истинности и ложности, согласно съ *логическими* объ нихъ изслѣдованіями. Иначе изъ презрѣнія къ этимъ основамъ метафизики (т. е. къ грамматикѣ и логикѣ) произойдетъ вавилонское смѣшеніе, какъ въ самихъ презирающихъ, такъ и въ тѣхъ, съ кѣмъ они препираются о какой либо созерцательной или практической истинѣ. Итакъ, горе тѣмъ, кто ликуютъ этому смѣшенію языковъ, презирая *термины*, установленные отцами нашими, этими великими метафизиками въ установленіи *терминовъ* **)! Не попусту же говорится, что логика есть путеводительница къ началамъ всѣхъ методъ“....

---

*) „Praecisiones“ i. e. praecisae sententiae.

**) „Vae igitur illis qui gaudent in confusione linguarum per contemptum terminorum quos posuerunt Patres nostri, qui in impositione terminorum fuerunt magni Metaphysici“. L. c. p. 824.

„Ученіе о вещественномъ бытіи общихъ понятій, внѣ человѣческой души, дающее общимъ понятіямъ независимое отъ Бога, бытіе,—есть ученіе еретическое, ясными выраженіями осужденное въ концѣ параграфа *Reprobamus* Инокентіева декрета *). Вотъ чтеніе этого запретительнаго постановленія согласное съ свидѣтельствами глосъ: „Отвергаемъ и осуждаемъ извращеннѣйшее ученіе нечестиваго Амальрика **), коего мысль до того ослѣплена отцемъ лжи, что ученіе его можетъ быть названо скорѣе безумнымъ чѣмъ еретическимъ." По свидѣтельству Генриха Остійскаго и Мартина (Magister Parisiensis), первымъ и величайшимъ его заблужденіемъ было ученіе, отождествляющее вселенную твари съ Богомъ—Творцемъ, вторымъ—его ученіе о первообразныхъ причинахъ, или идеяхъ, по которому эти формы, или первообразы (exemplares) и творятъ сами и создаются, тогда какъ, по ученію Свв. Отцевъ, они по стольку лишь отождествимы съ Богомъ, по скольку въ немъ содержатся, ибо въ мысли Бога вмѣстимо лишь вѣчное и неизмѣнное. Онъ же Амальрикъ училъ и тому, что Богъ въ силу того именуется концемъ вселенной, что все возвращается въ него, въ немъ предаваясь неизмѣнному покою: вселенная пребудетъ въ немъ, какъ единое недѣлимое и неизмѣнное. Все это безуміе проистекаетъ изъ ученія о вещественномъ бытіи общихъ понятій (universalia realia). Это ученіе многократно было отвергаемо и въ Парижѣ, какъ его епископами, такъ и канцлерами Университета, съ согласія Факультета Св. Богословія. Это ясно изъ осужденія, которое постигло Вильгельма Парижскаго, ученіе коего было отвергнуто ок. 1240 г., съ совѣта всѣхъ магистровъ, въ числѣ коихъ находился и бр. Александръ Галасскій. ***) Онъ утверждалъ

---

*) Decretalis Innocentii III (a° 1197).

**) Подробно объ этомъ французскомъ схоластикѣ конца XII и начала XIII стол. см. Теннемана VIII, 1, стрр. 316—322.

***) Англійскій схоластикъ, учившій въ Парижѣ, fr. Alexander de Ales (мон. *Halas* въ Глочестерѣ), заслужившій эпитетъ *doctoris irrefragabilis*. Какъ о немъ, такъ и о Вильгельмѣ Парижскомъ см. у Теннемана VIII, 2, стрр. 467—473.

предвѣчное существованіе нѣкоторыхъ истинъ независимое отъ Бога и въ немъ не содержащееся. Тѣмъ же авторитетомъ черезъ Стефана Парижскаго подобное же ученіе о вещественномъ бытіи общихъ понятій было повторительно отвергнуто въ 1276 году. *Таковое же ученіе о вещественномъ бытіи общихъ понятій было осуждено и въ недавнее время св. Соборомъ Констанцкимъ противъ сожженныхъ Гуса и Іеронима Пражскихъ: да свидѣтельствуетъ о нихъ, кто видѣлъ ихъ и слышалъ.* Изъ этого явствуетъ, что утверждающій подобное ученіе съ упорствомъ, также какъ и послѣдователи его, долженъ быть судимъ, какъ еретикъ, нечестивый и безумный, соблазняющій слухъ благочестивыхъ людей. Къ таковымъ заблужденіямъ привело презрѣніе къ правилу философа: говорить слѣдуетъ такъ, какъ говоритъ большинство, находящему подтвержденіе и въ блаж. Августинѣ: слѣдуетъ говорить по извѣстному правилу. Такъ наконецъ, приходится согласиться съ тѣмъ, что общія понятія существуютъ лишь въ мышленіи, и не по бытію, а лишь по представленію. И не слѣдуетъ утверждать съ нечестивымъ Аверроесомъ*), чтобы существовало *единое мышленіе* общими понятіями".

Видя гибельныя послѣдствія подобныхъ положительныхъ изслѣдованій о существѣ Бога, І. Герсонъ отвергаетъ ихъ и, слѣдуя блаженнымъ Августину, Діонисію и Бонавентурѣ, полагаетъ весь свой испытующій духъ на отрицательное опредѣленіе существа Бога, исходящаго отъ отрицательнаго отвлеченія всего того, что имѣетъ въ себѣ подобіе твари въ ея временномъ, измѣнчивомъ существованіи. „Sic Dionisius docet facere in *mystica Theologia* per exemplum de sculptore, qui facit agalma pulcherrimum, id est imaginem, nihil addendo sed removendo" **).

---

*) О немъ и другихъ арабскихъ толкователяхъ см. у Теннемана VIII, 1, pp. 362—448.

**) Gersoni opera IV, p. 827. Cf. eundem ibidem p. 341 in tractatu super *magnificat.* septimo; „Doctrinalis traditio theologiae mysticae se extendit ad theologiam scholasticam, nec ab ea diversa est, vel seclusa, immo nec a vera philosophia".

Мысли о необходимости бдительныхъ, строгихъ опредѣленій при употребленіи словъ, выражающихъ догматы христіанскаго вѣроученія, были самымъ сильнымъ практическимъ побужденіемъ, силою котораго воскресла и процвѣла въ Парижѣ *doctrina nominalium*. Вся цензорская дѣятельность парижской almae сосредоточивалась на точномъ и вѣрномъ Св. Преданію истолкованіи тѣхъ мѣстъ Св. Писанія (scripturae allegatae), кои составляли кардинальныя доказательства въ спорныхъ предметахъ богословія. Номинальная критика прикладывала эту строгую мѣрку грамматики и логики къ ученіямъ подсуднымъ, сводя всю ихъ особенность къ субъективному, противному Св. Преданію, толкованію истинъ религіи. Доказавши личную „singularitas“ и „curiositas“, какъ единственныя причины ереси, цензура ставила рѣшительную альтернативу: отказаться отъ ученія, признавши верховный авторитетъ церкви надъ личностью, или подвергнуться осужденію и отлученію отъ церкви. Всякое ученіе, всякая проповѣдь, для того, чтобы стать предметомъ обсужденія, должна была предварительно облечься въ форму, доступную точному, безусловному пониманію, въ форму *сентенцій*, общепринятую въ преподаваніи философіи и богословія. Самая краткость этой формы дѣлаетъ необходимымъ, чтобы всякая *aequivocatio* была удалена, чтобы синтаксическое построеніе краткаго изреченія было вполнѣ правильно, чтобы всѣ слова въ ней были употреблены „simpliciter, non complexe. secundum usum communem“, чтобы слово, дважды въ одной и той же сентенціи употребленное, въ обоихъ случаяхъ имѣло бы одно и тоже значеніе, „secundum univocationem“. Только при этихъ условіяхъ, ученіе, извлеченное въ сентенціи, способно предстать на судъ церкви; въ противномъ случаѣ, при иныхъ пріемахъ, при меньшемъ соблюденіи интересовъ грамматики и логики, вмѣсто суда настанутъ пренія, могущія послужить лишь предметомъ искушенія и соблазна для слуха благочестивыхъ людей.

Между актами Констанцкаго Собора всего ближе знакомитъ съ лабораторіей его отцевъ и учителей „*Theologorum Constantiensis Concilii diffusa condemnatio XIV articulorum*

Widefi" *). Этотъ обширный актъ даетъ возможность усмотрѣть весьма ясныя и опредѣленныя черты того логическаго аппарата, который былъ изготовленъ первенствующими теологами того времени для борьбы съ ересью и всѣми ухищреніями ея, можетъ быть, невольной ипокризы. Въ немъ нельзя не узнать, въ цѣломъ и подробностяхъ, неуклоннаго примѣненія тѣхъ философскихъ принциповъ, которые такъ сжато, но и рѣшительно высказаны были послѣ Собора Іоанномъ Герсономъ въ выше изложенномъ трактатѣ „de concordia metaphisicae cum logica". На первомъ мѣстѣ были поставлены три сентенціи, содержащія въ себѣ еретическое ученіе о непресуществленіи хлѣба („remanentia panis *materialis*"). Здѣсь аппаратъ очень простъ: подробно излагается правовѣрное ученіе о пресуществленіи „cum allegatione scripturarum" и затѣмъ доказывается ересь противорѣчіемъ правовѣрному ученію подсудной сентенціи, принимаемой въ ея точномъ смыслѣ, „supponendo *ex quid nominis* et significatione vocabuli („*materialis*")" **). Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается все, что учители собора сочли нужнымъ сказать *отъ себя* при противоположеніи правовѣрія ереси. *Sensus nominalis* verborum есть для нихъ лучшій оплотъ безпристрастія. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, *номинализмъ* послужилъ самымъ острымъ орудіемъ противъ опаснаго правовѣрію идеализма въ ученіи о *реальномъ* бытіи общихъ понятій. Ересь непресуществленія имѣетъ, какъ оказалось изъ устнаго пренія на Соборѣ, своимъ источникомъ реализмъ. Гусъ былъ обвиненъ въ этой ереси, по обстоятельномъ въ ней обжалованіи свидѣтельствами свято-климентовскаго священника Іоанна *Противы*, Іоанна *Пекла*, проповѣдника у св. Эгидія въ Прагѣ, проповѣдника *Бенеша* и каноника *Андрея Бродскаго* ***). Въ преніи со стороны

---

*) Van der Hardt Magnum Concilium Constantiense III, pp. 212—335.

**) Πρῶτον δεῖ θέσθαι, τί ὄνομα καὶ τί ῥῆμα. Aristoteles de interpretatione cap. I in in.

***) Van der Hardt M. C. C. IV, p. 308.

Гуса не было недостатка въ ухищреніяхъ *): онъ отрицалъ ересь и признавался къ правовѣрію. Но теологи и особенно англійскіе, съ Петромъ Дальи во главѣ, старались привести его къ ереси самымъ прямымъ и вѣрнымъ путемъ реализма. Признавая вещественное существованіе общихъ понятій Гусъ не могъ искренно признавать пресуществленіе. Пренія началъ Дальи вопросомъ, обращеннымъ къ Гусу, „si poneret *universalia a parte rei*? vel ibi manet *communissima substantia* panis materialis vel non?“ Не смотря на упорное при всей голословности отпирательство Гуса, англійскіе теологи узнавали во всѣхъ его уклоненіяхъ тѣ только пріемы, къ которымъ они такъ привыкли въ преніяхъ съ Виклефомъ: „ipse loquitur cautulose sicut et Wiclef fecit“. Гусъ, при всей своей уступчивости, допускалъ пресуществленіе при каждомъ отдѣльномъ актѣ священнодѣйствія (consecrationis). Англійскій теологъ допрашивалъ, „utrum totaliter et realiter et multiplicative sit ibi Corpus Christi?“ Гусъ продолжалъ соглашаться со всѣмъ **). Младшій другъ Гуса, Петръ Младеновичъ, реляціи котораго мы слѣдуемъ, не безъ досады замѣчаетъ: „Et multa ibi impertinentia de materia universalium immiscebantur“. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтимъ, что Петру Младеновичу, какъ ученику Гуса, не могла остаться неизвѣстною преданность

---

*) Ср. отзывъ Stephani prioris Dolaneusis: „Inter omnes haereses, quae unquam in Ecclesia pullulaverunt, nunquam considero aliquam plus callide per hypocritas introductam et multiplicius populum defraudantem, quam ut credatur in sacramente Domini Corporis *esse accidens sine subjecto*“, in Medullae tritici p. 1 apud Pez Thes. anecd. nov. IV, 2, 196. „Cum rogaretur (Hieronymus Pr.), quid sentiret de sacramento, inquit, *Antea panem, in consecratione et postea, verum corpus, et reliqua secundum fidem*. Tum quidam: Atqui ajunt te dixisse, post consecrationem remanere panem. Respondit: *Apud pistorem remanet panis*“. Poggii Florentini epistola ad Leonardum Aretinum ap. V. d. Hardt III, p. 66.

**) Мы слѣдуемъ здѣсь болѣе подробной и умной реляціи Петра Младеновича in Documentis pp. 276—278, оставляя въ сторонѣ ею упраздняемую соборную реляцію apud Van der Hardt M. C. C. IV, pp. 308—309 (засѣданіе 7-го іюня).

его учителя реализму *). Оставляя другія доказательства, мы указываемъ на его собственную реляцію преній, возникавшихъ при чтеніи обвинительныхъ статей въ засѣданіи 8-го іюня. Въ Числѣ XXVI статей, извлеченныхъ „ex libro de ecclesia" мы находимъ 22 выраженную въ слѣдующихъ словахъ: „Si homo est vitiosus et agit quidquam, agit vitiose; et si est virtuosus et agit quidquam, tunc agit virtuose". Приводя соотвѣтствующее мѣсто изъ книги, Петръ Младеновичь не пропустилъ и слѣдующихъ словъ, дающихъ философскую основу самой статьѣ: „sicut vitium quod crimen dicitur, i. e. mortale peccatum, inficit *universaliter* actus subjecti sive hominis, sic virtus vivificat omnes actus virtuosi". (Documenta p. 296).

При опроверженіи нѣкоторыхъ положеній Виклефа *doctrina nominalium* давала чувствовать строгость своего анализа съ особенною силой. Сомнительный смыслъ нѣкоторыхъ положеній удалялся единымъ ея прикосновеніемъ. XIII положеніе звучало такъ: „Illi qui dimittunt praedicare sive audire verbum Dei *propter excommunicationem hominum*, sunt excommunicati, et in die judicii traditores Christi habebuntur". Отмѣченныя слова своимъ двоякимъ смысломъ давали возможность извратить еретическій смыслъ положенія. Защищаясь передъ судьями, еретикъ придавалъ этимъ словамъ *sensum secundarium, sophisticum*: тотъ будетъ преданъ суду за измѣну Христу, кто не проповѣдуетъ, скры-

*) Stephani prioris Dolanensis Dialogus volatilis cap. X. „*Auca*. Constat enim, quam gloriosus sit continuus labor meus in verbo Dei, et notanter ad populum, ubi multiplicatis millibus auditorum hominum vulgarium, etiam viri literati et scholares famosi accurentes, non solum audiendi gratia, sed etiam comportantes chartas et tabulas atramento et calamis verba oris mei festinant conscribere, ut vel erudiantur *insolitis* et *novae* praedicationis relatibus et ut evangelicae lectionis primo recte discant postillationem et mysteria: quamquam et alii rudes os meum observent, ut, quomodo. olim Iesum, sic et me praeconem veritatis et justitiae capiant in sermone"—apud Pez Thes. anecd. nov. IV, 2, p. 461. Петръ Младеновичь — одинъ изъ 14 баккалавровъ роковаго 1409 года, *sub decanatu Simonis de Tyssnow*. Mon. Univ. Prag. I, p. 404.

вая свою ересь, *изъ боязни* подвергнуться передъ людьми отлученію. Но: „Secundum rectam regulam juris *verba ex communi usu sunt accipienda*. Sed nedum apud Theologos et fideles sed etiam apud Philosophos et gentiles, *verba affirmativa* indefinite pro singularibus vel individuis rebus prolata, *ex communi usu accipiuntur* indifferenter, non plus pro uno, quam pro alio, sed pro omnibus singularibus. Etiam talia verba ex communi usu accipiuntur, non ut praedicatum per accidens, sed per se convenit subjecto“. На основаніи такихъ правилъ положеніе было истолковано, какъ еретическое: всякій, кто прекращаетъ проповѣдь или перестаетъ внимать слову Божію (въ богослуженіи), *изъ-за* (propter) людскаго (т. е., прелатскаго, церковнаго) отлученія, есть отлученный и въ день суда будетъ почтенъ за Христова измѣнника“. Помощію номинальнаго (прямаго, истиннаго) значенія словъ и сентенцій констанцкіе отцы отвергли всѣ софистическіе уловки защитниковъ Виклефа. Этотъ простѣйшій пріемъ въ тождественныхъ выраженіяхъ былъ примѣненъ, кромѣ приведенныхъ, къ слѣдующимъ статьямъ: XXXI *): „articulus ille non ad acceptionem sophisticam, sed *secundum communem usum verborum* in hac materia erroneus est“; XXXVIII **): „iste articulus *juxta communem usum accipiendi verba ejus* ostenditur esse haereticus et erroneus“; XLI ***): „*in sensu suo primario, secundum communem usum accipiendi verba ejus*, contrariatur fidei catholicae“. При осужденіи послѣдней изъ приведенныхъ статей, аппаратъ логической критики сложнѣе другихъ, ибо защитники уклоняли ея еретическій смыслъ per *aequivocationem*, придавая къ слову *ecclesias* будто умолченное прилагательное *triumphantes*, а за *ecclesiam Romanam* оставляя недосказанное *militantem*. Защитники, слѣдовательно, спасали такимъ об-

*) „Peccant fundantes claustra, et ingredientes sunt viri diabolici“. Van der Hardt M. C. C. III, pp. 304—307.

**) „Decretales epistolae sunt apocryphae et seducunt a fide Cristi, et clerici sunt stulti, qui eas student“. Ibidem pp. 312—315.

***) „Non est de necessitate salutis, credere, Ecclesiam Romanam esse supremam inter Ecclesias“. Ibidem pp. 320—323.

разомъ правовѣрный смыслъ статьи, возвышая ея сентенціей *невидимую* церковь надъ *видимою*. Обвинители *per univocationem et ex quid nominis* утвердили за нею смыслъ еретическій. Логическіе пріемы, разнообразились по нуждѣ. Противъ XIX *) статьи, напр., былъ примѣненъ аргументъ „de materia praedicamentorum". Особенная молитва за извѣстное опредѣленное лицо достойнѣе и дѣйственнѣе общей на столько же, на сколько видовое различіе полнѣе и совершеннѣе родоваго („species per differentiam abundat a genere").

Особенно заботливый аппаратъ логическаго опроверженія встрѣчаемъ приготовленнымъ констанцкими Отцами противъ одной изъ самыхъ краткихъ, но, вмѣстѣ и самой опасной для христіанской нравственности статьи XXVII: „Omnia de necessitate absoluta eveniunt" **). Позже, 9 лѣтъ спустя по закрытіи собора, Герсонъ возвратился къ ней и въ діалогѣ, вошедшемъ въ составъ его сочиненія „Super *magnificat.*" ***), заставляетъ наставника поучать ученика о діалектическихъ и софистическихъ пріемахъ, коими должно встрѣчать ухищренія еретической ипокризы ****). Наставленія направлены „contra *doctorem Anglicanum*" (Wicleff) и касаются, что до содержанія, выше приведенной XXVII статьи „diffusae condemnationis". Здѣсь Герсонъ предупреждаетъ ученика въ томъ, что не слѣдуетъ довѣряться уступчивости противника: уступая, противникъ дѣлаетъ reservationem mentalem: соглашаясь съ правовѣрнымъ догматомъ *in nomine* и отрицая его *in re*. Затѣмъ „sophista nequam diabolus" (*pseudis* въ виклефовомъ trialogus) принимаетъ роль аргументирующаго ложь противника, почерпая

---

*) „Speciales orationes applicatae uni personae per praelatos, vel religiosos, non plus eidem prosunt quam generales caeteris paribus". Ibidem pp. 256—261.

**) Van der Hardt M. C. C. III, pp. 274—289

***) Pater Dupin in Gersonianis p. LVI: „Tractatus duodecim super canticum *magnificat*. ita sunt scholastico pulvere, ut ita loquar, sordidi, ut vix patienter legi possunt. Anno 1427 *Lugduni* confecti sunt".

****) Преимущественно см. tractatum octavum. Gersoni opera IV, pp. 352—392.

свои лжехитрости (fallacias) изъ логики (ex logicalibus sumptas).. По главнымъ способамъ веденія діалектическихъ преній *)*Герсонъ подробно излагаетъ правила искусства длить споръ до безконечности или лишать его исхода, и по всѣмъ этимъ софистическимъ способамъ (l. c. p. 377 et sequ.) проводитъ онъ вопросъ о „безотносительной необходимости всего совершающагося". Вышеприведенная еретическая сентенція (XXVII) „in diffusa condemnatione" была обличена во всей своей вредоносности: 1) какъ умаляющая всемогущество Бога; 2) какъ повергающая въ отчаяніе (desperatio) христіанскую душу, лишенную награды за заслуги, 3) какъ поощряющая къ предубѣжденной рѣшимости (praesumptio) преступной души на злыя дѣла. Цензура начала свое опроверженіе съ большею обстоятельностью, чѣмъ въ иныхъ статьяхъ, приведеніемъ библейскихъ и евангельскихъ мѣстъ, изъ которыхъ каждое доказывало заключеніе, выраженное нѣсколько разъ тождественными словами: „*potuit ergo fieri quod non fiebat*"; „*potest Dominus facere quod non facit*". Такъ методически предупредивши и въ этой статьѣ констанцкіе отцы нашли глубокій слѣдъ неправовѣрнаго реализма, обличенію котораго и посвящается ихъ наибольшее вниманіе. Становясь на идеальную точку зрѣнія противника, составители обвинительной статьи XXVII всему совершающемуся даютъ мѣсто „in mente divina": въ ней все совершающееся представляется въ идеальной формѣ предвѣчно-возможнаго **). „Если такова высшая ступень идеальнаго мышленія о одновременномъ и предвѣчномъ существованіи всѣхъ возможностей, то помимо ея (extra mentem divinam) должна быть иная ступень, мысленно осуществляющая тѣ предвѣчныя возмож-

*) 1) secundum plures interrogationes; 2) secundum quid ad simpliciter; 3) secundum accidens per conjugationes inutiles; 4) per apparentiam contradictionis et non existentiam. На каждый способъ приводится по нѣскольку примѣровъ.

**) „Ubi (in mente divina) de necessitate absoluta in aeternitate simul mentaliter et idealiter et intelligibiliter omnia sunt simpliciter infinita, in multitudine possibilia" etc. V. d. Hardt IV, p. 283.

ности, ступень низшая, безсильная вмѣстить въ себя идеальное содержаніе той первой ступени *). Теряя эту предвѣчную всеобъемлемость въ осуществленіи, эта вторая ступень не допускаетъ безотносительной необходимости въ осуществленіи идеально-возможнаго и вводитъ въ него череду случайной послѣдовательности **). Въ заключеніе цензура намекаетъ на ученіе „de universalibus realibus", какъ на источникъ ею опровергнутаго заблужденія. „Какъ безконечная любовь Бога къ твари не влечетъ за собою со стороны послѣдней безконечной способности производить, вызывать это чувство, такъ же мало и непогрѣшительное всевѣдѣніе Бога, коимъ онъ предузнаетъ грядущія событія, можетъ вмѣнять симъ послѣднимъ законъ безотносительной необходимости" ***). Наконецъ, еще ближе узнаемъ мы участіе Герсона въ опроверженіи XXVII статьи по тому тщанію и рвенію, съ коими цензура озаботилась тѣмъ, что самъ Герсонъ именуетъ „moralis demonstratio", къ которой столь часто возвращается онъ въ сочиненіяхъ созерцательныхъ и мистическихъ. Герсонъ возстановляетъ за человѣкомъ право на свободное самоопредѣленіе по двумъ началамъ: 1) свободнаго противодѣйствія (libertas contradictionis) и 2) свободной цѣлесообразности дѣйствій (libertas finalis ordinationis), съ соболѣзнованіемъ обращаясь къ тѣмъ, кто лишаютъ себя этого нравственнаго блага („Miseri autem qui istum colunt articulum" etc. ibid. p. 282).

Заключеніе „diffusae codemnationis" содержитъ въ себѣ увѣтъ констанцкихъ Отцовъ къ 1) прелатамъ, 2) меньшимъ клирикамъ и 3) университетскому клиру (scholasticis). По-

---

*) „Sit quidam locus intelligibilis, in quo possibilia habent currere et existere effectualiter extra mentem divinam, non aeternaliter simul, etc. Unde hic locus infinite minor et minus vigorosus est ad continendum possibilia, quam prior, qui est mens divina". Ibidem p. 283—284.

**) „Oportet quod possibilia in hoc loco secundo habeant existentiam contingentem non absolute neccessariam". Ibidem.

***) „Sicut infinita dilectio Dei, qua diligit creaturas, non imponit eis infinitam amabilitatem, sic infallibilis scientia Dei, qua praescit futura, non imponit eis absolutam necessitatem". Ibidem p. 289.

слѣднимъ они напоминаютъ ихъ непремѣнную обязанность служить церкви школьнымъ приготовленіемъ клириковъ къ духовной рати съ еретиками. На открытомъ полѣ церкви должны они поборать и губить еретиковъ оружіемъ вѣры, ея истиною спасая людей, освобождая ихъ отъ оковъ и плѣна заблужденіи, да не погибнетъ человѣчество въ коснѣніи злобы.

Герсонъ, haereseon gladius, оружіе номинальной критики направлялъ всюду, гдѣ можно было ожидать опаснаго колебанія въ вѣроученіи отъ нарушителей ея правилъ. Онъ, вмѣстѣ съ другими парижскими магистрами, запретилъ распространеніе и преподаваніе доктрины Раймунда Луллія не по чему иному, какъ потому, что онъ „*habet terminos a nullo doctore usitatos*“ *). Будучи мистикомъ по призванію и умѣя цѣнить высокія дарованія нѣмецкихъ собратіевъ, онъ однако осуждаетъ ихъ въ крайностяхъ, къ коимъ они были увлекаемы презрѣніемъ къ богословскому словарю, основанному на преданіи, и тѣмъ личнымъ началомъ, которое является неизбѣжнымъ спутникомъ творчества. „Quamquam multa vera sint; ne subinde praesumant ipsi theologicas arduasque materias *novis verbis et pro sua aestimatione affectioneque repertis* pertractare, „nobis enim ad certam regulam loqui fas est“, inquit Augustinus; alioquin secus agentes facilem ad praecipitium sibi viam sternunt“. Такъ порицаетъ Герсонъ чтимаго имъ мистика Рюсбрека (родомъ изъ Бельгіи) въ полемической эпистолѣ, посвященной его сочиненію „De ornatu spiritualium nuptium“ **). Пламенный защит-

---

*) „Secunda lectio contra vanam curiositatem“. Gersoni opera I, p. 103. Cf. ibid. p. 82: „Sic nuper actum est Parisiis per sacram theologiae facultatem adversus illos, qui doctrinam quandam peregrinam Raymundi Lulli conabantur inducere; quae licet sit multis altissima et verissima; quia tamen in aliis ***discrepat a modo loquendi doctorum sanctorum***, edicto publico repudiata prohibitaque“.

**) Böhringer Die deutschen Mystiker des XIV und XV Iahrhunderts. 1855 pp. 442—611. Эпистолу Герсона см. въ его Твореніяхъ I, pp. 59—63.

никъ Рюсбрека Іоаннъ Шенгавскій въ своей апологіи *) долженъ былъ уступить Герсону въ томъ, что мистическія сочиненія Рюсбрека не предназначаются для школы.

Тѣмъ сильнѣе заострилъ свое оружіе Герсонъ противъ Гуса и Іеронима, признавая въ нихъ послѣдователей реализма. Въ хвалебной эпистолѣ о бл. Бонавентурѣ Герсонъ поминаетъ ихъ такъ: „Damnata est novissima per celeberrimum Constantiense Concilium inter errores Hus ei Hieronymi positio ista *de universalium realium et aeternorum* positione“ **).

Осужденіе XLV сентенцій Виклефа составляетъ предварительную работу, для критики пражской ереси. Бо̀льшая часть осужденныхъ сентенцій была справедливо вмѣнена и Гусу. ***) Когда предсталъ на судъ Іеронимъ, потребовалось еще менѣе времени и усилій на осужденіе тѣхъ догматическихъ сентенцій, въ которыхъ и онъ былъ сильно заподозрѣнъ „(violenter suspectus).“ Для составленія обвинительнаго акта въ процессѣ Гуса потребовались его три главныя сочиненія, выше приводимыя; въ процессѣ Іеронима подсудимыя сочиненія лишь бѣгло упоминаются. Они не были приняты вовсе во вниманіе ****); Іеронимъ своими странствованіями сдѣлалъ излишнимъ всякую справку съ ними. Его судили тѣ самые члены Парижскаго, Кельнскаго, Гейдельбергскаго и другихъ университетовъ, съ которыми

*) Ibid. pp. 63—78: „Ista sunt spiritualia et mystica et ideo solis spiritualibus sunt comparanda et communicanda, nec hujusmodi in Scholis sunt tractanda“.

**) Ibidem p. 118.

***) „Articulorum Wiclefi CCLX potiores in Husso damnati.“ Van der Hardt IV, pp. 399—409. VI articulus omittitur qui tractat de exclusione Teutonicorum de civitate Pragensi et expulsione eorundem, *qui non tangit praecise materiam Wicleff.*

****) Благодаря этому самому условію, ни одно изъ сочиненій Іеронима не дошло до нашего времени: „Praefatus Hieronymus multos famosos libellos scripsit contra Papam et Principes illustres, DD. Ernestum Austriae, et Ernestum Bavariae Duces, et specialiter contra D. Sbinconem, Archiepiscopum Pragensem, *se subscribendo*, libellum famosum in multis locis affixit.“ Van der Hardt IV, p. 640.

онъ лично состязался за нѣсколько лѣтъ передъ соборомъ въ мѣстныхъ залахъ и лекторіяхъ: его собственныя уста были его обличителями. Устныя пренія въ процессѣ Гуса имѣютъ большее значеніе, чѣмъ обвинительные документы. Къ сожалѣнію, передача ихъ въ протоколахъ Собора далеко не полна и отличается мѣстами излишнею обобщенностью, мѣстами отрывочностію. Случайно дошедшія свидѣтельства убѣждаютъ въ томъ, что нѣкоторыя пренія особенно важныя, вовсе не оставили по себѣ памяти ни въ протоколахъ Собора, ни въ реляціи П. Младеновича. Даже то рѣшительное засѣданіе 6-го іюля 1415 года, собравшееся, въ присутствіи Императора Сигизмунда, въ каѳедральномъ соборѣ Констанцкомъ, съ котораго Гусъ пошелъ на костеръ, даже и оно далеко не вполнѣ было занесено въ протоколы. Въ своей „Ольденбургской Хроникѣ" Іоаннъ Шипгауеръ, говоря объ *Іоаннѣ Захаріе*, бывшемъ на Констанцкомъ соборѣ депутатомъ отъ Эрфуртскаго Университета, въ похвалу его учености въ богословіи и правахъ, говоритъ о немъ слѣдующее: „Онъ (т. е. І. Захаріе) переспорилъ непобѣдимѣйшаго и ученѣйшаго еретика Іоанна Гуса и содѣйствовалъ его огненной казни: никто, кромѣ этого престарѣлаго отца, не былъ въ состояніи побѣдить І. Гуса." *) Въ актахъ собора вовсе не упоминается ни о состязаніи, ниже объ участіи его въ процессѣ. Герсонъ равнымъ образомъ долженъ былъ принимать большее участіе въ преніяхъ, чѣмъ насколько насъ знакомятъ съ ними соборные протоколы, судя по одному тому ревенію, съ коимъ онъ, по мимо „статей" Михаила de Causis и Стефана Палеча, представилъ свои XVI обвинительныхъ статей противъ Гуса. **)

*) Meybom Rerum germanicarum t. II, f. 170. Van der Hardt IV, p. 395.

**) Van der Hardt IV, p. 385. XX articuli in Documentio, pp. 185—188. „O si deus daret tempus scribendi contra mendacia *Parisiensis cancellarii* (I. Gersoni), qui tam temerarie et injuste, coram tanta multitudine, non est veritus proximum erroribus annotare" *Amicis suis* in Documentis p. 97.

Такое невниманіе къ преніямъ со стороны составлявшихъ протоколы засѣданій объясняется, впрочемъ, безъ большой трудности. Члены Собора не придавали имъ той важности, какую приписывалъ имъ подсудимый. Во время процесса Гусъ находился въ безвыходномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Находясь передъ верховнымъ трибуналомъ церковнаго суда онъ безпрестанно вызывалъ соборъ на споръ, симъ самымъ отвергая судебную его компетенцію. Еще въ Прагѣ Гусъ мечталъ о подобномъ состязаніи „со всѣми Парижскими магистрами,“ *) и здѣсь, въ Констанцѣ считалъ себя близкимъ къ осуществленію своей мечты. Инстигаторы не замедлили сложить обвинительную статью XXIII: „nulla haeresis debet exterminari per potentiam sed per disputationes in scholis.“ Его лучшій другъ Генрихъ панъ Лацембокъ, присутствовавшій на Соборѣ, видя его ложное положеніе, ласково замѣчалъ ему: „Bone vir, noli rimari“ „(*Dobry muži ne hlúbaj.*)“ **) Но онъ продолжалъ настаивать на аудіенціи, „ut respondeat *more scholastico*.“ ***) Такъ говорилъ онъ въ то время, когда противъ него уже были составлены обвинительныя статьи *по всѣмъ правиламъ схоластики*. Да и не такъ слѣдуетъ понимать его слова: *mos scholasticus!* Онъ безпрестанно отворачивался отъ научныхъ пріемовъ критики; желая спорить съ Соборомъ „more scholastico,“ онъ разумѣлъ пражскіе диспуты, шумный и страстный характеръ которыхъ давалъ легкую возможность уклоняться отъ прямыхъ путей и приходить къ заключеніямъ, лестнымъ для его субъективнаго исповѣданія. Іеронимъ направлялъ пражскіе диспуты; онъ собиралъ ихъ публику. На диспутаціи de quolibet магистра Матвѣя Глимскаго въ 1400-мъ году, Іеронимъ въ огромномъ собраніи магистровъ, докторовъ, студентовъ и почетныхъ людей утверждалъ, что І. Виклефъ, будучи хорошимъ

*) Probatur per unum clericum, quod pluries collaudando se dixit in sermone suo: „veniant omnes Magistri de Parisiis, ego volo cum ipsis disputare.“ Van der Hardt IV, 426.

**) „Ioanni de Chlum“ in Docum. p. 90.

***) „Amicis suis Constantiae“ ibid. p. 91.

католикомъ, писалъ сочиненія, исполненныя истины. Въ томъ же году на защиту его сочиненій Іеронимъ собралъ многихъ значительныхъ людей,—богатыхъ и могущественныхъ гражданъ пражскихъ, и, въ особенности, многопросвѣщенныхъ науками посланниковъ бургундскихъ и брабантскихъ, тогда жившихъ въ Прагѣ, по его настоятельному приглашенію пособлявшихъ ему въ защитѣ вышеназванныхъ заблужденій и сочиненій *). Во время своего отлученія Іеронимъ каждодневно появлялся въ пражскихъ аудиторіяхъ и убѣждалъ студентовъ, бросивши всѣ книги, церковью одобренныя, предаться изученію сочиненій Виклефа, содержащихъ въ себѣ крѣпкіе корни истинныхъ наукъ, все ихъ поученіе, всѣ ихъ основанія: въ нихъ корни наукъ, въ остальныхъ же книгахъ—лишь ихъ кора **). „И когда Государь Король Чешскій приказалъ Гуса и Виклефистовъ предать правосудію, Іеронимъ явился ко дворцу на ослѣ, въ одеждѣ нищаго, босой, съ длинной бородою, распоясанный, такъ притворно подражая образу Христова ученика, и въ этомъ видѣ во дворцѣ проповѣдуя, онъ многихъ склонилъ на сторону Виклефистовъ, ипокризою избавляя отъ осужденія уже осужденныхъ королемъ еретиковъ и возмутителей.“ ***) „И во время проповѣди Гуса, когда не только Виѳлеемская Капелла, но и вся ея окрестность была полна народа, Іеронимъ, высунувши голову изъ окна капеллы, возмущалъ народъ противъ архіепископа Збинка, произнося противъ него тяжкія оскорбленія.“ ***)

Для Гуса получали особую цѣнность тѣ формальности которыя бы упрочивали за соборными засѣданіями значе-

---

*) „Articuli contra Hieronymum de Praga“ ap. V. d. Hardt IV, 636—637. „*Respondeo*: Hoc dico: Quae bona Wiclef scripsit, de his laus illi, non mihi. Quae vero mala scripsit, vituperium de his illi, non mihi.... Invitavi illos ambasiatores ad Quodlibetum, non ad sustinendum errores, sed ad honorandum eos, ut mei D. Regis hospites.“

**) Ibidem pp. 649—654.

***) Ibidem p. 644.

****) V. d. Hardt IV, 640—641.

ніе школьныхъ диспутацій. Онъ началъ съ *протестаціи*, въ смыслѣ отреченія отъ *возможныхъ* заблужденій, и не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ подписать ту мягкую форму отреченія, которая была ему предложена соборомъ, въ угоду ему, подъ тѣмъ же наименованіемъ *протестаціи*: „Ego ultra protestationes per me factas, quos volo habere pro repetitis, *protestor* de novo, qnod licet mihi multa imponantur quae nunquam cogitavi, nihilominus de omnibus mihi impositis *summito me humiliter misericordi ordinationi*, *definitioni*, *correctioni sacrocansti Concilii Generalis*" etc. *) Единственная *уступка*, какую онъ счелъ возможнымъ сдѣлать Вселенскому Собору, заключалась въ томъ, что, уступая требоніямъ, приметъ поученіе Собора (informationem). **) Слово informatio въ устахъ Гуса и слова ordinatio—correctio—definitio въ устахъ Отцевъ Собора были роковою чертой, которую провелъ самъ Гусъ въ самомъ началѣ процесса: она дѣлала невозможнымъ примиреніе. Какъ ни часто онъ возвращался къ просьбѣ о поученіи, всякій разъ отвѣтомъ ему служили или бурныя сцены, заглушавшія голоса ораторовъ, или смѣхъ, или молчаніе. ***) Мѣстами Гусъ указывалъ на оружіе и крѣпости чешскихъ пановъ, какъ на зашиту своего упорства. Въ засѣданіи 7-го іюня 1415 г. онъ обратился къ кардиналу Петру Дальи съ слѣдующими словами: „Я явился сюда по побужденію собственной воли. Иначе нашлось бы въ Богеміи не мало вельможъ, взыскивающихъ меня такою благосклонностью, что легко бы мнѣ было найти у нихъ скрытое и безопасное мѣсто, и не былъ бы я вынужденъ слѣдовать волѣ короля Богеміи и Императора." Дальи, измѣнившись въ лицѣ отъ негодованія, произнесъ къ Отцамъ: „Замѣтьте, ради Бога, безстыдство

*) Ibidem p. 329.

**) Ibidem p. 325: „libenter in vestram informationem, ita ut postulatis, concedam."

***) Гусъ, продолжая ошибку, толковалъ въ своихъ письмахъ смѣхъ—нечестіемъ, молчаніе—затрудненіемъ въ отвѣтѣ. (V. d. Hardt IV, p 311 и чаще).

этого человѣка!“ *) Панъ Хлумъ, вмѣшавшись, подтвердилъ, говоря, что онъ одинъ былъ бы достаточно силенъ, чтобы защитить Гуса противъ Вячеслава и Сигизмунда, не говоря о многихъ другихъ панахъ гораздо болѣе могущественныхъ, имѣющихъ замки, гораздо болѣе укрѣпленные. Дальи, вѣжливо отклоняя неумѣстныя угрозы, произнесъ Гусу: „Къ тебѣ обращаясь, тебѣ совѣтую, Янъ Гусъ! подчинись сужденію Собора согласно твоему обѣщанію, данному въ темницѣ.“ **)

Пока Гусъ продолжалъ упорствовать на *поученіи*, составъ комиссіи *de fide* успѣлъ измѣниться, и многіе изъ ея 60 докторовъ были замѣнены парижскими, признававшими во всемъ авторитетъ своего бывшаго канцлера Дальи и настоящаго—Герсона. ***)

Вышеприведенная форма отреченія была тѣмъ мягче, что въ нее всё же вошло условіе (со словъ *licet*), которое придаетъ ей значеніе *protestationis conditionalis* (не *absolutae*). Позже, когда Герсонъ съ Парижскими магистрами сталъ еще пристальнѣе настаивать на осужденіи, это условіе было удалено. Гусъ принужденъ былъ признать истинность обвинительныхъ статей. Къ сожалѣнію, соборные акты не даютъ возможности проникнуть въ ходъ борьбы, окончившейся побѣдою инстигаторовъ, заставившихъ Гуса признать себя побѣжденнымъ. Результаты послѣднихъ засѣданій въ процессѣ Гуса обличились немедленно, въ самомъ началѣ Іеронимова процесса. Для Отцевъ Собора, Іеронимъ былъ прежде всего ученикомъ Гуса. ****) По одному этому

---

*) *Hic* Cameracensis (Кард. Дальи еп. Камбре) *vultu mutato prae indignatione*, Videte, *inquit*, obsecro, hominis impudentiam. V. d. Hardt IV, p. 313.

**) Ioannes de Chlum M. Ioanni Hus: „Amici praecipui tristantur *de ergastulari responsione*, et specialiter Iesenicz. Praeteritum autem non potest revocari.“ Documenta p. 86.

***) Card. Cameracensis in sessione die 8 Iunii 1415 habita: „hoc decretum a Doctoribus fere sexaginta, quorum aliqui hinc abierunt et tamen in eorum locum Parisienses successerunt.“ V. d. Hardt IV, p. 326.

****) „Si qui hic Constantiae reperiuntur Iohannis Hus familiares, illi quoque ea, qua debent, severitate coherceantur, *imprimis vero Discipulus ejus Hieronymus*.“ V. d. Hardt IV, pp. 329, 391, 345 и чаще.

обвинительныя статьи (*quoad fidem*) Гуса были вмѣнимы и ему. Съ этой стороны одно торжественное отреченіе (publica recantatio articulorum), казалось бы, было достаточна для примирительнаго исхода дѣла, безо всякаго въ немъ участія со стороны свѣтской куріи. Въ началѣ Іерониму, дѣйствительно, былъ предложенъ этотъ путь. И онъ съ охотою вступилъ на него. Полное, облеченное въ торжественнѣйшую форму, отреченіе Іеронима отъ ученія Гуса занесено въ соборные акты во всѣхъ моментахъ его формальнаго исполненія. *) *Протестація* была задумана человѣкомъ обширнаго ума, исполнена съ краснорѣчіемъ, всѣми признаннымъ. **) Торжественная рекантація ереси произошла въ засѣданіи 23 сентября 1415 г. съ амвона каѳедральнаго Собора Констанцкаго. Соборный референтъ различаетъ въ ней три составныя части: 1) professio, 2) protestatio и 3) abjuratio. Іеронимъ предупредилъ необходимыя формальности (protestatio, abjuratio) обширнымъ предисловіемъ, заключающимъ въ себѣ прославленіе собора и выраженіе своей къ нему уничиженной преданности (professio). Параболически привѣтствуя въ Соборѣ возсозданный храмъ Божій, Іеронимъ каждому изъ его Отцевъ давалъ лестныя наименованія драгоцѣнныхъ металловъ и камней, украшающихъ стѣны, столбы и кровлю этого храма, самого же себя простиралъ къ ихъ ногамъ, сравнивая себя и всю отверженнѣйшую чернь церкви Божіей съ козлиной шкурою, въ преддверіи храма распростертой (L. c. pp. 503—504). Затѣмъ Іеронимъ произнесъ, или скорѣе, повторилъ *проклятіе* и *осужденіе* сентенцій Виклефа и Гуса,

---

*) Van der Hardt IV, pp. 497—508.

**) Epistola responsoria Bohemorum ad Concilium; „Quia potius honorandum M. Hieronymum de Praga, virum certissime eloquentiae lacteo fonte manantem, philosophum illustrem“ apud V. d. Hardt IV, p. 796. Poggius Aretino: „Fateor me neminem unquam vidisse, qui in causa dicenda, praesertim capitis, magis accederet ad facundiam priscorum, quos tantopere admiramur...... ut dolendum sit tam nobile ingenium tamque excellens, ad illa haeresis studia divertisse.“ V. d. Hardt III, p. 64.

въ тѣхъ выраженіяхъ, въ коихъ они были прокляты и осуждены Отцами Собора. Въ интимномъ сообщеніи о своемъ отреченіи, писанномъ почешски, въ частномъ письмѣ къ другу, Іеронимъ приводитъ главнымъ своимъ побужденіемъ собственноручныя рукописныя признанія Гуса въ тѣхъ сентенціяхъ, за которыя онъ понесъ, по мнѣнію Іеронима, столь заслуженную имъ кару. *) Можетъ быть, на первыхъ порахъ, въ страхѣ огня, Іеронимъ писалъ это письмо, съ цѣлью впослѣдствіи воспользоваться имъ, какъ доказательствомъ заподозрѣнной искренности его отреченія!

Вслѣдъ за этимъ безотносительнымъ и общимъ отреченіемъ послѣдовали частныя, касающіяся философскаго ученія, изъ котораго, по мнѣнію парижскихъ магистровъ, проистекла ересь **). По свойству процесса in haeresim, вчиненнаго противъ мірянина, отреченіе отъ запрещеннаго церковью реализма имѣло большее значеніе, чѣмъ то первое, общее отреченіе, ибо самъ Іеронимъ, въ началѣ процесса, старался всѣми силами вовсе отклониться отъ всякаго дознанія на немъ по вопросамъ Вѣры: „Quidquid fecit, non fecit pertinaciter, sed *disputative*;“ „Quae ego posui in scholis, posui *philosophice*.“ ***) Но въ томъ и заключалась главная пища ненависти, которою былъ глубоко проникнутъ весь клиръ къ Іерониму, что онъ выводилъ все вѣроученіе христіанское изъ положеній философскаго реализма. Видимо нетвердый въ самыхъ элементахъ богословія, онъ подчинялъ смыслу философскихъ сентенцій поверхностно имъ понимаемыя положенія богословскія. Задолго до Собора онъ прославился дерзкимъ презрѣніемъ къ верховенству богословія своими проповѣдями и диспутами въ Университетахъ. Его судьба была предрѣшена, и предложенная ему протестація оказалась лишь первымъ, искусительнымъ актомъ его процесса.

---

*) Hieronymus D. Lackoni in Documentis pp. 598—599: „Učiněno jest pjři nem mým vědomim, což jest mělo učiněno býti.“

**) „Alia revocatio Hieronymi de Universalibus realibus,“ V. d. Hardt V, pp. 505— 06.

***) Ibidem pp. 217, 502.

Возвращаясь на время къ послѣднимъ засѣданіямъ Собора въ процессѣ Гуса, съ преобладающимъ парижскимъ составомъ коммиссіи de fide, припомнимъ, что въ нихъ судьи съ новымъ ожесточеніемъ настаивали на крайностяхъ реализма, насколько то дозволялъ обвинительный аппаратъ Гусова процесса. Обвинители прибѣгли, по мнѣнію еп. Гефеле *), за отсутствіемъ ясныхъ сентенцій, къ искусственнымъ выводамъ изъ ученія о вещественномъ бытіи общихъ понятій. Изъ основъ реализма выводили инстигаторы ученіе Гуса о множимости лицъ св. Троицы: допуская множимость въ существѣ Бога, онъ, по клеветѣ инстигаторовъ, нашелъ въ немъ мѣсто и для себя. Желая свою подозрительность удостовѣрить, инстигаторы такъ формулировали свои искусственные выводы изъ реализма, вмѣняя ихъ въ вину Гуса: „Doctor quidam in Theologia subjunxit quod, etiam audivit in quodam disputatione, ubi praesidebat idem Magister Richardus, quod Magister Iohannes Hus concessit istam (sic), quod Iohannes Hus esset persona in divinis, et quod plures essent personae in divinis quam tres“ „Articuli ex processibus probati“ приводя эту статью, подтверждаютъ свидѣтельство обвинителя, скрывшаго свое имя (d. quidam in Th.), равносильными показаніями пяти свидѣтелей: 1) per doctorem in Theologia; 2) per Abbatem; 3) per Vicarium; 4) per Plebanum; 5) per Magistrum in Theologia, прибавляя при семъ: „et per multos alios ex communi fama et credulitate fide dignorum.“ **) Это обвиненіе, не составляя ничего отдѣльнаго, вошло въ составъ XVII статьи, содержащей въ себѣ ересь „de remanentia panis.“ Одно это совмѣщеніе достаточно убѣждаетъ въ томъ, что оба ученія выведены были изъ теоріи реализма. Ученіе „de remanentia panis“ вытекало изъ реалистической догмы о непреложности

*) Conciliengeschichte VII, pp. 151 (adn. 4), 199.

**) Van der Hardt IV, p. 418. Cf. p. 392: „Haec cum agitabantur, rursus contra eum recitabatur novum commentum, ut quod ille Sanctissimae Triadi quartam adjecisset personam. Atque id unius Doctoris testimonio confirmabant, cujus nomen celabant interim“ (Actâ Sessionis XV de Hussi rogo).

и неизмѣняемости идеальной субстанціи вещей; ученіе о множимости лицъ св. Троицы, по всему вѣроятію, должно было проистекать изъ пантеистическаго оттѣнка, котораго было бы трудно не признать въ реализмѣ. По всему вѣроятію, fama communis почерпала свои показанія изъ устъ учениковъ Гуса, если позволительно защищать инстигаторовъ Гуса отъ обвиненія въ клеветѣ. Съ тѣмъ большею смѣлостью принимаемъ на себя эту обязанность, что между обвинительными статьями, составленными, на совершенно иныхъ основаніяхъ, противъ Гусова ученика, Іеронима мы читаемъ слѣдующую, забытую, или незамѣченную епископомъ Гефеле: „In deo sive in divina essentia non solum est Trinitas personarum, sed etiam quaternitas *rerum* et quinternitas etc. *)

Если въ обличеніи Гуса нужны были справки съ его сочиненіями и съ достовѣрными свидѣтелями, то потребность въ нихъ при обличеніи Іеронима совершенно исчезала. Многимъ изъ первенствующихъ членовъ собора достаточно было напомнить ему тѣ встрѣчи и столкновенія, въ которыхъ такъ смѣло вызывалъ ихъ Іеронимъ на опаснѣйшіе вопросы философіи,—Герсона—въ многочисленныхъ собраніяхъ на диспутахъ Парижскаго Университета, Динкельсбюля—въ вѣнской аулѣ, Гейдельберскихъ, Кельнскихъ магистровъ—въ ихъ мѣстной академической средѣ. Съ самаго перваго вступленія Іеронима въ Соборъ не трудно было предречь исходъ его процесса. Іеронимъ былъ введенъ въ первый разъ въ засѣданіи 23-го мая (четвергъ) 1415 г., происходившемъ въ зданіи монастыря Францисканцевъ, обремененный тяжелыми, гремящими цѣпями. „И воспрянувши, съ кликами произносило все собраніе свои обвиненія, свои свидѣтельства противъ него. И когда состоялся обмѣнъ первыхъ словъ между засѣдающими, и воцарилось молчаніе, Герсонъ, который, будучи канцлеромъ Парижской академіи, зналъ Іеронима за искуснаго диспутатора, первый обратился къ нему съ рѣчью. Ему въ томъ подражали многіе ученые мужи изъ академій Кельнской и

*) Ibidem p. 645.

Гейдельбергской, гдѣ также пребывалъ Іеронимъ. Парижскій канцлеръ, Герсонъ именно, такъ сказалъ ему: „И ты, Іеронимъ, будучи въ Парижѣ равнялъ себя въ твоемъ краснорѣчіи—съ ангелами и возмутилъ Университетъ, утверждая въ его ученіи твои блудныя догмы, и со всѣми выводами изъ нихъ, особенно же догмы въ области общихъ понятій, идей и другихъ соблазновъ". Іеронимъ такъ ему отвѣчалъ: „Магистръ! то, что я утверждалъ въ Парижѣ, въ публичномъ преподаваніи, я утверждалъ въ отвѣтъ на магистерскіе споры со мной, философически, въ качествѣ философа и магистра Парижскаго Университета. И если было что ошибочнаго въ томъ, что я утверждалъ, я готовъ въ томъ униженно поучиться и исправиться." И не давши ему договорить, нѣкто другой (какъ кажется, магистръ Университета Кельнскаго при Рейнѣ), вставши, сказалъ: „И въ Кельнѣ будучи, ты въ той же области утверждалъ много блуднаго." „Скажите хотя одно заблужденіе, которое бы я въ Кельнѣ утверждалъ," прервалъ его Іеронимъ. И въ какомъ то изумленіи отвѣтилъ ему кельнскій магистръ: „вдругъ не припомню, но послѣ тебѣ въ точности представятъ ихъ." И немедленно за тѣмъ всталъ третій: „И въ Гейдельбергѣ будучи, ты утверждалъ много блуднаго въ догмѣ о Св. Троицѣ. И тамъ ты изображалъ щитъ нѣкій (al. scutum fidei), сравнивая троичность божественныхъ лицъ съ водою, снѣгомъ, льдомъ, приводя и другія сравненія." На это отвѣтилъ Іеронимъ: „то, что я тамъ писалъ и чертилъ, готовъ и здѣсь говорить, писать и изображать." На это раздались въ Соборѣ клики: „Comburatur, comburatur!" Среди многихъ кликовъ и обвиненій, кои въ безпорядкѣ и съ великимъ шумомъ произносились, Іеронима, скованнаго, предали въ руки биричей, которые вечеромъ должны были заключить его въ темницу." *)

Обвинительныя статьи, составленныя противъ Іеронима разъясняютъ во всей подробности тѣ устныя обвиненія, отъ которыхъ не могли воздержаться Отцы Собора при первомъ воззрѣніи на него. Первое изъ нихъ, парижское,

*) Van der Hardt. IV, pp. 217—218.

произнесенное устами Герсона, заняло особую главу въ іеронимовой „протестаціи,“ *) произнесенную имъ съ амвона въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я же, вышеназванный Іеронимъ въ „академическихъ дѣяніяхъ“ доказывалъ *мнѣніе* о вещественномъ бытіи общихъ понятій, называя *человѣка*, *осла*, *быка* и пр. единою въ родовомъ бытіи сущностью, а *Іеронима*, *Амвросія*, *Августина* и пр. единою въ видовомъ бытіи сущностью, и въ руководство пониманія, приводилъ чувственный примѣръ въ образѣ треугольника, который именовалъ *щитомъ вѣры (scutum fidei)*. Съ цѣлью уклониться отъ блуднаго и соблазнительнаго разумѣнія, въ которомъ могли бы нѣкоторые принять это мое ученіе, я утверждаю нынѣ и объявляю, что фигуру сію я начерталъ и *щитомъ вѣры* наименовалъ вовсе не въ намѣреніи превознести *мнѣніе объ общихъ понятіяхъ* надъ ему противуположнымъ ученіемъ, какъ бы безъ его *щита* католическая вѣра не могла быть оборонена. Напротивъ, не желая упорно держаться сего мнѣнія, я въ начертанной фигурѣ треугольника давалъ лишь ею примѣръ тому, что божественному существу подлежатъ три ѵпостаси **) ученіе о которыхъ и есть тотъ главный *щитъ вѣры*, на коемъ основана вѣра и истина католическая.“ Устныя показанія видимо служили преимущественнымъ источникомъ для составленія обвинительныхъ статей *quoad fidem* противъ Іеронима. Обвинительная коммиссія состояла изъ двухъ лицъ: Іоанна, патріарха константинопольскаго и вѣнскаго профессора Богословія, выше неоднократно названнаго Николая Динкельсбюля. ***) Матерьялы были доставляемы тѣми самыми свидѣтелями, которые проявили свое къ тому рвеніе при первомъ появленіи Іеронима на Соборъ. Кромѣ *щита вѣры*, Герсонъ составилъ особую статью изъ изреченія Іеронима, защищеннаго имъ публично въ Парижскомъ

---

*) Выше приведенная „alia revocatio de Universalibus realibus.“

**) Van der Hardt IV, p. 506:... „ponebam exemplum, quod divina essentia est tria divina supposita.“

***) Ibidem p. 616.

Университетъ: *) *quod Deus nihil possit annihilare*. Въ другой редакціи статей, еще болѣе подробной, но до насъ не дошедшей, обвиненіе это полнѣе изложено (plenius continetur), съ показаніемъ весьма вѣроятной связи его съ ученіемъ Виклефа *de absoluta necessitate* (см. выше). Пораженные, парижскіе магистры и канцлеръ Герсонъ собирались побудить Іеронима къ немедленному отреченію. „Sed dictus H., nescitur per quem avisatus, occulte civitate et studio recessit." Ссылаясь на ту же болѣе подробную редакцію обвинительныхъ статей, „Articuli contra H." въ менѣе опредѣленныхъ словахъ обвиняютъ его въ публичномъ преподаваніи блудныхъ догмъ въ лекторіяхъ Гейдельбергскаго Университета. И, когда ему грозила темница, „iterum avisatus de praemissis, e dicta (Heidelbergensi) Universitate clam recessit." За отсутствіемъ подробной редакціи обвинительныхъ статей мы обращаемся къ актамъ Гейдельбергскаго Университета и изъ нихъ дополняемъ показанія, кои даютъ „Articuli probati" о проповѣди Іеронима въ Гейдельбергѣ **) „Магистръ Іеронимъ Пражскій, будучи 7-го апрѣля 1406 г. принятъ въ факультетъ искусствъ желая выступить въ публичномъ диспутѣ, и защищая свое положеніе, съ дерзкою надменностью нападалъ на Буридана, ***) Марсилія

*) Ibidem p. 681, 646. Основываясь на устныхъ свидѣтельствахъ, „Articuli contra Hieronymum" составляютъ обильный историческій источникъ, тѣмъ болѣе занимательный, что при каждомъ показаніи приводятъ во всей обстоятельности *rationes scientiae*. Особенно подробны разсказы о путешествіяхъ Іеронима, напр. на Русь (Витебскъ—Псковъ pp. 677—680), о многочисленныхъ преступленіяхъ его противъ публичной нравственности и личной безопасности пражскихъ клириковъ и міряпъ, преданныхъ католической церкви, о его кощунствахъ, коими онъ вполнѣ заслуживалъ эпитетъ *sacrilegus infamis*.

**) I. F. Hautz Geschichte der Universität Heidelberg I, p. 232 (ann. 16).

***) Буриданъ—*номиналистъ*, толкователь Аристотеля, парижскій ректоръ 1327 г., пребывавшій долгое время въ Германіи. Изобрѣтатель „pontis asinorum," онъ былъ извѣстенъ, какъ искусный силлогистъ, тщательно избѣгающій столкновеній съ вопросами Богословія. Подъ Марсиліемъ должно, вѣроятно, разумѣть Marsilium ab Inghen,

и других магистровъ, называя ихъ „скорѣе преданными діалектикѣ еретиками, чѣмъ авторитетами въ логикѣ.“ Будучи понуждаемъ представить свою тезу на факультетское сужденіе, до своего отъѣзда, онъ и не подумалъ исполнить этого требованія. Несмотря на повторительное запрещеніе и отлученіе его отъ всѣхъ академическихъ дѣяній, онъ настаивалъ на публичной репликѣ той ему противурѣчивой сентенціи, которую защищалъ для того отъ факультета назначенный магистръ. Объявивши запискою, прибитою къ воротамъ, о мѣстѣ и времени своей публичной реплики, Іеронимъ, дѣйствительно, явился на кладбище Св. Петра, но нашелъ тамъ однихъ простолюдиновъ и старухъ, ибо за клятвою было воспрещено студентамъ присутствовать на его „дѣяніи.“

Что касается до догмата „о безсиліи Бога что-либо уничтожить,“ то связь его съ ученіемъ „de absoluta necessitate“ выражена и внѣшнимъ образомъ тѣмъ, что въ „Articuli probati“ первый догматъ предшествуетъ второму, выраженному смягченно: „Omnia futura de necessitate conditionata evenient.“ Изъ другихъ статей очевидно, что Іеронимъ, защищая детерминизмъ, любилъ играть искусственными выводами изъ правовѣрныхъ догматовъ: „De potentia Dei absoluta Deus Pater potuit non generare filium. *) Всѣ эти сентенціи Іеронима-ученика состоятъ въ естественной генетической связи съ ученіемъ Гуса-учителя. Безпристрастіе, съ коимъ выводили инстигаторы свои обвинительныя статьи противъ учителя-Гуса и ученика-Іеронима, достаточно свидѣтельствуется тѣмъ, что философскія сентенціи весьма близкія другъ къ другу по системѣ, и родственныя по духу, приписывались тому и другому въ различныхъ фазахъ ученія и въ столь же различныхъ выраженіяхъ. Сводя тѣ и другія вмѣстѣ, можно составить себѣ болѣе полныя и ясныя очертанія подсудимаго ученія. Такъ напр.,

---

современника и сподвижника Буридана. О Буриданѣ подробно см. у, Теннемана VIII, 2, pp. 914—921. О Марсиліѣ тамъ же и у Гауцa O. c. I, p. 124 (ann. 63).

*) Van der Hardt IV, p. 646.

данныя сентенціи, приписанныя Іерониму, весьма умѣстно пополняются многими другъ за другомъ слѣдующими обвинительными статьями противъ Гуса. Первая и кардинальная относится до творческой производительности идеаловъ и выражается слѣдующими словами: „Quaelibet essentia habet unum suppositum, secundum quod producitur aliud suppositum par priori. Et ista est actio immanens perfictissima *possibilis naturae*" *). Между этими, по духу тождественными сентенціями, встрѣчаемъ и Іеронимову: „Deus nihil potest annihilare, nec mundum majorare vel minorare, sed *animas* usque ad certum numerum *citare*, **) et non ultra."

Помимо этихъ точекъ соприкосновенія съ ученіемъ Гуса, Іеронимъ давалъ клиру несравненно бо́льшую сравнительно съ Гусомъ пищу для ненависти къ нему тѣмъ подчиненнымъ отношеніемъ, въ которое онъ поставилъ богословіе къ философіи. Въ вышеприведенномъ отреченіи отъ *щита вѣры* явственно слышны тѣ упреки, которые привели его къ отреченію. Duns Scotus, ***) второй по Абелярѣ изъ схоластиковъ сдѣлавшій крупный шагъ въ теоріи человѣческаго познанія предупреждаетъ то заблужденіе, которое привело Іеронима къ построенію его треугольника. Естественнымъ путемъ получаемыя понятія о вещахъ Duns Scotus примирялъ съ тѣмъ сверхъестественнымъ разумомъ, коимъ внушаются человѣку божественныя истины, посредствомъ предположенія о гармоніи естественнаго познанія вещей съ тѣмъ божественнымъ разумомъ, при свѣтѣ котораго Богъ создалъ познаваемыя человѣкомъ вещи. Эту точку зрѣнія еще Duns Scotus примѣнялъ къ соотношенію треугольника и Божественной Троицы въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Cognoscere triangulum habere tres, ut est quaedam participatio Dei, et habens talem ordinem in universo, quo quasi exprimit perfectionem Dei, hoc est nobiliori modo cognoscere triangulum habere tres, quam per rationem trian-

---

*) Van der Hardt. IV, p. 406.

**) i. e., *in mundum creatum* (ex pura possibilitate ideati).

***) Парижскій докторъ 1304 г. Подробно о немъ см. у Теннемана VIII, 2, pp. 700—787.

guli" *) Такое познаніе называетъ Duns Scotus—„perfectior, purior (cognitio) et eminentior alia quacunque." Ее онъ вмѣняетъ Теологу во всѣхъ его заключеніяхъ: „et hoc modo cognitio omnium pertinet ad Theologum." Такое познаніе Duns Scotus именуетъ „cognitio per principia sumta *a luce aeterna*," всякое другое познаніе ему противуполагается, какъ „cognitio sumta per principia *in genere proprio*." Въ своемъ построеніи треугольника, въ значеніи *щита вѣры*, Іеронимъ грубо погрѣшилъ противъ этой теоріи познанія, общепринятой у Богослововъ XIV и XV столѣтія, безъ различія оттѣнковъ, у реалистовъ и у номиналистовъ.

Трудно было Гусу и Іерониму примириться съ парижскими магистрами, во главѣ коихъ стоялъ правовѣрный канцлеръ Герсонъ! Никакія протестаціи, очевиднымъ образомъ, не могли помочь ни тому, ни другому! Тѣмъ труднѣе было имъ обойти Герсона, что, будучи самъ призваннымъ мистикомъ, онъ былъ чутокъ ко всѣмъ тѣмъ новымъ путямъ боговѣдѣнія, кои открывались современнымъ ему собратіямъ по духу. Его собственное ученіе убивало всякое довѣріе къ буквѣ преданія, и *theologia literalis* не находила въ немъ покровителя. Схоластическія тонкости не могли помочь въ тщетномъ препирательствѣ съ правовѣріемъ. Герсонъ еще въ 1388 году проповѣдывалъ такъ: **) „Избѣгать слѣдуетъ тѣ паутины, которыя самой Минервѣ (вымышленной богинѣ мудрости) опротивѣли тѣмъ, что сами себя истощаютъ въ конецъ въ своихъ сплетеніяхъ этихъ нитей, правда тонкихъ, но тѣмъ болѣе слабыхъ. Поученія мудрости должны быть тверды и сильны; свою поучающую дѣятельность мудрый долженъ посвящать ясной истинѣ, а не пустымъ тонкостямъ. Много, конечно, тру-

---

*) Tennemann VIII, 2, pp. 721—722 (adn. 344), т. е., „Познаваніе троичности треугольника посредствомъ участія божественнаго существа троичности въ его созданіи, съ расширеніемъ такого участія на всѣ предметы міра, которые, такимъ образомъ, отражали бы на себѣ совершенство Божіе, такое познаніе троичности треугольника по своему происхожденію выше, нежели познаніе по его внѣшнему образу."

**) Gersoni opera III, p. 1029: Sermo in die dominica septuagesimae.

дился тотъ кто написалъ Иліаду на столь тонкой кожѣ и столь малыми литерами, что она вошла въ скорлупу орѣха; немало и Калликратъ, вытесавшій изъ слоновой кости муравьевъ въ ихъ естественной величинѣ; не менѣе ихъ и Мирмихридъ, сдѣлавшій изъ слоновой кости колесницу, покрываемую крыльями мухи, и корабль, покрываемый крыльями пчелки. Пускай удивляются этому; но эти безполезныя дѣла недостойны даже человѣка ума посредственнаго. Итакъ, слѣдуетъ желать приносить пользу болѣе чѣмъ удивлять."

Тѣмъ менѣе можно было вліять на дѣло, во главѣ котораго стоялъ Герсонъ, одними формальностями. Уже Гусъ подорвалъ всякое довѣріе къ протестаціямъ. Въ засѣданіи 31-го мая 1415 года, слѣдовательно, весьма незадолго до осужденія Гуса, въ Соборъ поступило прошеніе (supplex libellus) отъ господъ *чешской и польской націи*, пребывающихъ въ Констанцѣ, объ освобожденіи Гуса отъ оковъ и о публичной аудіенціи. Чешскіе и Польскіе паны увѣряютъ Отцовъ Собора, что Гусъ постоянно, какъ всѣ свои академическія дѣянія, такъ и проповѣди предупреждалъ произнесеніемъ *протестацій*, въ образецъ коихъ и нынѣ при прошеніи прилагается его *протестація*, отличенная отъ тѣхъ прежнихъ, академическихъ эпитетомъ *(protestatio) patens* (?!). Въ этой протестаціи читаемъ напримѣръ: „Nunquam pertinaciter dixi, nec volo in posterum aliquid dicere, quod foret contrarium *credibili veritati* (?!)... Unde *sicut* in actibus scholasticis ac in praedicationibus publicis me *submisi saepissime* (?!), *ita* et nunc submitto *) etc.

Отцы Собора, въ цѣляхъ испытанія, допустивши Іеронима до торжественной рекантаціи съ амвона, видѣли въ ней не столько протестацію, сколько *professionem fidei*. И, дѣйствительно, въ ней онъ долженъ былъ исправить ошибку, вкравшуюся въ его краткую протестацію, предшествовавшую торжественной рекантаціи. Въ ней онъ приписалъ

---

*) Van der Hardt IV, p. 288. Cf. ibidem p. 429: „In actibus apparet una *protestatio*, quae videtur *cruda* et *criminosa*" („Articuli Hussi Constantiae damnati.")

Вѣру высшей области *ecclesiae triumphantis*, тогда какъ ей, по ученію католической церкви, принадлежитъ высшая и яснѣйшая степень боговѣдѣнія, именуемая *beatifica visio, aenigmaticam cognitionem excludens.* Въ торжественной ре-кантаціи эта статья заняла особую главу, кончающуюся слѣдующими знаменательными словами: „Et generaliter, quicquid ibi vel antea dixerim, refero et subjicio humili corde ad determinationem hujus sacri Constantiensis concilii.“ *) Бдительность Отцовъ Собора не ослабѣвала и по заключеніи Іеронима слѣдовавшемъ за рекантаціей. Составляя въ это время обвинительныя статьи, они мотивируютъ ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Инстигаторъ представляетъ нижеписанныя статьи съ цѣлью показать, что магистру Іерониму ни въ какихъ, клятвахъ которыя онъ далъ или въ будущемъ дастъ, вѣрить никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что всѣ его благіе и сладкіе обѣты и клятвы, кои онъ дѣлаетъ и готовъ дѣлать въ будущемъ, въ сердечномъ своемъ зачатіи не таковы, какими они являются въ устномъ ихъ произношеніи, что они предприняты не для дѣйствительнаго отложенія отъ ереси, а для изысканія средствъ къ побѣгу и для сильнѣйшаго распространенія ереси и прельщенія ею христовыхъ вѣрныхъ; съ тою конечною цѣлью представляются онѣ инстигаторомъ (Николаемъ Динкельсбюлемъ), чтобы была къ Іерониму приставлена болѣе бдительная стража, и чтобы наглый обманъ, въ ней господствующій, былъ обличенъ и искоренёнъ **).

Прежде чѣмъ дать столь рѣшительный оборотъ процессу Іеронима, Герсонъ составилъ трактатъ о протестаціи, въ которомъ разобралъ ея юридическое и богословское значеніе до глубины теоретическихъ основаній ***). Проте-

*) Van der Hardt IV, pp. 507—508.

**) Ibidem p. 680. Cf. pp. 689—690: „Verum pro parte *instigatoris*, vestris reverendissimis paternitatibus humiliter exponitur, quod dictus Hieronimus in dicta custodia sic tentus, comessationibus et crapulis se ingurgitat, et epulis plus vitam exorbitantem, quam si liber existeret, ducit.“

***) „I. Gersonis iudicium de protestatione et revocatione in negotio fidei ad eluendam haereseos notam“ (considerationes duodecim) apud van der Hardt III, pp. 39—53, (Gersoni opera I, pp. 28—37.)

стація въ обоихъ своихъ видахъ,—и условная и общая имѣетъ значеніе лишь *professionis fidei, factae exterius, ad ostendendum, quid de fide protestans sentiat interius*. Протестація не содержитъ въ себѣ непремѣннаго условія погрѣшности, заблужденія, или ереси въ протестующемъ. Въ академической жизни ее принимаютъ, какъ повседневный обычай диспутаторовъ, касающихся какого-либо спорнаго или затруднительнаго вопроса богословія. Къ догмамъ неспорнымъ (напр. о всемогуществѣ Бога, о любви къ ближнему) протестація, понятнымъ образомъ, вовсе не примѣнима. Какъ общая, такъ и условная протестація, въ качествѣ общегодной формулы, нерѣдко употребляется еретиками: ею заявляя готовность исправить свои заблужденія, еретики предоставляютъ себѣ полную свободу заблуждаться даже въ тѣхъ ученіяхъ богословія, къ правовѣрному исповѣданію которыхъ обязываетъ несомнительность и открытыя, ясныя выраженія, въ коихъ преступленное ученіе предано церковью. Изъ этого ясно, слѣдуетъ, что протестація не довлѣетъ очищенію упорно заблуждающагося, особенно же, если упорная ересь вкрадывается въ догмы, основанныя на Св. Писаніи или на очевидныхъ изъ него выводахъ. Ослушаясь Св. Писанія, еретикъ въ протестаціи усугубляетъ свою вину, самымъ ея противорѣчіемъ съ его внутреннимъ исповѣданіемъ. Поэтому каноны предписываютъ очищающемуся отъ грѣха ереси прежде представить полное и безусловное изложеніе своего исповѣданія, а затѣмъ и клятвенное отреченіе отъ заблужденія. Вообще, слѣдовательно, протестація годна лишь тогда во 1-хъ, когда ея искренность *доказана*, во 2-хъ, когда она служитъ отреченіемъ отъ догмъ Вѣры, открыто (explicite) церковью не преданныхъ, въ 3-хъ, когда ея источникъ есть дѣйствительное и *доказанное* невѣдѣніе. Такого рода протестація, не предполагая сознаннаго и упорнаго заблужденія, отрицаетъ возможность въ протестующемъ препятствія въ узкой совѣсти. Чистая совѣсть невинно заблудшагося не можетъ служить препятсвіемъ къ общему, или условному отреченію отъ несознанныхъ, или даже вовсе несуществующихъ заблужде-

ній. Подать голосъ можетъ лишь совѣсть, обремененная грѣхомъ и потому къ нему чуткая. Въ точности ограничивая случаи невѣдѣнія, Герсонъ совершенно отрицаетъ всякій смыслъ протестаціи, въ томъ, кого, по его внутреннему бытію, слѣдуетъ называть не *haereticans*, а *haereticus*. Тотъ, кто будучи увѣщеваемъ путемъ поученія, суда, братской любви, неуступно пребываетъ въ ереси, для того протестація сама собою теряетъ всякое значеніе *).

Всѣ эти теоретическія мысли Герсона были *съ гнѣвомъ* примѣнены къ Іерониму въ напутственной къ костру рѣчи, произнесенной епископомъ Лоди (ep. Laudensis) въ соборномъ засѣданіи 30 мая 1416 года, заключительномъ въ процессѣ Іеронима **).

Помимо начала личнаго, внесеннаго Гусомъ и Іеронимомъ въ ихъ Констанцскій процессъ, помимо упорнаго неповиновенія и настоятельнаго презрѣнія къ авторитету Церкви, въ такой сильной мѣрѣ ожесточившихъ исходъ ихъ процесса, многія его существеннѣйшія мгновенія должны искать своего прямаго объясненія въ ихъ пражской дѣятельности. Материнскій гнѣвъ парижской *almae*, покаравшій Гуса и Іеронима, постигъ въ ихъ лицѣ ея непокорное (discolum) пражское дѣтище. Костанцская коммиссія de fide, съ большинствомъ парижскихъ магистровъ въ своемъ составѣ, въ подсудимыхъ видѣла учителей, принадлежавшихъ къ составу пражской facultatis artium. Дѣянія послѣдней, за то время, когда Гусъ совершалъ свое поприще, должны или соотвѣтствовать воззрѣнію констанцскихъ отцевъ на Гуса, или ему противорѣчить. Хула не-

---

*) cf. v. d. Hardt IV, p. 639: „Item, quod idem Hieronymus in praedictis sententiis jam per quinquennium, vel citra, damnabiliter vel contumaciter insorduit, animo indurato claves ecclesiae contemnendo perseveravit, prout in eisdem perseverat, et sordescit in hodiernum diem.“

**) На слова: „*Exprobravit incredulitatem illorum, et duritiam cordis*“. Marc. ult. c. Van der Hardt III, pp. 54—63.

правовѣрія разнеслась о Прагѣ, какъ мы видѣли выше, гораздо прежде, чѣмъ оно нашло свое вселенское осужденіе въ Констанцѣ. И въ частности, самый разрывъ Гуса съ церковью на много лѣтъ предшествуетъ какъ университетской катастрофѣ 1409 г., такъ и констанцской 1415 г. Въ привѣтствіи кводлибетарію, вѣроятно, 1403 года, Гусъ въ качествѣ ректора, посвящая главное содержаніе своей привѣтственной рѣчи похвалѣ семи свободныхъ искусствъ, со всею живостью своихъ юныхъ лѣтъ начерталъ въ ней программу своей дѣятельности, предрекши ею и ближайшее будущее самой академіи *). По всему вѣроятію, диспутъ того года (sub decanatu Io. de Pustmir) былъ однимъ изъ шумныхъ заявленій чешской націи на права первенства въ академіи. Часто въ рѣчи поминаемая *civitas Pragensis* всякій разъ сопровождается эпитетомъ *sacrosancta*, не менѣе ея и *sacrosancta natio*, *sacrosancta communitas Boemica*. Обширная похвала семи свободныхъ искусствъ оканчивается похвалою преданныхъ имъ дѣятелей академіи, „nam nisi honor laudis tribueretur merentibus, *virtutis militia* **) ex debiti stipendii carentia deperiret“. Нѣмцы не явились на диспутъ и симъ заслужили суровый укоръ изъ устъ „*oratoris magnifici*“: „И вотъ предстали предъ нами эти, въ своемъ изящнѣйшемъ появленіи, вызванныя нами дѣвы, сошедшіяся съ своей матерью философіей въ сей высокочтимый хоръ семи свободныхъ искусствъ! Они почтили своимъ присутствіемъ настоящій диспутъ (hoc quodlibetum)! въ посрамленіе тѣхъ премногихъ клириковъ и магистровъ, кои, лживо похваляясь (sophistice gloriantur)

---

*) Fontes rerum austriacarum VI, 2, pp. 112—128: Oratio inedita ut videtur M. Iohanis Hus (1409 ?!): Recommendatio artium liberalium. Почетная роль на диспутѣ de quolibet принадлежала ректору. Ректоратъ Гуса относится къ 1403-му году, когда на диспутъ de quolibet былъ избранъ отъ факультета artium Mag. Iohannes Hubneri, которому факультетское избраніе было возвѣщено двумя депутатами: *Андреемъ Бродскимъ* и *Станиславомъ Зноемскимъ*. Monumenta Univ. Prag. I, p. 375.

**) Гёфлеръ: *virtutibus malitia* (?!) L. c. p. 120.

своимъ служеніемъ богинѣ, не посмѣли, несмотря на приглашеніе, явиться въ среду нашего факультета! Желая своимъ заговоромъ посрамить нашу мать-кормилицу и досточтимаго диспутанта-магистра, они, будучи сами плѣнены собственными кознями, направляются къ безднѣ смущенія!“ *) Отъ этого обращенія къ отсутствующимъ магистрамъ, *orator magnificus* обращается къ порицанію простыхъ священниковъ (idiotas presbyteros), по малому своему просвѣщенію видящихъ ересь въ томъ, въ чемъ ея нѣтъ, разносящихъ по свѣту ложную хулу ереси на свято-чешскую землю и ея священную общину. Никакая ересь не можетъ привиться къ чешской землѣ, по старинной пословицѣ **).

Такая клевета грѣховна и въ политическомъ отношеніи, какъ хула противъ *свято*—чешской общины, „*velut regi sincere amicam.*“ Защищая Виклефа, онъ сказалъ: „что до меня, усердно увѣщеваю васъ изучать сочиненія Виклефа, частымъ и прилежнымъ чтеніемъ и особенно тѣхъ изъ его сочиненій, которыя относятся до семи свободныхъ искусствъ. Если найдете въ нихъ что-нибудь, чего вы по слабости молодаго ума не можете понять, какъ слѣдуетъ, то отлагайте до болѣе зрѣлаго возраста. ***) Я признаюсь открыто передъ вами, что самъ я изучалъ его, наравнѣ съ другими докторами, чтеніемъ его сочиненій и, признаюсь, научился изъ него многому хорошему.“ Такъ поощряя молодое поколѣніе къ защитѣ сочиненій Виклефа отъ навѣтовъ непросвѣщеннаго клира, ораторъ обращается къ магистрамъ и напоминаетъ имъ ихъ обязанность „извлекать студентовъ изъ тѣхъ трудностей, въ которыя вовлекаются они слабостью ихъ молодыхъ умовъ.“ „За тѣмъ ихъ и содержитъ гражданская община, да исправятъ они пути вѣроученія, согласно свидѣтельствамъ Писаній, да побѣдятъ они лжецовъ въ ихъ лжи.“ „И лучше вовсе не доходить до позна-

*) Ibidem pp. 119—120. И это *ineditum* прочтено г. Гёфлеромъ очень плохо.

**) „*Neminem pure Boemum posse fore haereticum*“. Ibid p. 121.

***) Fontes l. c. p. 123, 122.

нія истины, чѣмъ, познавъ ее, отступать отъ нея, въ припадкѣ малодушнаго смущенія". *) „Sed ne me ulterius cum istis presbyteris mendacibus occupem, ad te domine quodlibetarie hominem veridicum et veracem converto sermonem, qui tanto magis laudandus es, quanto magis mendacibus restitisti", **) произнесъ ораторъ, обращаясь лично къ диспутатору.

Въ этой рѣчи, достойной лучшаго изданія, ораторъ дважды обронилъ выраженія своей преданности къ ученію о вещественномъ бытіи общихъ понятій. Въ первый разъ, въ похвалѣ діалектикѣ, ораторъ, порицая недоступность и *спутанность* Аристотеля, находитъ въ этомъ ученіи *мостъ*, ведущій къ тайнамъ темныхъ безднъ аристотелевой логики. ***) Другой случай представился при исчисленіи квестій quodlibeti, изъ которыхъ, впрочемъ, сохранилась лишь одна, 14-ая: „Utrum *a parte rei universalia* sit necessarium ponere pro mundi sensibilis armonia". ****)

Въ годы преподаванія Гуса, новыя ученія, основанныя на идеальномъ реализмѣ Томистовъ вытѣсняли собою Аристотеля. Въ приводимой привѣтственной рѣчи кводлибетарію ораторъ такъ порицаетъ Аристотеля: „Здѣсь же предстоитъ и великій словомутитель Аристотель, помутившій столько мыслей въ пучинѣ словъ, *****) который, въ своемъ злорадствѣ, такъ обработалъ логику, какъ бы и вовсе ея не касался. И не то, чтобы онъ заблуждался; но пологомъ словъ онъ до того заслонилъ всѣ мысли, что и при большомъ напряженіи съ трудомъ ихъ можно разоблачить. И затѣмъ онъ покрылъ свои мысли такою тайной, чтобы наука не опошлилась (vilescere), распростершись передъ чернью во

---

*) Ibidem p. 124.

**) Ibidem p. 125.

***) Illic etiam Porphyrius arcana resolvens directo tramite tractatum *universalium* veluti pontem dirigit muratque quo calle lector abyssum logicae Aristotelis introeat penetralia penetrans." Ibidem p. 115.

****) Ibidem p. 128.

*****) Отзывъ неблагопріятный для номиналистовъ ibid. p. 115.

всей своей наготѣ. Онъ боялся ея общеизвѣстностью породить раннюю скуку, по слову поэта:

Ex re vulgata contemptus nausea surgit."

Въ лучшее старое время питомцы Пражскаго Университета такъ проникались ученіемъ Аристотеля въ передачѣ Боэція, Порфирія, что заслуживали почетнаго присоединенія къ ихъ личному имени—имени ихъ великаго учителя. Такъ in libro decanorum встрѣчаемъ баккалавра 1362 года „*Iacobus dictus Aristoteles*." *) Гусъ и его время, видя въ ней основу номинализма, много способствовали упадку школьнаго значенія философіи Аристотеля, приведшему школу къ раннему паденію; и никакіе статуты не могли поднять разъ разрушеннаго порядка. **) Духу времени подчинялись и тѣ изъ магистровъ пражскихъ, которые никогда не противодѣйствовали авторитету Церкви, коихъ образъ мыслей никѣмъ не могъ быть заподозрѣнъ въ нелегальности. Такъ, извѣстный намъ маг. Андрей Бродскій, вице-канцелярій Пражской академіи, въ самомъ началѣ своего диспута de quolibet такъ очертилъ внутренній составъ пражскаго ученія: „Hic nam in cumulo *reales metaphysici*, profundi naturales venustique morales philosophi, veraces mathematici, periti grammatici, lepidi rhetores, arguti logici, experti geometrae, prompti arismetici, solempnes etiam astronomi laudabilesque musici continentur." ***) Андрей Бродскій на первомъ мѣстѣ ставитъ метафизику, основанную на ученіи о вещественномъ бытіи общихъ понятій.

---

*) Monumenta Univ. Prag. I, p. 135; II, I, p. 9, по обычаю того времени: *Sophista* I, 282; *Plato* I, 275; II, I, 143; *Virgilius* I, 277; *Sapiens* II, 106; *Hermanus Trystram* I, 234—235.

**) „Ioannes de Rokyczano magister in artibus rector almae universitatis studii Pragensis ex unanimi consensu magistrorum omnium praefatae universitatis *mandat* omnibus baccalariis et studentibus quatenus lectiones textuales quoad auditionem librorum Aristotelis in promotionem eorum futuram sonantes fideliter secundum statuta facultatis artium ex integro audiant. Mon. I, p. 122.

***) Fontes l. c. p. 155. Мы отмѣчаемъ оригинальное произношеніе греч. придыхательной зубнаго порядка въ словѣ arismetica, такъ постоянно повторяющемся въ актахъ Пражскаго Университета.

Старѣйшимъ изъ профессоровъ пражскихъ и, можетъ быть, первымъ положившимъ прочное основаніе процвѣтанію идеальнаго реализма въ Пражской школѣ былъ — *магистръ Станиславъ Зноемскій*. Школьные сверстники, разошедшіеся до открытой вражды, магистры *Янъ Гусъ* и *Стефанъ Палечъ*, его инстигаторъ въ Констанцѣ—оба считаютъ, несмотря на бездну, ихъ раздѣляющую, *Станислава Зноемскаго* своимъ общимъ учителемъ: Гусъ, въ своей „Responsio ad scripta M. Stanislai de Znoyma, doct. theologiae", и въ началѣ и въ концѣ ея, несмотря на раздраженный тонъ, поминаетъ своего учителя добромъ и благодарностью *); Стефанъ Палечъ открыто въ одной изъ своихъ проповѣдей признаетъ себя ученикомъ того же Станислава. **) Liber decanorum facultatis artium, часто упоминая Станислава Зноемскаго, даетъ весьма полный обзоръ его академическаго поприща. Онъ достигъ баккалаврскаго званія еще въ 1385 году (sub decanatu mag. Nicolai de Meppen. Monum. I, p. 232), а въ 1387-мъ магистерскаго (Ibidem p. 256). Затѣмъ Станиславъ много разъ поминается in libro decanorum, какъ экзаменаторъ, промоторъ, деканскій совѣтникъ, сборщикъ денегъ, и между прочимъ, какъ экзаменаторъ Гуса на степень магистра подъ 1396 г. (Ibid. p. 309). Съ 1400 г. Станиславъ чаще упоминается вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Стефаномъ, какъ вицеканцелярій, какъ старшина (praepositus) коллегіи Карла ***).

Разрывъ Гуса съ учителемъ Станиславомъ и товарищемъ

---

*) Opera Hussi 1558; I, p. CCLXV: „Et quamvis ipse Stanislaus *magister meus* extiterit, a quo in suis exercitiis et actibus scholasticis multa bona didici" etc. Ibid. p. CCCII: „Quid igitur miri quod iste doctor *olim informator meus* per suam replicam me dehonestat, quantum in ipso est."

**) Fontes VI, 2, p. 142 (Ex sermone M. Stefani Palecz): „obmissis V articulis, quos *magister meus Stanislaus* esse erroneos et scandalosos magistraliter et catholice declaravit."

***) Mon. Univ. Prag. I, p. 347. Documenta pp. 345, 363; Вмѣстѣ претерпѣли они пизанскія оковы 1409 г. и, освободившись, застали Пражскій Университетъ уже опустѣвшимъ послѣ роковой реформы.

Стефаномъ получилъ громкое выраженіе въ 1413 г. Совѣтъ восьми Пражскихъ докторовъ теологіи, во главѣ декана (Стефана Палеча) издалъ заключеніе, осуждающее Гуса въ неповиновеніи и нечистой догмѣ. Заключеніе было вызвано открытою проповѣдью Гуса противъ папскихъ индульгенцій. Обширный трактатъ, *) коимъ Гусъ отвѣтилъ на заключеніе 8 докторовъ-теологовъ, отличается настолько же ученостью, насколько и побѣдоносными пріемами логики. Но всѣ его внутреннія достоинства мало оправдываютъ его появленіе. Факультетъ издалъ „conclusionem catholicam autoritativam.“ Въ ней заключается implicite правовѣрная догма, всего менѣе въ этой формѣ могущая вызвать опровержение. Не доказывая ничего, факультетъ издаетъ постановленіе. Гусъ могъ избрать два пути: или подчиниться заключенію факультета, вступивъ на путь исправленія, или упорствовать въ неповиновеніи дѣйствіемъ. Письменное опровержение, преисполненное бранью, и именно, противъ учителя Станислава и „doctorum capitaneum“ Стефана дало дѣлу самый невыгодный оборотъ. Гусъ открылъ свою вражду съ учителемъ этимъ ложнымъ шагомъ. „Ex verbis longis et ex styli insipiditate considero quod totum illud quasi *brodium* **) de capite Stanislai et cum adjunctione curcumstantiarum de Paletz capite ebullivit.“ **) И ниже онъ умѣетъ различать авторовъ коллективнаго заключенія: „istud argumentum Sianislai“; ***) „Ecce Stanislai et Paletz fabricatio. quae quaerit vincere multitudine et consuetudine, quem non potest vincere ratione“. ****)Однажды лишь: „Ecce in principio dicunt illa octo sapientissima capita.“ *****) Поссорившись съ своимъ наставникомъ, Гусъ старался повредить ему и представить его лицемѣрнымъ отступникомъ ереси. Онъ доноситъ, обвиняя его въ открытой проповѣди о непресу-

---

*) Opera Hussi 1558 I, pp. CCXCII—CCCXXXIII: „Refutatio scripti octo doctorum theologiae“.

**) Ibid. p. CCXCII. *Brodium* carnium elixarum ius. Ducange.

***) Ibid. p CCCIII.

****) Ibid. p. CCCII b.

*****) Ibid. p. CCXCVI.

ществленіи (de remanentia panis materialis); онъ осмѣиваетъ тотъ грубый обманъ, коимъ будто Станиславъ прикрылъ свою ересь. „Dicit enim quod ibi hoc verbum dicit apparentiam (panis materialis) et non existentiam, sicut hoc cum dicitur: videtur ad sensum visus corporalem, quod sol sit bipedalis quantitatis, secundum suam totam peripheriam.“ *) Отступилъ Станиславъ отъ ереси изъ боязни во 1-хъ къ прелату **), во 2-хъ къ свѣту ***). Этимъ онъ возвращаетъ Станиславу укоръ въ ереси. Въ неповиновеніи онъ обличаетъ его тутъ же, напоминая ему то упорство, съ коимъ онъ и Палечъ не хотѣли дать мѣста въ факультетѣ (и въ коллегіи Карла?) Магистру Маврикію, не смотря на папскія о томъ буллы, писанныя въ строжайшемъ стилѣ.

Доносы Гуса на учителя подробнѣе изложены въ выше приведенномъ сочиненіи, написанномъ противъ него (Станислава Зноемскаго). Чувствуя всю тяжесть своей отвѣтственности, Гусъ весьма точно приводитъ мѣсто, на коемъ онъ основываетъ свое обвиненіе въ ереси, направленное противъ маститаго доктора. Ему казалось особенно важнымъ привести доказательство изъ такого сочиненія своего наставника, которое относится не къ произведеніямъ его молодости и не къ тѣмъ философскимъ аргументамъ, гдѣ нерѣдко преподаватель долженъ былъ жертвовать интересами строгаго правовѣрія въ пользу педагогіи. Онъ избираетъ для этой цѣли изданный Станиславомъ комментарій на книгу Сентенцій и не на 1-ю и не на 2-ю, къ объясненію которыхъ приступали baccalaurei (formati), а на 4-ю, составляющую вѣнецъ въ преподаваніи схоластическаго богословія. Приводя внѣ связи это мѣсто, онъ все же не былъ въ состояніи показать что либо, кромѣ того что Станиславъ видѣлъ противорѣчіе въ догматѣ пресуществленія съ логическимъ правиломъ о томъ, что „acci-

*) Opera Hussi 1558. I, p. CCXCIV b.

**) „Postquam timuit archiepiscopum. M. Christano de Prachatic, rectori univ. st. Prag. in Docc. p. 56.

***) „Držel dokudž je v bázen světskú ne upadl.“ Synodo Pragensi anni 1413 in Docc. p. 53“

dentia non sint sine subjecto *).“ Судя по методѣ Станислава, ясной изъ другихъ его сочиненій, намъ близко извѣстныхъ, легко предположить, что выраженное имъ сомнѣніе получило свое мѣсто въ его комментаріи на Петра Ломбарда по тому же праву, по которому столь многіе схоластики въ изложеніи догмы сводили для поученія самыя противорѣчивыя толкованія. Первый подалъ тому примѣръ Абеляръ своимъ обширнымъ сочиненіемъ „de Sic et Non.“ **) Съ достойною Герсона номинальною строгостью Гусъ осуждаетъ своего наставника: Haec sunt verba *Doctoris*, quae dogmatisavit in scholis publicis et reliquit in scripto.“ Такъ осуждая, Гусъ приглашаетъ своего наставника совершить „ritam poenitentiam“ въ одномъ изъ двухъ противорѣчивыхъ ученій, имъ утверждаемыхъ ***). Онъ не преминулъ представить въ невыгодномъ свѣтѣ и ту сторону академической дѣятельности Станислава, которая особенно въ немъ должна бы была вызывать одну признательность. Метафизика реализма была самымъ скользкимъ путемъ къ правовѣрію схоластическаго богословія, и его, какъ мы убѣдимся, совершилъ Станиславъ съ пользою для науки, и тою твердою поступью, которая въ эту эпоху была единственнымъ средствомъ къ осуществленію высшей цѣли преподаванія. Гусъ, самъ съ признательностью упоминающій объ урокахъ Станислава, тѣмъ не менѣе не могъ воздержаться отъ навѣта, какъ мы убѣдимся, лживаго. Онъ его обвиняетъ въ томъ же полемическомъ сочиненіи въ

*) „Non teneor credere sub poena peccati mortalis, nec alius, quod panis cesset esse et quod accidentia sint sine subiecto, *nisi* nova determinatio sanctae matris ecclesiae vel sufficiens ratio hoc approbare poterit.“ Opera Hussi 1558 I, p. CCLXXXVIII. Ср. тамъ же выписку изъ того же сочиненія Станислава p. CCLXVII. (*Stanislaus olim laudator Ioannis Vuigleff.*): Quidam Doctor M. I. Vuigleff in aliis altus theologus et Philosophus etc.

**) Migne Patrologiae tomus CLXXVIII, pp. 1339—1610. V. Cousin Fragments philosophiques (1850) p. 280 et seqq.

***) „Aperiat ergo suam conscientiam et agat de una parte contrariorum ritam poenitentiam.“

смѣшеніи логики съ метафизикою и метафизики съ богословіемъ: „Ipse enim secundum suum caput canonisans Isagogas Porphirii, genera generalissima et species specialissimas et Aristotelis praedicamenta, fodit cisternas extraneas.... Hoc est cisternam extraneam praeter aquam Christi fodere, philosophiam fallaciter cum scriptura sacra commiscere.... Probat per suam philosophiam, quam vocat metaphysicam et altam theologiam.“ *) Можно ли упрекать преподавателя въ примѣненіи строгихъ предписаній логики къ избранной системѣ философіи? Справедливо ли вмѣнять въ ересь профессору богословія провѣрку философскаго ученія правовѣрными догматами богословія? И особенно при изложеніи опасной системы, не имъ принятой въ обязательное школьное преподаваніе? Отвѣты на эти вопросы мы почерпнемъ изъ разбора сочиненія Станислава „de universalibus realibus,“ къ которому всего болѣе относятся навѣты Гуса.

Ни Стефанъ, ни Станиславъ, никто другой изъ 8 докторовъ не отвѣчалъ Гусу. Но всѣ попытки къ сдѣлкѣ, предпринятыя королемъ Вячеславомъ, остались безуспѣшными: Пражскіе богословы, упреждая Герсона, указывали на обычай еретиковъ, отрекаясь отъ ереси вообще, съ тѣмъ большимъ упорствомъ держаться частныхъ ея заблужденій **). Богословы претерпѣли изгнаніе изъ отечества, о которомъ напомнили Гусу уже въ Констанцѣ. Смерть избавила Станислава отъ мстительнаго присутствія на Соборѣ, осудившемъ его ученика: „Interim venit M. Stephanus Palecz Constantiam, cum M. Stanislaus de Znoyma equitans in Bohemia in Nova domo, apostemate percussus, mortuus est.“ ***)

Приблизительно современный самому сочиненію, Пражскій codex clementinus VIII. E. 11. содержитъ въ себѣ двѣ редакціи Станиславова трактата „de universalibus realibus.“

*) Opera Hussi 1558 I, pp. CCLXXIX b, CCLXXXI.

**) Stephanus de Palec collegis suis in Documentis p. 509: „Videatis et conspiciatis illa mendosa verba, quomodo volunt omnia facere, sed ad nullum particulare volunt descendere.“ (Cf. Gersonum de protestatione generali in particulari nihil valente).

***) Documenta p. 246.

Одна изъ нихъ начинается на л. 145 словами: Incipiunt universalia realia edita per reverendum magistrum Stanislaum de Znayma.“ Другая, посмертная, принадлежащая перу кого либо изъ учениковъ Станислава, и изъ нихъ наименѣе одаренному, начинается на л. 207 со словъ: „Incipit tractatus de universalibus piae memoriae magistri Stanislai de Znayma sub correctione apostolicae sedis.“ Появленіе этой посмертной редакціи объясняется одною изъ инвективъ на Станислава, читаемою въ сочиненіи Гуса противъ него: „Sed cum dicta sua (i. e. Stanislai) canonisata fuerint,“ говоритъ Гусъ, „servet ea bene in scrinio cum tractatu suo, de quo facit in scripto mentionem, quod sit per Cardinalem Burdegalensem autoritate apostolica approbatus.“ *) Гусъ и его ученики клеветали на реализмъ Станислава, дѣлая изъ него искусственные выводы и ими вовлекая его въ ересь. Станиславъ былъ вынужденъ представить свою догму на апостолическое сужденіе. Римская коммиссія de fide, имѣя во главѣ своей cardinalem Burdigalensem, одобрила догму Станислава. Для насъ, слѣдовательно, имѣетъ особую занимательность первый трактатъ Станислава, такъ какъ онъ вышелъ изъ подъ его руки до римской цензуры, хотя и подъ опасеніемъ ея преслѣдованій. Съ первыхъ словъ сочиненія становится очевиднымъ, что цѣль его апологетическая: „Quamvis multis in *philosophia prima* famosis visum sit oportere non esse formas quasdam rerum communes, quas quidam universalia seu rerum universalitates appellant, aliis vero apparet hujusmodi formas sic necesse esse, ut etiam illi qui res existentes has formas habere vocibus negent, corde eas profiteri habere cogantur, et quotiens eas a singularibus vocetenus removeht, semper mente ipsas in illis percipiunt.“ Согласно съ этимъ, Станиславъ во всемъ трактатѣ нерѣдко возвращается къ доказательству вещественнаго бытія общихъ понятій отъ человѣческой природы, изъ которой здѣсь въ самомъ началѣ считаетъ нужнымъ привести лишь слѣдующій простой примѣръ: „Et nedum intellectus, sed spe-

*) Opera Hussi 1558 I, p. CCXC b.

culus corporeus tales formas in singularibus percipere videtur, prius rationaliter percipiens istam substantiam esse coloratam, quam ipsam hac vel alia specie coloris colorari, et prius esse rubeam, quam hoc vel illo gradu rubedinis performari.“ И здѣсь же, въ началѣ сочиненія, Станиславъ указываетъ на цензурныя преслѣдованія, какъ на главное его побужденіе къ составленію апологіи: „Propter ea quod, *licet retractatis operibus*, multa et plurima hinc inde alta et profunda contra et juxta posita sint, ut veritas hujus materiae claresceret, videtur non esse inutile etiam in nostro tempore adhuc utcunque motas apparentias, quae occurrere poterint, contra et juxta se ponere et oculo indifferenti perspicere easdem“. Вмѣсто протестаціи читается слѣдующее: „Et sicut nemo praesumere debet quod de auctoritatibus suis materiam hanc hominibus dilucidare posset, sic nemini pie et humiliter in veritate philosophari conanti desperandum est“. Предисловіе оканчивается слѣдующими словами: „Accedamus igitur ad terminum gratiae cum fiducia mentis, hinc inde petentes, quaerentes et pulsantes, si in mente divina sint vel non sint formae rerum ideales communes?“

Изложеніе начинается такъ: „Videtur enim quibusdam catolicis ad salutem necessarium non discredere esse hujusmodi formas ideales. Valde vero infidelis esset deo qui sibi hunc mundum sensibilem abnegaret et, quia multitudo idearum a catolicis doctoribus, nullis vel paucis famosis negare praesumentibus, creditur esse mundus architypus longe pretiosior mundo isto sensibili, infidelis deo videtur qui sine ratione patenti fidei sibi hunc mundum architypum abnegare praesumpserit“. Утвердительное доказательство начинается съ того, что ученіе объ идеяхъ вводится въ принятую систему логики *): „Et quia ideae in mente divina videntur potissime esse intelligibilitates primae et propriae rerum ad extra, ideo, proposito argumento, videndum est, si in hoc veritas eis consentiat. Arguitur igitur sic: deus maxime proprie intelligit hominem ut homo est, Socratem ut Socrates est et animal ut

*) На полѣ Л. 145: prima ratio.

animal est. Per consequens in mente divina est propria intelligibilitas hominis et per consequens deus secundum illam solum intelligit hominem ut homo est non ut Socrates est, animal ut animal est. Et quia etiam proprie intelligit animal ut animal est, igitur est propria intelligibilitas in mente divina animalis ut animal est, alia ab intelligibilitate posteriori, et tunc de Socrate ut Socrates est. Igitur in mente divina sunt tres intelligibilitates maxime propriae: prima singularis sc. Socratis ut Socrates est, secunda communis et tertia universalior". *).

Остальное содержаніе трактата мы извлечемъ, во избѣжаніе повтореній, въ формѣ сентенцій.

f. 146 r. „Videtur quod *Plato* et alii sapientes ante et post eum moti fuerunt ad ponendum universalia idealia in mente dei et ex hinc formas communes rebus singularibus secundum illas ideas impressas". — Non est verisimile sapientes ante Platonem istas res quas Plato ideas vocat, non intellexisse, siquidem in eis tanta vis constituitur, ut nisi iis intellectis sapiens esse nemo possit. Sunt namque ideae principales quaedam formae vel quaedam rationes rerum stabiles atque incommutabiles, quae ipsae formatae non sunt ac per hoc aeternae et semper eodem modo se habentes". „Quaeritur, apud quem sint istae rationes aeternae, ubi? apud Deum. Sacrilegium est dicere, deum intueri extra se exemplar sui, ad exemplum producti".

f. 147 r. „Item deus primus artifex format et distinguit res

*) Здѣсь только, для примѣра, мы воспроизвели вполнѣ такой схоластическій пассажъ, симъ пріобрѣтая тѣмъ большее право напередъ воздерживаться. Составитель посмертной редакціи такъ кается cod. cit. f. 185 v.: „Aliquas autem considerationes, quas reputavi utiles et efficaces ad fundandam hanc calculationem, alibi adduxi, quas hodie propter oblivionem, ignorantiam et taedium non sufficio, ut curem hic inscribere, quia tractatulus iste de universalibus meus distenderetur, cum etiam superius plura videntur satis pueriliter esse saepius repetita, vel alia impertinentia vel inutilia inserta, et difficile est in expertis et in usitatis in scribendo talia prima facie delineare". Слова эти въ большей или меньшей мѣрѣ примѣнимы ко всякому схоластическому сочиненію.

ad extra in suis per se primis et propriis existentiis per illapsum regulae formae suae artis in materiam suae artis. Sic artifex humanus per quoddam illapsum formae artis suae, ut sigilli in ceram, vel formae in plumbum etc. format et distinguit artificiata. Neque est dubitandum deum apud se habere necessario regulam et formam artis suae, secundum quam fabricet et artificiat regulariter et formaliter suam fabricam; nec est catolice discredendum, quod deus illabatur intima cujuslibet creaturae et per consequens cum forma artis sic illabitur peculiare formando et distinguendo suam fabricam".

f. 127 „Quot sunt res tot ideae",

f. 128 „Omnis idea est Deus essentialiter non formaliter". „Illae ideae secundum b. Augustinum sunt res et videntur potius esse res et rationes reales, quam res rationis".

f. 139 „Igitur asinus est deus, et si infirmos offendit hoc demum asinum secundum esse intelligibile vel ideale esse deum, cautius est tacendum. Et multi moderni theologi et logici desipiunt et male capiunt, cum dicitur, quod asinus idealiter vel secundum esse ideale est deum, et illos secundum eorum theologiam et logicam oporteret concedere, quod asinus initio est deus, lapis equus capra i. e. d. Nam tales secundum theologiam suam concedunt, quod verbum dei potest assumere in unitatem suppositi rationem asini, equi, caprae etc., sicut assumpsit rationem hominis, et homo, assumendo verbum dei, est asinus, est capra etc. Eorum logica videtur caute esse tenenda vel potius dimittenda... (f. 140)... Nec videtur offendere sapientes dicere quod, asinus est idea sua, dummodo intelligatur, quod non asinus in esse pueritiae temporalis talis sit idea, sed quod asinus ante et supra esse facturae (= creaturae. Ducange) habeat esse ideale proprium in mente summi artificis, et tunc illud esse ideale ante omnem facturam et ante omne tempus. . . .

...Ideae de ideato praedicatio est habitudinalis; unio talis praedicati ad subjectum fundat praedicationem habitudinalem, non formalem. Caute tacendum est coram infirmis, ignaris, discolis et protervis, et totum cum timore et pietate tractari debet. Et quare in hoc plurimum deficimus, non est mirum, quod modicum veritatis in hac re tam abscondita cognoscimus

et quocunque modo altercatio fiat et contentio de verbis hujus materiae."

f. 141 r. „Ideae rerum absolutarum sunt absolutae, et hoc patet tribus rationibus; sed rerum respectivarum respectivae ideae."

f. 141 v. „Videtur vero juxta dictum, quod deus necessive in aeternis rationibus *providentialibus* constituit statum usque ad quantum possunt pervenire. Sic enim videtur Deus omnia in dispositionibus essentialibus et accidentialibus disposuisse in miro pondere, nedum de facto sed de possibili".

Ibidem „Est autem idea secundum b. Augustinum, Egidium et alios forma exemplaris aeterna, secundum quam deus est productivus ad extra creaturae. Et tunc secundum quosdam: omnis et sola creatura habet propriam ideam in mente divina. Et sic peccata et defectus in hominibus non habent ideas in mente divina; privationes autem et carentiae, si quas deus infligit iuste hominibus, vel immittit aliis creaturis videntur habere ideas in mente dei".

f. 152. „Quaeritur cum negantibus communia, quae res est statutum ecclesiae, quod omnis utriusque sexus semel in anno confiteatur circa festum paschae; quae res est statutum quod quilibet ingrediens facultatem, debet jurare obedientiam decano et ejus statutis. Et quaeritur si negantes communia bona audierunt dicere assecutive coram rege: Rex! non est justum neque dignum, quod quilibet rusticus de regno tuo sit sub potestate tua, sub tuo dominio, vel sub tua jurisdictione.... Nec philosophi terminant suas tales distinctas actuales et habitudinales sententias proverbialiter ad propositiones mentales vel alia signa vocalia vel scripta, tunc et laici simplices quaerunt scire distincte non propositiones mentales, vocales vel scriptas, sed *a parte rei* potius, quod *quilibet grossus* suus valet plus quam unus obolus. Item *communius* est apud studentes pragenses bibere cerevisiam, quam bibere vinum, et bibere vinum est minus commune, et commune est eis comededere carnes" etc.

f. 153 r. „Videtur magna imperfectio in nobis et gravis ignorantia rerum, si prioritatem naturae et cognitionem rationalem rerum, quam deus apud se dijudicat et quam nos

per instrumenta probabilia debemus cognoscere, quod talem prioritatem totaliter instrumentis nostris attribuimus, rebus derelictis. Et quis artifex vellet totaliter insudare circa instrumenta sua"?

f. 153 r—v. „Per quid Socrates est essentialiter similis Platoni? Non per suam humanitatem singularem, quia per illam differt essentialiter a Platone, nec per suam singularem rationabilitatem, quia per illam essentialiter differt et per consequens est dissimilis, cum per illam singulariter est rationalis, etPlato nequaquam sic singulariter est rationalis. Et sic tolleretur omnis essentialis convenientia et similitudo intrinseca ad invicem".

Ibidem. „Quiditas *) generalis praedicatur, quia manifestatur, dicitur et significatur de pluribus differentibus specie."

f. 155 v. „Universalitas dicitur sicut et veritas ter: metaphysice, loice et grammatice (f. 156 r.). Universalitas loice consistens certa abstractio rerum per intellectum ab individualibus conditionibus... Abstractio non realem rem sed solum intentionalem quodammodo seu loicalem causat circa ipsam rationem, et hoc vocatur universalitas loycalis.. (f. 156 v.).. Deus secundum intellectionem suam in rebus fabricat universalitatem metaphysicam, quae est universalitatis cujusdam entitas formalis... Nec sunt audiendi philosophi quicunque, qui negant in rebus universalitatem metaphysicam, ponentes solum universalitatem loycam.. (f. 157 r).. Sic etiam sciunt dicere et exprimere, quod illa animalitas communis a parte rei, circumscripta etiam universalitate, loyca, quam creatus intellectus fabricat, praedicatur per intellectum divinum et ipsa se ipsam praedicat de qualibet specie animalis, ut ipsa est quiditas uniuscujusque earum (f. 157 v). Universalitas autem grammaticalis est signum grammaticale, significans primarie universalitatem metaphysicam vel modum signi grammaticalis,

*) Выраженіе употребительное уже въ началѣ XIII в. у Викентія Бове (см. у Теннеманна VIII, 2, p. 475), и раньше у Абеляра (Cousin O. c. passim). Въ нашемъ же трактатѣ употребительны и socrateitas, igneitas, equineitas; risibilitas, rudibilitas (о крикѣ осла), hinibilitas и пр. под.

secundum quem primarie et universaliter significat ipsam universalitatem metaphysicam. Et sic intentio metaphysica, quae est universalitas metaphysica, et intentio loyca, quae est loycalis universalitas, et intentio grammatica, quae est universalitas grammatica, pulchre se correspondent. Et has triplices intenciones, quarum loica appropriate respicit dici, grammaticalis vero significare et metaphysica respicit esse, *Ihus* *) videtur mira subtilitate fuisse complexus, cum dixit, quod unica dicitur quarum nomen est commune et ratio substantiae secundum nomen eadem“.

f. 159. „Videtur venerabilis Anselmus in libello suo de Incarnatione Verbi sentire, quod filius dei assumpsit humanitatem communem et non humanitatem quoad formam singularem.... Sicut „me esse callidum“, „me esse humidum“, „me esse coloratum“ etc. est singulare quoad subjectum et commune quoad formam“.

Ibidem. „Deitas non est universale. Alioqui sicut supposita divina non sunt plures dii propter deitatem penitus eandem, quod formam in illis tribus suppositis divinis, sic supposita humana non essent plures homines, et tunc esset unus et idem intellectus et non alius et alius in alio et alio homine, et multa haeretica inconsequentia sequerentur“.

f. 164 v. „Differentia convertilis et propria uni speciei arguitur, et in illo *Stanislaus* stat.“ (in marg.).

f. 182 v. „Thomistae qui secundum Thomam stantur in hoc quod omnes angeli differunt inter se specie et quod non possunt esse plures ejusdem speciei, quia distinctio materialis rerum in eadem specie debet esse secundum eos per materiam, et tales non habent materiam“.

Ibidem. „Ad complendum gradualem descensum, (sic) quod est dare universale maximum, medium et minimum, ita quod universale actuale est sicut maximum universale, universale potentiale tantum sicut medium universale, universale vero in re intellectuali tantum sicut minimum universale“.

---

*) Изъ этихъ слитныхъ начертаній не возстановляется ли имя *Johannes Hus?*

f. 209 r. „Illi utique nostri temporis dialectici, immo dialectici haeretici, qui non nisi flatum vocis putant esse universales substantias et qui colorem non aliquid aliud quaerunt intelligere, quam corpus neque sapientiam hominis aliud quam animam, prorsus a similium quaestionum disputatione sunt exsufflandi, in eorum quippe actionibus ratio quae princeps et judex debet esse omnium, quae sunt in homine, sicut est imaginationibus corporalibus obvoluta, ut ex eis se non posset se evolvere neque ab ipsis ea, quae ipsa sola et pura contemplari debet valeat discernere“.

Заключимъ послѣдними словами составителя посмертной редакціи: „Gaudeamus et supra modum congratulemur sibi de hoc, quod unumquodque dei creatorum plene subjacet suae regiae majestati, de quo sit benedictus Patri et Filio Spiritus coaeternus“.

